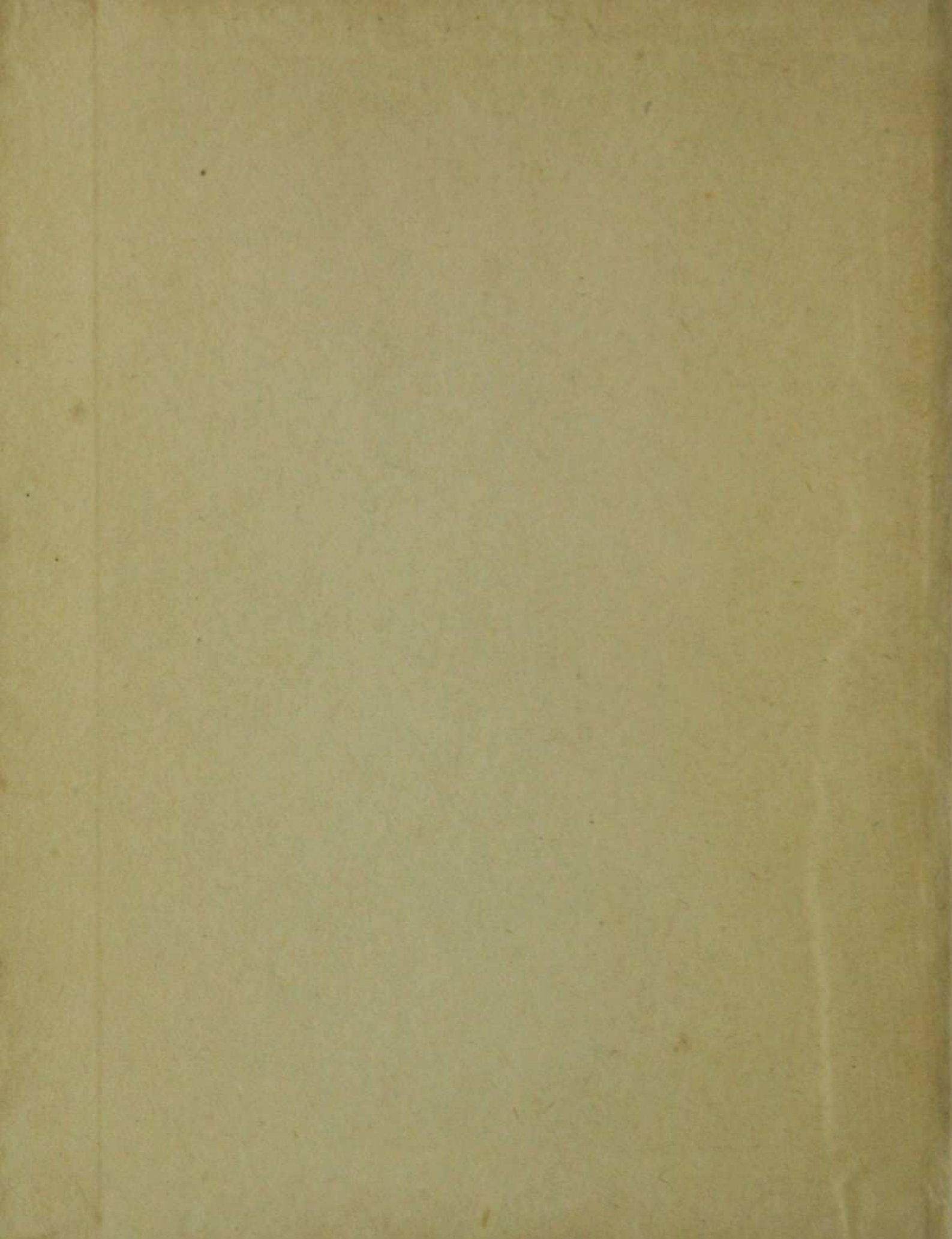

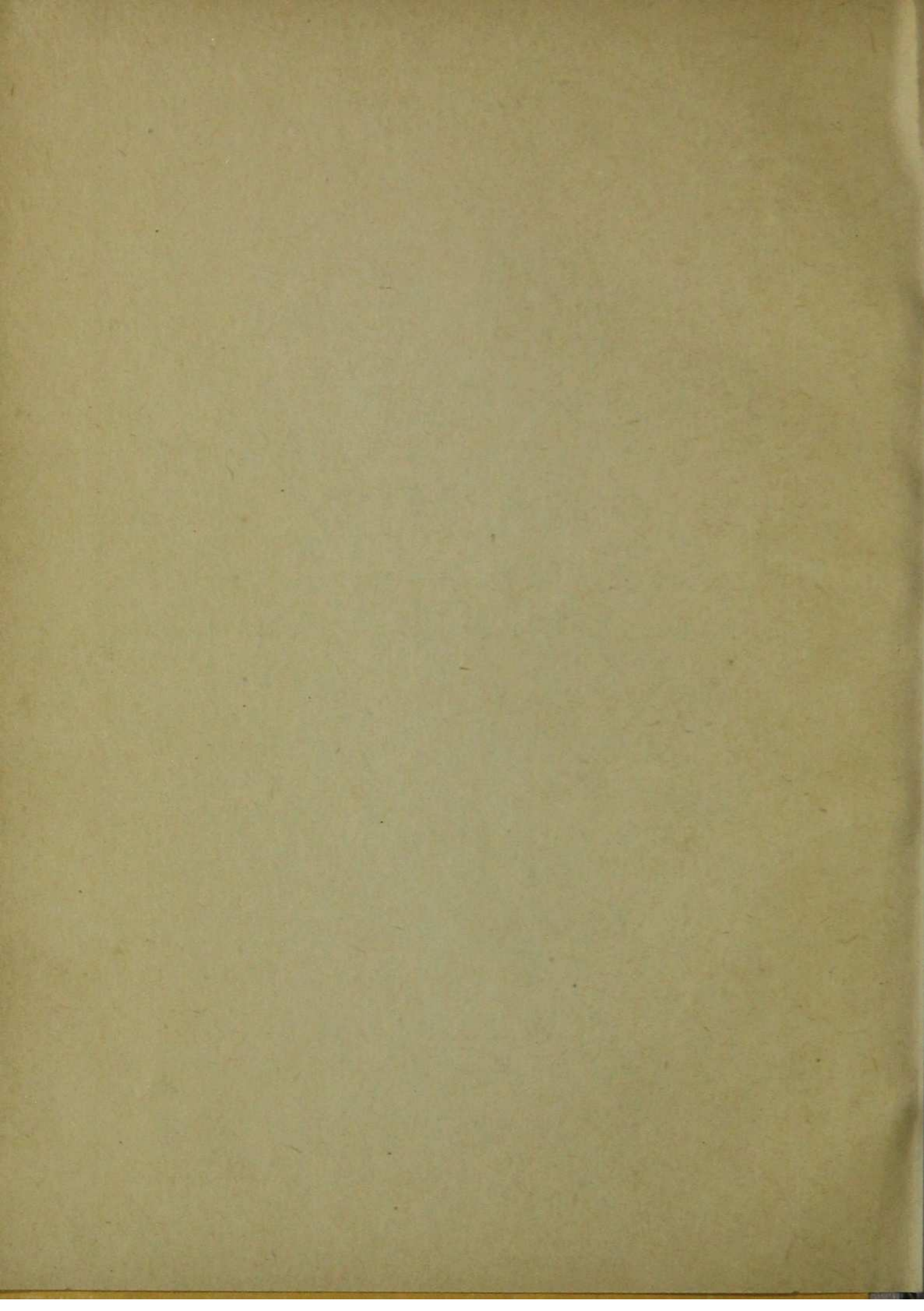
РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Троцкий 1320 1976
Сестра Мэри Куинн
(Леонид Троцкий)

Printed in Soviet Union

82.3(2=411.2)-442

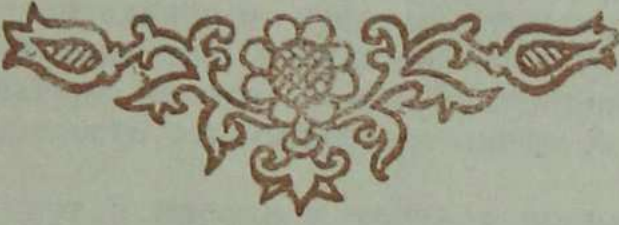
Р 89

ФОНД РЕЗЕРВИЗАТА

МВК
ЛТ

**РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

**ДАР
ПОЛЕВОГО Л. С.**

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗАТ
МОСКВА 1953

X 51—11

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

82558

МБУК «ГЦ»	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
--------------	------------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

За свою многовековую историю русский народ создал огромное количество разнообразных произведений устного народного творчества — сказок, песен, былин, легенд, пословиц, поговорок, загадок. В них отразились огромный жизненный опыт народа, его история, его мечты, думы и чаяния, горячая любовь к родине.

Сказки — один из любимых и распространенных жанров устного народного творчества. По своему идейному содержанию и художественной выразительности русские народные сказки представляют замечательный памятник искусства, свидетельствующий о высокой духовной культуре народа, о его блестящем словесном мастерстве.

«Что за прелесть эти сказки! — писал А. С. Пушкин. — Каждая есть поэма».

Сказки живут в народе с древних времен. На протяжении столетий сказители видоизменяли их сообразно своим нравам и обычаям, совершенствовали их художественную силу и выразительность. Сказки сопровождают человека от самой колыбели и до старости. Они знакомят читателя с понятием добра и зла, повествуют о красоте, уме и трудолюбии простого человека, о глупости, жадности и тунеядстве эксплуататоров.

Сказки наполнены реалистическим содержанием. В них отражены реальные взаимоотношения людей, классов, показаны труд, быт, психология народа, его борьба за свое счастье. Вспоминая беседу с В. И. Лениным о фольклоре, В. Д. Бонч-Бруевич приводит высказывание Ленина о том, что на материале устного народного творчества можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных.

Мечтая об избавлении от тяжкого подневольного труда, о покорении природы, фантазия народа создавала быстроходные корабли,

сапоги-скороходы, ковры-самолеты, скатерти-самобранки. На помощь труженику, бедному и честному человеку, приходят волшебные силы, разнообразные животные и птицы, и в союзе с ними он всегда побеждает.

В основе народного творчества, по словам А. М. Горького, лежит созидательный творческий труд. «Под каждым взлетом древней фантазии, — писал он, — легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд».

В сказках русские люди утверждали свои идеалы добра и справедливости, свое жизнеутверждающее оптимистическое мировоззрение; вот почему в них жизнь всегда побеждает смерть, добро и справедливость торжествуют над злом.

«Очень важно отметить, — писал Горький, — что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно-рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами».

В сказках, как правило, люди труда — крестьяне, батраки, мастеровые, солдаты — всегда наделены положительными качествами: здоровым умом, смелостью, находчивостью, трудолюбием, благородством. В столкновениях с силами зла, с богатыми противниками, эти люди, убежденные в своей правоте, всегда выходят победителями. Их убежденность основана на вере в свои силы, в свой разум, смекалку, мастерство.

Одним из самых любимых и распространенных персонажей сказок является Иванушка-дурачок. Он беден, несчастлив, некрасив. Но этот мужик Иван всегда оказывается умнее умных, сильнее сильных и, когда это нужно, он становится ловким и смелым, волевым и мужественным. С помощью разнообразных чудесных союзников он преодолевает все преграды и препятствия на пути к цели.

А. М. Горький относит образ сказочного Ивана-дурачка к «наиболее ярким и художественным типам героев, созданных устным творчеством трудового народа».

Утверждая труд как творчество, как необходимое условие жизни, народная мудрость выносит приговор тунеядцам, бездельникам, живущим за счет угнетения трудового народа.

Беспощадно, с огромной сатирической силой осмеивает народ в этих сказках царей, купцов, помещиков, духовенство, их тупость, жестокость, жадность.

В настоящий сборник вошли фантастические, бытовые, сатирические сказки, в которых повествуется о труде, о борьбе народа со своими угнетателями.

В дореволюционных сказках говорится о подневольном тяжелом труде, основанном на эксплуатации и обмане.

В сказках «Кузнец и чорт», «О молотобойце и чорте» повествуется о ненависти трудового народа к разного рода богатеям, заводчикам, которые потеряли человеческий облик и подвергают людей труда безжалостной эксплуатации.

В сказках «Барин и плотник», «Батрак», «Как мужик долг отдавал» рассказывается о тяжелом подневольном труде у барина. В этих сказках запечатлены реальные черты исторической действительности, рассказано о тех социальных взаимоотношениях, которые существовали между барином и работником. Жадность эксплуататоров, их тунеядство, неприспособленность к труду подвергаются беспощадному бичеванию. Положительным героем этих сказок является работник, мужик. Он побеждает своего хозяина умом, правильным решением вопросов, своей хваткой, сметливостью и ловкостью.

В сказках «Никита Кожемяка» и «Микула Селянинович» говорится о тружениках-богатырях. В них опоэтизирован образ русского труженика-пахаря и ремесленника, выражена мечта народа об освоении человеческим трудом земли, о покорении сил природы. Тридцать человек не могли сдвинуть соху, на которой пахал Микула, а он одной рукой ее вытаскивает из борозды.

Ряд едких сатирических сказок посвящен взаимоотношениям попа и работника. Классовый антагонизм особенно резко проявляется в такого рода сказках. В них подчеркиваются типичные отрицательные черты, которыми отличались попы: алчность, распутство, невежество. В этих сказках мы видим резко отрицательное отношение трудового народа к духовенству как к враждебному, паразитическому сословию, жившему за счет эксплуатации населения.

Многие сказки, вошедшие в сборник, посвящены труду детей и подростков.

Например, в фантастической сказке «Матюша Пепельной» повествуется об одаренном, умном юноше, который своим умением, силою, ловкостью и находчивостью добивается цели.

В сборник включено несколько сказов, созданных рабочими Сибири и рыбаками Дона. Эти сказы носят резко обличительный характер, они направлены против заводчиков, их управителей и кулаков.

В сборник вошло также несколько сказок, созданных в наше время. Героями современных советских сказок выступают колхозники, рабочие, летчики, пограничники.

Бурные темпы строительства социалистического государства, выдвижение рабочих и крестьян на командные должности, расцвет

советской культуры — все это наложило огромный отпечаток на народное творчество.

Советские сказки тесно связаны с современностью. Во многих советских сказках говорится о свободном творческом труде нашего народа. С помощью науки и техники советские люди осуществили мечту старинных сказок, в которых рассказывалось о подземных дворцах, поездах, замечательных машинах, облегчающих труд человека.

Советские сказочники в самой действительности находят людей необычайного сказочного мужества.

Так, в сборник вошла сказка «Ледяной холм», посвященная героической эпопее челюскинцев. Сказка построена по схеме старинных волшебных русских сказок, но говорится в ней о наших новых советских людях.

Основным лейтмотивом советских сказок является тема любви к родине, партии, тема мужества и героизма нашего народа.

В настоящий сборник включены сказки, ранее опубликованные в других изданиях.

Кандидат филологических наук А. Жигулев

Летучий корабль

ЖЖ

ИЛИ-БЫЛИ старик со старухой; у них было три сына. Два-то старших брата умных, а третий Иван-дурак. Старших сыновей старик со старухой любили и работой не утруждали, а на младшего всегда покрикивали:

Пошел, дурак, да быстрее пошевеливайся, только и знаешь сиднем сидеть!

А Иван-дурак работающий парень был.

Вот пришел раз приказ от царя:

«Кто прилетит ко мне на пир на летучем корабле, чтобы по воде ходил и по небу летал, за того дочь замуж отдам и полцарства в придачу».

Старшие братья стали собираться в дорогу. Пошли в лес, срубили дерево и давай корабль строить.

Бились, бились, нет — ничего не выходит.

Идет старик мимо.

— Здорово, ребята! Что тут делаете, какую работу работаете?

А братья сердитые были, что ничего-то у них с кораблем не ладится, и грубо ему отвечают:

— А тебе-то что? Проходи своей дорогой!

Ничего старик не сказал, пошел прочь.

Братья топорами тяп-ляп, — плюнули и пошли домой.

— Пойдем хоть на пир посмотрим, может кто и прилетит на корабле.

Вот братья ушли к царю. За ними и младший, Иван-дурак, засобирался.

— Пойду и я, хоть посмотрю, как люди живут.

— Куда тебе, дураку, — говорит старуха, — сиди дома.

А он свое:

— Нет, пойду.

Взял топор и пошел в лес. Пришел, дерево облюбовал и давай рубить.

Идет опять же старичок мимо.

— Здорово, дитятко!

— Здравствуй, дедушка!

— Что тут делаешь?

— Да вот, думаю, корабль надо летучий построить, хочу к царю лететь.

— Да сумеешь ли?

— А вот стараюсь, не знаю, как выйdet.

— Ну, вот что, Иванушка, я тебе помогу, — говорит старик. — Ступай ты к такому-то дубу, стукни три раза топором, а сам наземь ложись и лежи. Скажи только: «Выйди корабль, выйди корабль, выйди корабль». Жди, что будет. Да смотри, кто к тебе будет проситься на корабль, всех бери с собой.

Пришел к дубу Иван, ударил топором три раза и вскричал:

— Выйди корабль, выйди корабль, выйди корабль!

А сам упал наземь и лежит. Полежал немного, глаза поднял и видит: стоит корабль, паруса на нем шелковые, нос позолоченный, корма серебряная.

Обрадовался, взошел на корабль и полетел к царю.

Летит, видит — старик около озера ходит.

— Здорово, дедушка! Ты чего, дедушка, ищешь?

— Да вот пить хочется, так смотрю, достанет ли воды.

— Да пей сколько влезет! Ведь тут целое озеро.

— Ну, это мне на один глоток.

— Ничего себе — глоток! Полетим со мной к царю на пир, там, небось, не то что воды, вина тебе хватит.

— Ладно.

Летят уже двое. Смотрит Иван — идет старик, воз хлеба за собою тащит, сам кричит:

— Есть хочу, есть хочу!

— Что ты, дедушка, — говорит Иван, — да разве тебе воза мало?

— Ну, это мне и на закуску нехватит.

— Так полетим со мной к царю на пир.

И этот согласился. Летят дальше, видят — прыгает старик на одной ноге, а другую к уху привязал.

— Здорово, дедушка, что ты на одной ноге скачешь?

— Да если я на двух пойду, так сразу за тысячу верст махну.

— Ничего себе скороход! Садись с нами, полегим к царю на пир.

И этого взяли. Смотрят, стоит старик, ружье поднял и целится, а куда — не видно.

— Кого стрелять задумал, дедушка? — Иван спрашивает.

— Да вот за пятьдесят верст сокол сидит, так хочу подстрелить.

— Ловок же ты, коли так! Иди к нам в товарищи. Старик согласился.

Летят они, видят — какой-то старик прислонил ухо к земле и слушает:

— Много ли услышал чего? — спрашивает Иван.

Старик говорит:

— Вот слушаю, как народ собирается к царю на пир.

— Садись с нами, полетим вместе.

И этого взяли. Летят дальше, встречается им еще один старик.

— Куда, дедушка, идешь, куда путь держишь? И как тебя зовут?

— Иду к царю на пир, а зовут меня Мороз Морозович.

— Садись с нами, мы туда же летим.

Вот прилетели к царю на пир. Удивился царь летучему кораблю, послал слугу узнать, что за люди прилетели. Пошел слуга, посмотрел, порасспросил Ивана и назад пришел.

— Эх, ваше царское величество, ну и женихи прилетели! Мужик на мужике, ни одного барина нет, не то что царевича или королевича. Как теперь дочь-то отдавать будешь?

Задумался царь: неохота за мужика свое детище отдавать. Надо выход искать. И дает царь задачу.

— Я от своего слова не отказчик, — говорит, — отдам, конечно, дочь, но только пусть сваты съедят сто возов хлеба. Тогда, пожалуйста, с моим удовольствием.

И стали свозить хлеб со всего царства. Да возить не успевают: Обьедало как принялся есть, так все диву даются. Все приел, да еще кричит:

— Мало, мало, есть хочу!

Царь сейчас вторую задачу дает:

— Пусть-ка выпьют сто сорокаведерных бочек пива.

Тут Опивало не зеваает, целыми ведрами в рот отправляет. Все выпил, да и говорит:

— Не густо царь угощает. Сватов надо бы и не так попотчевать.

Царь думает: «Ничего себе сваты! Ну, да я их все равно обдурю». И дает еще задачу:

— Пусть жених сходит за тысячу верст и принесет живой и мертвой воды. А сроку даю час времени.

Иван говорит скороходу:

— Выручай, брат.

Скороход ногу отвязал и пустился в путь. Сейчас прибежал, набрал живой воды и мертвой и повернул обратно. А сам думает: «Мне тысячу верст — что шаг шагнуть. Успею к сроку, дай-ка отдохну, притомился что-то».

Сел на землю да и уснул. А кружки с водой меж ног поставил.

Вот час к концу приходит — нет скорохода. Иван говорит:

— Что такое? Что с ним сделалось? Послушай-ка ты, Слыхало, не услышишь ли чего?

Слыхало ухо к земле приложил.

— Спит, такой-сякой, на полпути, слышу, как храпит.

— Ну-ка, Стреляло, разбуди его.

Стреляло ружье вскинул, прицелился и как раз угодил в кружку с мертвой водой.

Проснулся Скороход, видит — вода пролита. Схватил кружку, сбегал опять за мертвой водой и пустился к царю. Поспел во-время. Царь сердится, царевна плачет:

— Не пойду за мужика!

Что делать? Говорит царь:

— Ну, видать свадьбу заводить надо, как все задачи исполнили. Только перед венцом надо в баню жениху сходить.

А сам думает в бане их изжарить. Накалили баню докрасна, за три версты не подойти, не то что мыться. Ну, Ивану с товарищами это не беда. Пошел вперед Мороз Морозович, на стену дунул, на потолок плюнул — весь жар остыл: еле-еле они смогли вымыться. Выходит Иван из бани и говорит:

— Ну, такие шутки я царю не забуду: то изжарить в бане хотел, то заморозить. Исполняй обещанное, а то по другому говорить будем.

Царь то да се; конечно, надо бы под венец, да, вишь,

и дочь молода еще. Вертится, думает, как оттянуть. А царевна прямо в глаза кричит:

— Поди прочь, мужик, деревенщина!

Иван разговаривать больше не стал, пошел к товарищам.

Стреляло говорит:

— Не горюй, мы над собой мудрить не дадим.

Стукнул Стреляло ружьем о землю, и вдруг образовалась войска видимо-невидимо.

Встал Иван впереди войска и пошел к царскому дворцу.

Царь видит — дело не ладно, и ласково так говорит:

— Ты прости, Иванушка, девка молодая, глупая, что с нее спрашивать? Будем свадьбу играть.

— Теперь-то ты по-другому заговорил, царское твое величество, — говорит Иван. — Мягко стелешь, да жестко спать. Мы к вам с добром, а ты смерти моей хотел. Ну, не быть тому. Забирай-ка свою царевну, она нам не надобна, да и убирайтесь подобру-поздорову, пока целы.

Прогнал царя, а сам стал тем царством править.

Хорошо и сейчас живет и народ рад-радехонек.

*Поди туда — не знаю куда,
принеси то — не знаю что*

В НЕКОТОРОМ государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось: не мог на дичь напасть. Время было к вечеру. Идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее. Свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри: как найдет на меня дремота, в ту пору бей меня правой рукой наотмашь — добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит, дожидается.

Прошло немного времени. Горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, — ударил ее правой рукой поотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго. Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей.

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом мире не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу протолкался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости. О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам.

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красави-

ца, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест — не наест и пьет — не напьет: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Одедся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего,— думает,— хожу холост, не женат. Вот бы женится на этой красавице. Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень¹ в рваном каф-
танишке:

— О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень.

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца под-
неси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рас-
сказал про свое горе. Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка—дело нехитрое: сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень— и бегом к царю:

— Так и так, — можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и за чем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову позевил. Марья-царевна его спрашивает:

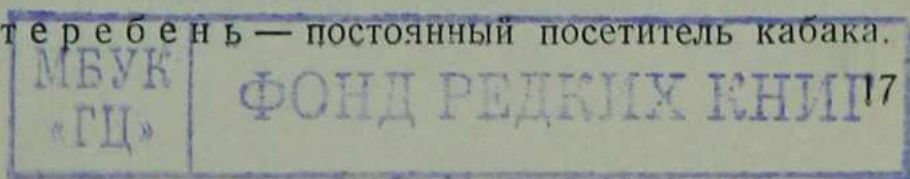
— Что не весел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу. Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

¹ Кабацкая теребень — постоянный посетитель кабака.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится. Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо них на старом-престаром царе два чорта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками — один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри, никак это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый — дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его спросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену. Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его жительство.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое мое жительство на том свете. Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко ему заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец. Царь увидал стрелка и всердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик вина и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить,

трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота-баюна.

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота-баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон — кот-баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот-баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — пришел Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногой волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот-баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову. Один колпак разбил и дру-

гой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом. Изломал железный, — принялся угощать медным, и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломается, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот-баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяконов, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю!

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собою повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота-баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот-баюн, покажи большую страсть!

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота-баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его

выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер:

— Ступай, — говорит, — к царю, и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, не весел? Или еще невзгода какая?

— Эх, — говорит, — через твою красу все напасти не су. Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба! Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее!

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу — читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете — не слышали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы

пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине, — сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете: не слышали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слышали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.

— Брось клубок перед собой, — куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится. Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется: стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге... Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен. Ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом — он ест, она спрашивает: как он на Марье-царевне женился, да живут ли они хорошо. Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика¹, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота!

¹ Голик — березовый веник без листьев, голый.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Скажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай я тебя задавлю!

— Не бойся, не задавишь! Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась — сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет — и перепрыгнула через огненную реку; перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погода застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало: ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек. Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне.

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка.

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее. Лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-квакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется.

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх, — говорит, — до чего же я утомился.

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы.

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей, да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки — не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидали остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем.

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйста, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут, дивуются: на тереме крыша, как жар, горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил. Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться. А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку», — дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тятать: тят да ляп — вышел корабль; тят-ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница и пехота с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем без заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой. Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился:

«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишка, смотрит — вместо домишка обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на

синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли, и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского; кругом — зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любят. Живут — горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда, добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал. Приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тят да ляп — стоит на море корабль, опять тят да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тятнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом: с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтоб взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

Златокудр-богатырь

ЖЖ

ИЛ-БЫЛ мужичок-беднячок. Жил он со своей женой в любви и согласии. И родился у них сын Иван.

Сын родился и в отца, и в мать — такой красивый да здоровый. И когда стал чувствовать в себе силу, стал ходить в лес на охоту.

И вот в один день пришлось ему зайти в лес очень далеко и он заблудился. Попалась ему тропа, он этой тропой пошел и думает: «Куда-нибудь да выведет меня эта тропа».

Шел, шел, и вдруг перед ним появился старый-пре-старый дом. Он обрадовался и говорит:

— Ну, теперь хоть заночую.

Когда подошел к этому дому, дом оказался заперт. И сколь он ни стучал, никто не отвечал. Пришлось ему на улице лечь спать. А как он был усталый, то сразу же и заснул. И только заснул, ему приснился сон. Будто кто-то ему говорит:

— Не спи здесь, беги прямо к замку, скажи: «Замок, отомкнись», — и замок сразу отомкнется.

Он тут же проснулся, взмошел на крыльцо, взялся за замок рукой и говорит:

— Замок, отомкнись!

И сразу замок отомкнулся.

А Иван вошел в дом и увидел в доме много всякого оружия и богатырских доспехов. Тут он оробел:

«А вдруг хозяин взойдет и что-нибудь со мной сделает?»

А потом стал надеяться на свою силу, лег на кровать и заснул крепким сном.

Через несколько времени приезжает богатырь, хозяин этого дома, видит — в доме кто-то хозяйничает, и думает:

«Кто это мог узнать секрет моего замка?»

Вошел в дом, видит — на его кровати спит какой-то молодец. Он мог бы его сонного убить, но решил:

«Подожду, пока проснется. Тогда спрошу, как он сюда попал».

Через малое время проснулся Иван, увидел богатыря и смутился. А богатырь видит — Иван намучился, устал — и стал с ним обходиться ласково, стал спрашивать:

— Каким способом ты мог сюда попасть? Сказывай всю правду!

Иван сказал всю правду: как зашел в лес за охотой, как явился перед ним старый-престарый дом, как он в дом стучался — никто ему не отвечал, как он лег, заснул, как секрет замка во сне узнал. И говорит:

— Простите меня, добрый богатырь! Что хотите со мной делайте. Я в вашей власти!

— Ладно, — говорит богатырь, — год у меня поживи, тогда посмотрим.

Иван решился этому богатырю год прослужить. Что богатырь заставлял делать, то он беспрекословно исполнял. И такую в себе силу Иван почувствовал через год, прямо невероятную.

И вот однажды богатырь говорит Ивану:

— Ну, Иван, оставайся здесь, а я уеду на долгое время.

Остался Иван хозяином в доме, стал ходить по дому и вдруг вспомнил про свой родной дом. И никак не мог придумать, в какой он стороне. Тут же, в лесу, стоял каменный столб, а на каменный столб вела лестница. И он надумал влезть на этот столб, посмотреть, не увидит ли свое родное селение.

И вот, когда он забирался на этот столб, показалось ему, что он видит свое родное селение. Только столб был очень низок, не мог Иван все увидеть. Захотел он привскочить на том столбе. И когда привскочил, от ивановой тяжести до половины столб ушел в землю.

Делать нечего, пришлось Ивану слезть со столба. И увидел он тут громадный камень. И подумал:

«Хватит ли у меня силы своротить с места этот камень? Может, там я увижу какой ход?»

Как взялся за камень, как повернул его, так и откатил на несколько сажен. Под камнем образовалась большая западня. А в камне Иван увидел печурочку (выемку) и в ней хорошенький свисток! Взял Иван свисток, стал пробовать, как он свистит. И только просвистал, как услышал из-под земли ржание лошади. Что такое? Догадался он, что под западней есть конь, и стал открывать эту западню.

Поднял он ее и под ней увидел лестницу. По этой лестнице он стал спускаться. Когда спустился, то перед ним оказалась конюшня, а в конюшне — великолепный сильный конь.

Оседлал он коня, вывел на белый свет и поехал на нем.

Ехал он долгое время и приехал на одну гору. А на той горе стояла яблоня. И была она не простая, а заповедная. Коли кто съест с нее яблочко, сделается сильномогучим богатырем. И сторожил ту яблоню один злой-

презлой богатырь. Не знал Иван этого. И только хотел сорвать яблочко покушать, как появился вдруг, откуда ни возьмись, этот злой-презлой богатырь, отобрал у Ивана яблочко и погнал Ивана прочь.

Завязался у Ивана с богатырем сильный бой. Богатырь оказался сильнее Ивана, вышиб его из седла и хотел предать смерти. Но конь иванов бросился Ивану на помощь, напал на богатыря, начал его сильно ногами бить. Тогда Иван снова напал на богатыря, обезоружил и изрубил на мелкие части.

Сорвал он после яблоко, скушал его, почувствовал в себе невероятную силу и говорит:

— Вот теперь я расправился бы и не с таким богатырем!

Сорвал еще несколько яблок и решил поехать дальше на своем коне. Но как сел на коня, конь сразу под ним пошатнулся. Стал Иван думать: «Что это может быть такое». Стало ему горько, что конь не может его везти. Может, виною тому яблоко? И надумал он также дать яблоко коню. И как только дал яблоко, а после сел на коня, то конь даже не пошатнулся, но легко понес его на своей спине. И тут же сразу заговорил. И сказал так:

— Ну, теперь слышу по тяжести, будешь ты полный богатырь. Сказывай, что тебе надобно?

А Иван ему отвечает:

— Спасибо, добрый конь! Больше мне ничего и не надо.

— Нет, Иван, тебе надобно еще кое-что. А коли ты сам не знаешь, что тебе надобно, так я за тебя знаю. Так сказал конь и побежал еще быстрее.

И вот приехали они к высокой горе. А из этой горы текло два ручейка: один золотой, а другой серебряный. Когда они подъехали к этим ручейкам, конь говорит:

— Теперь, Иван, купай руки по самые локти в серебряном ручье.

Иван искупал руки, и сделались они серебряные.

Потом конь говорит:

— А теперь, Иван, купай свою голову в золотом ручье.

Иван искупал голову в золотом ручье и сдвинулся: сделались у него кудри, как настоящее золото. И говорит ему конь:

— Теперь тебе надо волосы покрывать, чтобы никто не узнал, что ты златокудрый. И рукавицы тебе нужны, чтобы никто не знал, что руки у тебя серебряные.

Сделал Иван это, и поехали они дальше.

Едут они, а конь опять говорит:

— Повезу я тебя к царю, у него есть три дочери. Две из них уже вышли замуж, а третья ни за кого не хочет идти, хотя ей не дают покоя, все ездят женихи. А как ты приедешь, она тебя сразу полюбит, согласится выйти за тебя замуж.

Когда Иван услышал эти слова, сразу захотел повидать царскую дочь и поехал он на коне в это царство.

Приехал он, царь принял гостя очень хорошо, стал угощать. А царская дочь, как проходила мимо, увидела незнакомого человека, низко поклонилась и пошла дальше. И не смог узнать Иван, полюбился он ей или нет.

А царь, когда угостил Ивана, стал спрашивать:

— Зачем вы к нам, добрый богатырь, пожаловали?

— Ваше царское величество, — говорит Иван, — прошу вас выслушать меня. Не откажите мне в руке вашей дочери.

Царь и говорит:

— Не знаю я, кто вы такой будете, какого рода, какого племени.

— Ваше царское величество, я есть богатырь! Никакого рода, племени не имею, — отвечает Иван-богатырь.

Ничего не сказал на то царь, велел только своей дочери выйти к Ивану-богатырю.

Когда она взошла, стал царь ей говорить:

— Вот, моя милая доченька, зачем этот человек приехал: хочет он сватать тебя. Но нет у него ни роду, ни племени, и потому я за него тебя не отдам.

Дочь царева стала говорить:

— Нет, папаша, не делайте этого. Полюбился мне этот богатырь, сразу пришелся по сердцу. Никого мне не надо, кроме этого богатыря. Не отказывайте ему в моей руке.

И сколь ни упрашивал свою дочь царь, чтобы она от богатыря отказалась, не захотела этого сделать царская дочь. И царю ничего не оставалось, как согласиться отдать свою дочь за Ивана-богатыря.

Сыграли свадьбу хорошую и стали жить Иван со своей женой в царском дворце. И вместе с ними жили еще две царские дочери со своими мужьями. А мужья те, ивановы свояки, все над Иваном посмеивались, что нет у него ни роду, ни племени.

И вот на это царство напал соседний царь со своим войском. Напугался сильно царь, отец ивановой жены, и стал со старшими зятьями совет держать, как быть. А с Иваном не советовался. И вот зятья посоветовали царю войска собрать и идти навстречу врагу. И у них открылся сильный бой. Соседний царь стал побивать царские войска, и они стали отступать. А свояки ничего не подсобляли войску.

Видит тогда Иван — дело плохо, ушел он тайком от своей жены, оседлал своего коня, взял меч и поехал встречать врага, но стороной, чтобы его никто не заметил. И снял свою шапку, снял рукавицы. И сразу засияло солнце на его кудрях, а серебряные руки засверкали очень ярко.

Как налетел Иван на врага, как начал его побеждать, так сразу войска обратились в бегство. И он преследовал их и побивал. А царь с дочерьми смотрел с балкона и удивлялся, откуда взялся такой златокудрый богатырь и почему он защищает его царство? Не знали, что и подумать.

Когда все вражеские войска разбежались, Иван решил вернуться обратно. Вернулся, увидел своих свояков, выхватил свой линек, начал их нещадно бить да приговаривать.

— Эх, вы, ротозеи вы, лежебоки! Так-то вы защищаете свою землю? Только пируете да бражничаете, а толку в вас нет? И не стыдно вам?!

Не стали свояки и оправдываться, не признали в златокудром богатыре Ивана. А Иван проехал на своем коне мимо балкона. Царь и дочери царские протянули к нему руки и просили, чтобы он зашел к ним, — хотели наградить за такой великий подвиг. Но он поехал дальше, как будто ничего не слышал, никого не видал.

Сдивились царь и царевны на такое чудо. А Иван-богатырь поехал прямо за город. И там одел шапку и рукавицы и снова стал не златокудрым, а обыкновенным богатырем. Коня задними ходами провел в конюшню, а сам пробрался в комнаты, так что никто его не заметил.

Вернулись зятя, стали сказывать, что какой-то богатырь им помог. И дивились они, что у него руки серебряные, а кудри золотые. А как он хлестал их линьком, да всяки слова приговаривал, — не сказали.

Сказались они с победой. И задал царь пир на радостях.

А на Ивана ни он, ни зятя его даже не смотрели.

И вдруг, откуда ни возьмись, через сколько-то времени подступило к царству, где жил Иван с женой, вражье войско очень сильное. Тотчас стал царь советовать-

ся со своими старшими зятьями, а с Иваном-богатырем советоваться не стал. Собрали они войско и встретились с врагом. Но вражеские войска снова их стали побеждать.

Иван сразу про то догадался, тайком пошел на конюшню, снял свои рукавицы и шапку. И погнал своего коня на врага.

Врезался он в неприятельские ряды, стал рубить направо и налево. И сразу вражеские войска спрокинулись, а после стали отступать в беспорядке. А Иван все гнал да гнал вражеские войска — и выгнал прочь из царства. И когда возвращался обратно, повстречал своих свояков.

Вспомнил Иван, что их и не видал он на поле бранном, — закипело у него в груди, выхватил он линек, начал свояков нещадно бить линьком. Бить да приговаривать:

— Эх вы, лентяи! Эх вы, ротозеи! Вам только пировать да бражничать! Так-то вы защищаете землю русскую!

Отхлестал их линьком и поехал домой.

А царь и дочери его увидели все с балкона и удивлялись силе Ивана и все говорили:

— Что это за богатырь чудный и откуда он выискался?!

А у Ивана на солнце кудри золотом блестели, а руки сверкали серебром.

И когда Иван ехал мимо балкона, царь с дочерьми хотел наградить его, да Иван проехал мимо, на них даже и не взглянул.

И вот прошло сколько-то времени, и неприятельские войска в третий раз стали подступать к царству. И тут же, в третий раз, стал царь советоваться со своими зятьями — как быть? А с Иваном даже и разговаривать не захотел. И вот собрал царь с зятьями свое войско, с тем

чтобы сражаться с врагом. Но вражеского войска наступало столь много, что царева войска были сразу побиты и начали в беспорядке отступать.

Как только увидел Иван это, так сразу тайком пошел на конюшню, снял шапку и рукавицы и погнал своего коня на врага. И засияло снова солнце на его кудрях, а руки засверкали чистым серебром. Как начал рубить направо и налево, — так сразу же в войсках вражеских произошла перемена. Войска опрокинулись и стали отступать в беспорядке. А Иван начал их преследовать, врезался в неприятельское войско, в самую середину. И тут получил глубокую рану в правую руку. Пришлось ему уйти с поля боя. А вражеские войска обрадовались, что не надо биться с ним. И отступили они в свое царство, больше не хотели воевать.

— Иван видит — у него кровь не унимается, подъехал к балкону, конь взвился, поднялся вверх до балкона. И Иван взял у младшей царицы плат, на всем ходу завязал руку и ускакал за пределы города. А потом задними ходами прокрался на конюшню, поставил коня, не стал надевать на себя шапку и рукавицы и с завязанной рукой лег на постель.

В это время свояки приходят к царю и возвещают о полной победе его войска. Царь был тому очень рад и тут же надумал задать пир с большой радости. Стали садиться за стол. А царская младшая дочь, иванова жена, стала просить отца:

— Батюшка, надо нам просить и Ивана к столу.

— Ладно, сказал царь, — так и быть! С такой большой радости позови и его, пусть порадуетя с нами вместе.

Свояки тут вступились и говорят:

— Да что, ваше царское величество, он все лежит, не подсобляет нам, а пировать с нами пирует. Нам это очень обидно.

Царь отложил тогда Ивана звать. Но когда пир стал разгораться, Ивана жена снова стала просить, чтобы Ивана разрешили допустить до стола. Царь разрешил. И она тут же побежала за Иваном.

Прибежала она и вдруг видит: лежит Иван спящий с золотыми кудрями, руки по локоть в серебре. Признала она в нем красавца, который плат у нее с балкона выхватил. Не разбудила его, а побежала быстро к отцу. Прибежала и говорит:

— Дорогой папаша, идем скорей в нашу комнату, посмотрим, какой чудный богатырь там лежит.

Отец поспешил за дочерью, а когда пришли они, царица и говорит:

— Вот, папаша, вы меня бранили, что я вышла за простого богатыря, безродного. А кто неприятеля три раза отбил, как не мой муж?!

Почувствовал себя царь нехорошо, что он так обидел Ивана, и не осмелился он его будить, пока сам Иван не проснется. И приказал он пир закончить всем гостям на удивленье. А сам вернулся к Ивану и начал с дочерью ожидать, когда он проснется.

Не очень долго пришлось им дожидаться. Иван в скором времени проснулся, увидел своего тестя, поздоровался с ним, как ни в чем не бывало. А царь ему и говорит:

— Так это вы нас от врага оборонили? Это нам даже очень удивительно. И просим мы простить нас за наше к вам отношение.

И повел Ивана на пир вместе с женой.

Прибежали тут свояки, увидели Ивана, признали в нем богатыря, что хлестал их линьком, и не смели против него слова молвить. Уселись все за стол, стали пировать. А когда подвыпили, стал царь Ивану-богатырю говорить:

— Дорогой затюшка, вот теперь я понял, что ты три раза спас все царство от злых врагов. Что ты желаешь за свои великие подвиги? Говори, все исполню.

— А Иван и говорит:

— От тебя я ничего не приму: не умеешь ты править царством и потому тебе здесь не место. А родине я буду служить верой и правдой всегда.

Пришлось уйти царю. А Иван остался полным хозяином во дворце.

Матюша Пепельной

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, от дороги в стороне, жили-были старик со старухой. У них был сын по имени Матюша.

Рос парень не по дням, а по часам, будто тесто на опаре поднимался, а пуще того ума-разума набирался.

На пятнадцатом году стал он проситься у отца с матерью:

— Отпустите меня, пойду свою долю искать.

Заплакала мать, принялась уговаривать:

— Ну куда, сынок, пойдешь, ведь ты еще совсем малый, нигде не бывал, ничего не видал.

И старик кручинный сидит. А Матюша стоит на своем:

— Отпустите — уйду и не отпустите — пойду: все равно дома жить не у чего.

Потужили родители, погоревали, да делать нечего, — напекли подорожников, распростились, и отправился Матюша в путь-дорогу.

Шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и зашел в глухой темный лес. И началось тут великое несчастье. Пошел сильный дождь с градом. Полез он на

самый матерый дуб — от бури ухорониться; а там на суку гнездо. В гнезде птенцы пищат. Голодно им и холодно, бьет их градом, дождем мочит. Жалко их стало Матюше, снял с себя кафтан, покрыл гнездо и сам укрылся. Покормил птенцов из своих дорожных запасов.

Много ли, мало ли прошло времени, унялась буря-непогода. Показалось солнышко, и вдруг опять все кругом потемнело. Шум пошел. Налетела большая птица Магай и стал бить, клевать Матюшу. Заговорили птенцы:

— Не тронь, мать, этого человека, он нас своим кафтаном укрыл, накормил и от смерти спас.

— Коли так, — молвила птица Магай, — прости меня, добрый молодец, я тебя за лиходея приняла. А за то, что моих детей накормил да от ненастья укрыл, я тебе добром отплачу. Возле дуба кувшин зарыт, отпей из того кувшина ровно три глотка и увидишь, что будет.

Спустился Матюша наземь, выкопал кувшин из земли и отпил из него ровно три глотка. Спрашивает птица Магай:

— Ну, как, чувствуешь ли в себе перемену?

— Чую в себе такую силу, что кабы вкопать в землю столб до небес да ухватиться за тот столб, так перевернул бы землю-матушку.

— Ну, теперь ступай, да помни: силой своей попусту не хвались, ни от какой работы не бегай, а если беда приключится, кувшин с целебным питьем ищи на прежнем месте.

И опять потемнело все кругом: расправила птица крылья, поднялась над лесом и улетела.

Вышел Матюша из лесу, и в скором времени показался на пути большой город. Только миновал заставу, как навстречу царский дворецкий.

— Эй ты, деревенщина! Посторонись!

Матюша посторонился, а царский дворецкий остано-
вил коня и говорит:

— Что, молодец, дело пытаешь или от дела лыта-
ешь¹?! Коли дела ищешь, пойдём, я тебя в работу опре-
делю — будешь на царский двор воду возить.

Стал Матюша царским водовозом. От утренней зари
до позднего вечера воду возит, а ночевать ему негде: все
царской дворней занято. Нашел себе место для ночлега
на заднем дворе, куда всякий мусор да печную золу —
пепел — сваливали. И прозвали его на царском дворе —
Матюша Пепельной.

Царь был неженатый и все искал невесту: та не по
нраву, другая нехороша — так и ходил холостой. А тут
дошла молва: за тридевять земель, в тридесятом царстве
есть у царя Вахрамея дочь-богатырка, такая красавица,
что лучше на всем свете не сыскать.

Ездили в Вахрамеево царство свататься и царевичи
и королевичи, да назад никто не воротился: все там сло-
жили головы.

Узнал царь про заморскую царевну и думает:

«Вот как ту царевну высватаю, станут мне все цари,
короли завидовать. Пойдет слава по всем землям, по всем
городам, что краше моей царицы никого на свете нет».

И тут же приказал корабль снарядить. А сам созвал
князей да бояр и спрашивает:

— Есть ли охотники ехать за тридевять земель, в
тридесятое царство сватать за меня Настасью Вахраме-
евну?

Тут большой хоронится за среднего, а средний за
меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На другой день созвал царь боярских детей и имени-
тых купцов и опять спрашивает:

— Кто из вас поедет за тридевять земель, в тридеся-
тое государство сватать за меня Настасью Вахрамеевну?

¹ Лытаешь — отлыниваешь.

И опять большой хоронится за среднего, средний за меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На третий день кликнули на царский двор всех посадских людей. Вышел царь на красное крыльцо и говорит:

— Кто из вас, ребятишек, поедет за тридевять земель, в тридесятое государство сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну?

Выискались тут охотники ехать в заморские края, да мало. А в ту пору ехал мимо Матюша с водой. Крикнул царь:

— Эй, Матюша Пепельной, поедем с нами за море сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну!

Отвечает Матюша:

— Не по себе ты, ваше величество, надумал дерево рубить, как бы после каяться не стал.

Рассердился царь:

— Не тебе меня учить! Твое холопское дело меня слушаться!

Ничего больше не сказал Матюша Пепельной и пошел на корабль.

Скоро собрались и другие охотники, и отвалило судно от пристани. Плывут они день и другой. Погода выдалась ясная, теплая.

Вышел царь на палубу довольный, веселый.

— Эх, какая благодать! Как бы конь — мне гулять; как бы лук — мне стрелять; как бы меч — стал бы сечь; как бы красную девицу мне поцеловать!

А Матюша Пепельной ему говорит:

— Да, царское величество, будет лук, да не для твоих рук; будет меч, да не тебе им сечь; будет добрый конь, да не тебе на нем ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть.

Разгневался царь за такие речи пуще прежнего. Ве-

лел Матюше Пепельному руки-ноги сковать да к мачте привязать.

— А воротимся домой после свадьбы, велю голову отрубить.

Прошло еще времени шесть недель, и приплыл корабль к Вахрамееву царству. Завели судно в гавань, а на другой день отправился царь к Вахрамею во дворец.

— Ваше величество, я — царь из такого-то славного государства и прибыл к тебе по доброму делу: хочу высватать Настасью Вахрамеевну.

— Вот и хорошо, — промолвил царь Вахрамей, — давно у нас женихов не было, заскучала наша Настасья Вахрамеевна. Только, чур, уговор дороже всего: дочь у меня сильная, могучая богатырка, коли ты богатырь и сильнее ее, исполни три задачи — и веди царевну под венец, а нет — не прогневайся: мой меч — твоя голова с плеч. Ступай теперь, отдыхай, а завтра чуть свет приходи со всей своей дружиной. Дам тебе первую задачу: есть у меня в саду дуб, триста годов рощен, и дам тебе меч-кладенец весом в сто пудов. Коли перерубишь с одного удара тот дуб моим мечом, станем тебя женихом почитать.

Воротился царь-жених на свой корабль туча тучей. Спрашивают дружинники:

— Что, царь-государь, невесел, буйну голову повесил?

— Да как тут, ребяташки, не кручиниться! Велено мне завтра стопудовым мечом самый что ни есть матерый дуб с одного раза перерубить. Совсем напрасно в этакую даль ехали, и поближе бы невеста нашлась не хуже здешней. Надо якоря катать, да с ночной водой прочь идти.

— Нет, — говорит Матюша Пепельной, — негоже нам воровски ночью уходить, себя позорить. Я еще на море сказал: «Будет меч, да не тебе им сечь». Вот и вышло

по-моему. Ну, да ладно. Утро вечера мудренее. Ложись, ваше величество, спать, а как придем завтра к царю Вахрамею, ты скажи: «Таким ребячьим мечом пусть кто-нибудь из моих слуг потешится, а мне и приниматься нечего».

Услышал эти речи царь-жених и обрадовался:

— Ну, Матюша Пепельной, если вызволишь из беды, век твое добро помнить буду. Эй, дружина! Отвяжите Матюшу Пепельного от мачты, снимите с него железо да выдайте ему чарку водки.

А сам ходит гоголем:

— Хорошее здесь царство и сам Вахрамей, хоть не в мою статью, а тестем назвать можно.

На другой день пришли сваты к царю Вахрамею, а там уже собрался весь народ, и Настасья Вахрамеевна на балконе сидит. Увидал ее Матюша Пепельной, и так ему стало хорошо да весело, будто летним солнышком обогрело.

Повели их к могучему дубу, и три богатыря меч несут.

Поглядел царь-жених на меч и усмехнулся.

— У нас этакими-то мечами только малые ребята тешатся. Пусть-ка кто-нибудь из моих слуг побалуется, а мне не к лицу и приниматься.

Тут вышел Матюша Пепельной, взял меч одной рукой.

Размахнулся и разбил дуб в мелкие щепочки, а от меча только рукоятка осталась.

Взглянула царевна на Матюшу Пепельного и зарделась, будто маков цвет.

Тут царь-жених совсем осмелел:

— Кабы не родню заводить приехал сюда, за насмешку бы посчитал такой ребячий меч.

— Вижу, вижу, — говорит царь Вахрамей, — с первой задачей управились. Завтра поглядим, умеет ли же-

них стрелять. Есть у меня лук весом в триста пудов, а стрелы по пяти пудов. Надо из того лука выстрелить и сбить одну маковку со старого терема в царстве моего шурина Берендея. Я сегодня туда гонцов пошлю, а завтра к вечеру они воротятся и скажут, метко ли ты стреляешь.

Замолчал царь-жених, пригорюнился. Воротился на корабль сам не свой.

— Право слово, как бы знал дорогу домой да умел судном править, часу бы не остался. Велика, капитан, якоря катать, нечего тут делать нам. И царство невесело и в невесте завидного ничего нет, пойдем прочь.

— Нет, ваше величество, — говорит Матюша Пепельной, — не честь нам, а бесчестье тайком убежать.

— Да что станешь делать? Слышал ты, какую задачу дал царь Вахрамей? Ну их к чорту и с луком и с невестой.

— А помнишь, я тебе сказал: «Будет лук, да не для твоих рук», — так оно и вышло. Не надо было выше рук дерево ломить. Не послушался меня — теперь деваться некуда... А о луке ты не печалься. Завтра, как придем, скажи: «Я думал, у вас богатырский лук, а тут бабья забава. Может, кто из моих слуг не побрезгует, а мне в том чести мало».

— Ох, Матвеюшка Пепельной, неужто ты можешь с таким луком совладеть?

— Как-нибудь да справлюсь.

Развеселился царь:

— Дайте-ка поскорее всей команде по чарке вина, а Матюше Пепельному две чарки ставлю.

Выпил и сам на радости и захмелел:

— Ах, и до чего же хороша невеста! Всем взяла: и ростом, и дородством, и угожеством. Вот женись, и краше царицы, чем моя Настасья Вахрамеевна, на всем

свете ни у кого не будет. А тебе, Матюша Попельной, отпишу во владенье город с пригородками.

Слушает Матюша Пепельной хмельную речь, усме- хается.

Наутро все опять отправились к Вахрамею во дво- рец. А там народу полным-полно. На красном крыльце сидят царь Вахрамей да Настасья Вахрамеевна, на сту- пенях пониже — князья да бояре.

Девять богатырей лук несут, а три богатыря — кол- чан со стрелами.

Встречает сватов царь Вахрамей:

— Ну, нареченный зятюшка, принимайся за дело. Поглядел жених на лук и говорит:

— Да что вы надо мной насмехаетесь: вчера ребя- чий меч принесли, сегодня какой-то лучишка — бабам для забавы, а не богатырю стрелять. Пусть уж кто- нибудь из моих слуг, кто послабее, выстрелит, а мне и глядеть-то противно. Поди-ка хоть ты, Матюша Пепель- ной, потешь народ.

Натянул Матюша Пепельной тетиву, прицелился и спустил стрелку. Запела тетива, загудела стрела, будто гром загредел, и скрылась из виду.

— Уберите-ка этот лучишко с глаз долой, эта забава не для нашего царя.

И кинул лук на каменный настил, да так, что от него только куски полетели в разные стороны.

Настасья Вахрамеевна руками всплеснула и ахнула. Зашумел народ:

— Вот так сваты молодцы, эдаких еще у нас не бы- вало!

А царь-жених похаживает, бороду разглаживает, на всех свысока поглядывает:

— Эко ли чудо, эко ли диво тот ребячий лук! Цар- ство у вас хоть и веселое, да уж больно маленькое, и

народ, видать, хороший, приветливый, только жидковат против нашего.

Тут царь Вахрамей всех сватов во дворец позвал:

— Проходите, сватушки, в горницу хлеба-соли отве-
дать, а той порой, глядишь, и гонцы из Берендеева цар-
ства воротятся.

Столованье еще не кончилось, как прискакали от Бе-
рендея гонцы.

— Попала стрела прямо в старый терем и сшибла
весь шатровый верх, а из людей никому урону нет.

Говорит царь Вахрамей:

— Ну, вот теперь вижу, есть у Настасьи Вахраме-
евны сваты в ровню ей: и мечом богатырским умеют
сечь и стрелять горазды. Спасибо, утешили невесту и
меня, старика, и весь народ мой. А теперь, не обессудь-
те, гости дорогие, за угощенье: то не свадебный пир, а
пирушка — свадебный пир еще весь впереди. Ступайте
сегодня отдыхать, а завтра последнюю задачу дам... Есть
у меня конь. Стоит на конюшне за двадцатью дверями,
за двенадцатью замками. И нет тому коню наездника.
Кто ни пробовал ездить, никого в живых конь не оста-
вил. Вот надо того коня объездить, тогда будет на ком
жениху под венец ехать.

Услышал Вахрамеевы речи царь-жених и сразу при-
тих, стал прощаться.

— Спасибо, ваше величество, за угощенье, надо нам
торопиться, засветло на корабль попасть.

— Отдыхай, отдыхай, набирайся сил — эдакого чор-
тушку надо будет завтра усмирять, — сказал царь Вах-
рамей.

Спустились гости в гавань и только отвалили от бе-
рега, заговорил царь-жених:

— Поторапливайтесь, ребятушки, гребите, дружнее.
Поскорее надо на судно попасть да ночью прочь ухо-
дить. Вахрамей мягко стелет, да жестко спат: что ни

день, то новая беда, понадобилось ему бешеного коня объезжать!

А Матюша Пепельной ему:

— Помнишь ли, ваше величество, как я тебе говорил: «Будет конь, да не тебе на нем ездить»? Опять по-моему выходит. А убегать из-за этого не надобно. Завтра ты скажи: «Сядь-ка, Матюша Пепельной, попытай коня, сдержит ли богатыря!» — и после меня уже сам спокойно садись.

— Ну, а как он, такой зверь, да убьет тебя? Тогда ведь и мне смерти не миновать.

— Не бойся ничего, я коня усмирю.

— Ну, Матюша Пепельной, век твоих услуг не забуду. Был ты водовозом, а теперь тебя жалую царским воеводой. Отпишу тебе три города с пригородками, три торговых села с приселками.

А сам по палубе шепетко¹ ходит, покрикивает:

— Чего, дружинушка, приумолкла? Жалую всем по три чарки вина.

Выпил царь чару, другую, порасхвастался:

— Много к Вахрамею приезжало женишков, да никому такого почету не было, как мне. Сказано: кто смел да удал, тому и удача. Недаром Настасья Вахрамеевна глаз не отводила, все глядела на меня. А царь Вахрамей рад все царство отдать, лишь бы я на попятную не пошел.

Тут он совсем захмелел и повалился спать.

Утром Матюша Пепельной встал раненько, умылся беленько, будит царя:

— Вставай, ваше величество, пора идти коня объезжать.

И скоро пошли на царский двор.

На красном крыльце сидят Вахрамей да Настасья

¹ Ш е п е т к о — мелкими шажками, красуясь.

Вахрамеевна, а пониже на ступеньках — подколенные князя да ближние бояре.

— Пожалуйте, гости дорогие, у нас все готово. Сейчас коня приведут.

И ведут коня двадцать четыре богатыря, вместо поводов — двенадцать толстых цепей. Богатыри из последних сил выбиваются.

Оглядел царь-жених коня и кричит:

— А ну-ка, Матюша Пепельной, попытай, можно ли богатырю ехать?

Изловчился Матюша Пепельной, вскочил на коня. Едва успели отбежать богатыри, как взвился конь выше царских теремов, и укатился добрый молодец с царского двора. Выехал на морской берег, пустил коня в зыбучие пески, а сам бьет его цепями по крутым бедрам, рассекает мясо до кости. И до тех пор бил, пока конь на коленки не упал.

— Что, волчья сыть, травяной мешок, еще ли будешь супротивиться?

Взмолился конь:

— Ох, добрый молодец, не бей, не калечь, из твоей воли не выйду.

Повернул Матюша Пепельной коня и говорит:

— Воротимся на царский двор, оседлаю тебя, и как сядет верхом молодой царь, ты по щетки в землю проваливайся, а плетью ударит — на коленки пади. Пади так, будто на тебе ноша триста пудов. Будешь самовольничать — насмерть убью, воронам скормлю.

— Все исполню, как ты сказал.

Приехал Матюша Пепельной на царский двор, а царь-жених спрашивает:

— Повезет ли конь богатыря?

— Подо мною дюжит, а как под тобой пойдет, не знаю.

— Ладно, седлайте поскорее, сам испытаю.

Оседлали коня, и только царь-жених вскочил в седло, как конь по щетки в землю ушел.

— Хоть не дюже, а держится подо мной.

Хлестнул плетью легонько, конь на коленки пал. Царь Вахрамей с Настасьей Вахрамеевной и князя с боярами дивятся:

— Этакой силы еще не видано!

А молодой царь слез с коня.

— Нет, Матюша Пепельной, не богатырям на эдаких одрах ездить: на таких клячах только воду возить. Уберите его с глаз долой, а то выкину в поле, пусть сороки да вороны пообедают.

Велел царь Вахрамей коня увести и стал прощаться.

Тут царь-жених спрашивает:

— Ну, ваше величество, мы все твои службы справили, пора свечку зажигать, да дело кончать.

— Мое слово нерушимое, — ответил царь Вахрамей. И приказал дочери к свадьбе готовиться.

В царском житье ни пива варить, ни вина курить — у царя Вахрамея всего вдоволь.

Принялись веселым пирком да за свадебку.

Повенчали царя с Настасьей Вахрамеевной, и пошло столованье, веселый пир.

Сидит Настасья Вахрамеевна за свадебным столом: «Дай-ка еще раз у мужа силу попытаю».

Сжала ему руку легонько, в полсилы. Не выдержал царь: кинулась кровь в лицо, и глаза под лоб закатил. Подумала царевна: «Ах, вот ты какой богатырь могучий! Славно же удалось меня, девушку, обманом высватать, да и батюшку обманул».

Виду не показывает, вина подливает, потчует:

— Кушай, царь-государь, мой муж дорогой.

А в мыслях держит: «Погоди, муженек, даром тебе этот обман не пройдет».

День ли, два ли там погуляли, попиروвали, стал прощаться молодой царь:

— Спасибо, тестюшка, за хлеб, за соль, за ласковый прием. Пора нам домой ехать.

Приданое погрузили, распростились, и вышло судно в море.

Плывут они долго ли, коротко ли, вышел царь на палубу, смотрит: спит Матюша Пепельной крепким богатырским сном. Вспомнил тут царь Матюшины слова: «Будет мечь, да не тебе им сечь; будет лук, да не для твоих рук; будет добрый конь, да не тебе на нем ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть» — и крепко разгневался.

— Где это слыхано, чтобы холоп так с царем говорил!

Запала ему на сердце дума нехорошая. Выхватил меч, отрубил сонному слуге ноги по колени и толкнул его в море.

Подхватил Матюша Пепельной ноги в руки — надобно как-нибудь к берегу прибаваться.

Плыл он, плыл, долго ли, коротко ли, совсем из сил выбиваться стал. А в ту пору подхватила его волна и выкинула на берег.

Отдохнул малое время и вспомнил про птицу Магая:

«Ну, не век тут лежать. Хоть катком покачусь, а достигну того места, где кувшин с целебным питьем закопан».

Вдруг видит — идет к берегу человек, на каждом шагу спотыкается. Крикнул Матюша Пепельной:

— Куда идешь, не видишь разве, что впереди вода?

— То-то и есть, что темный¹ я, не вижу пути.

— Ну, тогда ступай на мой голос.

— А ты кто таков и что тут делаешь?

¹ Темный — слепой.

— Я лежу, идти не могу: у меня ноги по колени отрублены.

Подошел слепой поближе и говорит:

— Коли ты зрячий, садись ко мне в котомку, я тебя понесу, а ты путь указывай.

Посадил слепой Матюшу Пепельного в котомку.

— Слышал я от старых людей: есть где-то живая вода, вот бы нам с тобой найти. Ты бы той водой ноги исцелил, а я бы глаза помазал и свет увидал.

— Знаю, где целебное питье есть. Неси меня, а я путь стану указывать.

Вот они идут и идут. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, а слепой с безногим вперед двигаются. Устанут идти, отдохнут, ягод да грибов поедят, а иной раз и дичиной разживутся, и опять в путь-дорогу.

Так шли полями широкими, темными лесами, через мхи-болота переправились и пришли в тот лес, где Матюша Пепельной в ненастье птенцов обогрел. Подошли к приметному дубу, снял слепой котомку с плеч. Подкатился Матюша Пепельной к дереву и скоро выкопал медный кувшин. Помазал целебным питьем глаза своему названому брату — слепой прозрел. Плачет и смеется от радости.

— Спасибо, добрый человек, век твое добро помнить буду.

— Теперь пособи мне ноги прирастить.

Приставили ноги, как надобно быть, прыснули живой водой — приросли ноги.

— Ну вот, оба мы справились, — говорит Матюша Пепельной. — Пойдем теперь проведаем, что творится в нашем царстве. Царь меня за верную службу щедро наградил, сонному ноги по колени отсек да в море кинул. Надо с ним повидаться и за все его добро отплатить сполна.

Выпили они по глотку целебного питья, и всю усталость как рукой сняло, а сила удвоилась против прежнего.

Вышли они из лесу, и скоро показался впереди город. Перед самым городом на царских лугах большое стадо коров пасется. Подошли поближе, и признал Матюша Пепельной в коровьем пастухе своего прежнего царя. Спрашивает:

— Чье это царство?

Заплакал пастух.

— Ох, добрые люди, не знаете вы моего горя: было царство мое и был я раньше царем, а теперь вот коров пасу. Много времени царил неженатым, потом посватал за тридцать земель в тридцатом царстве у царя Вахрамея дочь-богатырку, Настасью Вахрамеевну. Вызвала она, что нет во мне силы богатырской, и велела мне коров пасти, а сама на царство заступила. Каждый день, как пригону коров домой, меня бранит, ругает на чем свет стоит и кормит впроголодь.

— А помнишь, я тебе говорил: «Будет и красная девица, да не тебе ею владеть»? Опять, видно, все по-моему вышло.

Тут царь-пастух узнал Матюшу Пепельного и заплакал пуще прежнего.

— Ох, Матвеюшка Пепельной, пособи мне царство воротить, я тебя за это министром поставлю, а твоему названому брату воеводство пожалую.

— Ласковый ты, да и на посулы щедрый, когда беда пристигнет, а забыл, как за мою прежнюю службу меня наградили. Надо бы тебя смерти предать, да не хочется рук марать. Уходи из этого царства, чтобы духу твоего здесь не было. Попадешься еще раз мне на глаза — пеняй на себя.

Как услышал царь-пастух такие речи, до смерти перепугался и кинулся наутек. Только того царя и видели.

А Матюша Пепельной со своим названным братом пришли в город и выпросились у бабушки-задворенки переночевать.

Старуха на Матюшу Пепельного поглядывает.

— Где-то я тебя видала, добрый молодец, не ты ли раньше на царский двор воду возил?

Признался Матюша Пепельной:

— Я, бабушка.

— Ох, ты, дитяtko желанное, живой да здоровый воротился. А тут молва прошла, будто нету в живых тебя. Новый водовоз никому ковша не нальет, а ты всем бедным да увечным давал воды, сколько надобно. За то тебя все желают да вспоминают.

Принялась бабушка-задворенка по хозяйству хлопотать. Добрых молодцев напоила, накормила, баню истопила. Намылись гости с дороги, напарились и повалились спать. А бабушка-задворенка пошла на царский двор и сказала:

— Воротился в город Матюша Пепельной.

Дошла та весть и до царских покоев. Наутро царица девку-чернавку послала.

— Позови скорее Матюшу Пепельного.

Пришел Матюша Пепельной на царский двор. Увидала его Настасья Вахрамеевна. С крутого крылечка скорым-скоро сбегала, за белые руки брала.

— Не тот мой суженый, кто коров пасет, а тот суженый, кто умел меня высватать. Думала, тебя живого нет. Сказывал постылый царь, будто напился ты пьяный на судне да в море упал. Плакала по тебе, тосковала, а постылого прогнала коров пасти.

Рассказал ей Матюша Пепельной всю правду: как царь ему ноги сонному отрубил да в воду кинул и как они с названным братом живую воду достали.

— А о пастухе и говорить не станем. Теперь его и

след простыл. Никогда он не посмеет и на глаза показаться.

Повела его царица в горницу, наставила на стол разных напитков да кушаньев. Потчует гостя:

— Кушай, мил-сердечный друг.

Попил, поел Матюша Пепельной, стал прощаться:

— Надо мне отлучиться, родителей проведать.

Велела Настасья Вахрамеевна карету заложить.

— Поезжай, привези поскорее отца с матерью, пусть с нами живут.

Привез Матюша Папельной родителей, и тут свадьбу сыграли, пир отпировали.

Матюша Пепельной на царство заступил, а названного брата министром поставил. И стали жить-поживать, добра наживать, а лихо избывать.

Мартын

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве, не на небе, а на земле, жил старик в одном селе. У него мать была Арина, жена Екатерина и сын Мартын. Всю свою жизнь старик занимался охотой, ловил капканами зайцев, лисиц, куниц. Жил старик, жил да помер. Осталась старуха и сын Мартын. Однажды вечером сидит старуха, прядет пряжу и говорит:

— Сынок Мартынушка, ты бы пошел к соседу, выпросил бы лошадь да и поехал в город. Надо купить хлеба.

— Сказано — сделано. Выпросил Мартын лошадь, взял сто рублей и поехал в город. Вот приезжает он в город и видит: мясники собаку бьют.

— Продайте мне собачку, — говорит Мартын.

— А сколько дашь?

— Да у меня денег сто рублей.

«Вот, — думают мясники, — чудака!»

Продали Мартыну собаку, поехал Мартын обратно. Приезжает домой, мать его встречает, спрашивает:

— А где хлеб, Мартынушка?

— Собаку я купил, а на хлеб денег не осталось..

— Дурень ты, дурень, Мартынушка! Обманули тебя купцы. — Дает ему мать денег и посылает в город купить хлеба. Поехал Мартын в город. Только доехал до города, видит: мальчишки кота хсят в реке утопить.

· Продайте мне кота, — говорит Мартын.

— А сколько дашь?

— Да у меня денег сто рублей.

Обрадовались мальчишки.

— Ладно, — говорят, — покупай.

Купил Мартын кота и поехал домой. Приезжает, а мать его встречает, спрашивает:

— А где хлеб, Мартынушка?

— Купил я кота, а на хлеб денег нехватило.

— Дурень ты, дурень, Мартынушка! Обманули тебя мальчишки. Придется тебе, Мартынушка, в работники наниматься.

— Ладно, — говорит Мартын, — пойду в работники.

Мать последнюю муку по закромам и угольникам подмела да лепешек напекла. Проводила Мартына, осталась одна. А Мартын идет себе да идет, лепешки поедает, водичкой запивает, песенки поет. Глядь, а на встречу поп.

— Куда, свет, идешь?

— Да в работники наниматься, — отвечает Мартын.

— Иди ко мне.

— Ну что ж.

— Я только нанимаю работников без ряды, — говорит поп, — три года проживешь — за труд получишь.

Согласился Мартын. Прожил он три года, идет к попу за расчетом. Увидел его поп и смеется.

— Я тебе, — говорит, — столько денег дам, что и на себе не унесешь.

Подводит поп Мартына к сараю и дает ему мешок с песком.

— Неси, — говорит, — да будь умней, без ряды не нанимайся.

Подумал Мартын, подумал, взвалил мешок на плечи и пошел домой.

А по дороге к дому рос дремучий-дремучий лес. Входит Мартын в лес и видит поляну, а на поляне костер, а в костре девица. И молвила девица Мартыну:

— Добрый молодец, избавь меня от огня!

Развязал Мартын мешок и сыпнул песок на костер. Огонь потух, а девица вскочила, ударилась о сырую землю и стала змеей. Обвила змея Мартына и сказала ему:

— Неси меня к моему отцу в подземное царство, в три-девятое государство.

Только сказала, взвился Мартын и очутился около подземного царства, у змеиной норы. Ударилась змея о камень и сделалась красавицей. Тогда и говорит ему девица-змея:

— Придем мы к батюшке, — будет он тебе давать денег — не бери, будет давать дорогую одежду — откажись, будет награждать тебя камнями самоцветными, скатным жемчугом, красным золотом, чистым серебром — не бери, а спроси у него колечко с мизинца царской руки.

Спустился Мартын в нору и зажмурился от блеска. Видит он дворец золотой, столбы золотые, точеные, а на каждом столбе по камню крупному самоцветному, дорога осыпана скатным жемчугом. Видит Мартын — восседает на троне подземный царь. Вокруг слуги стоят, в золотые трубы трубят, девицы духовитой водой ноги царские обмывают, тканями дорогими обтирают.

Увидел царь свою дочь, обрадовался и спрашивает:

— Кто твой избавитель?

Возговорит тут царская дочь:

— Вот этот молодец, батюшка!

— А что ты хочешь за это? — спрашивает царь. — Хочешь бери чисто серебро, красно золото, скатен жемчуг; хочешь, бери одежду дорогую, царскую.

— Ничего мне не надобно, — говорит Мартын. — А дай ты мне кольцо с мизинца твоей руки царской.

Дал царь ему кольцо и говорит:

— Перекинешь кольцо с одной руки на другую, и все твои желания будут исполнены, а теперь прощай.

Простился Мартын с царем и его дочерью, вышел из норы, перекинул кольцо с руки на руку, и предстали перед ним шесть молодцов — волос в волос, голос в голос, и говорят так:

— Что будет сказано, то сделано!

— Отнесите вы меня на мою родную сторонущку!

Только успел это вымолвить — очутился у своей избушки. А на пороге стоит мать-старушка, собачка Жвр-ка, кот Васька, встречают Мартынушку, рады ему. Отдохнул Мартын, а потом и говорит матери:

— Мам, а мам, иди сватай царскую дочь.

— Что ты, Мартынушка, или очумел?

Но Мартын не отступает от своего. Пошла старуха к дворцу. Подходит, а у дворца стража, попы, архиереи, колокола гудят, колокольчики звенят, из пушек бьют, в трубы трубят. Царь стоит на балконе, вино заморское попивает, пряниками заедает, приказы отдает.

Испугалась старуха, стоит ни жива, ни мертва. А стража ее заметила, по спине палками бьет, от дворца отгоняет, злых кобелей с цепи спускает. Закричала тут старуха. А царь услышал и спрашивает:

— Что случилось?

— Да старуха, ваше величество, на дворцовой земле стоит, на вас изволит смотреть, к вам просится.

— А ну, пустите ее, — говорит царь, — пусть доложит, что ей надо.

Пустили старуху к царю, а она ему и говорит:

— Государь-батюшка, неразумный мой сын Мартынушка прислал меня к вам сосватать ему вашу царскую дочь.

Позеленел царь от злости. Созвал он синод и спрашивает.

— А какое лучше придумать наказание крестьянскому сыну, который осмелился мою дочь сватать?

Архиерей говорит:

— Сжечь живым!

Вельможа подумал да и говорит:

— Сжечь всегда можно, а лучше, ради забавы, дать ему задачу — построить золотой дворец.

Приходит старуха к Мартынушке и плачет:

— Задал тебе царь задачу построить дворец, не построишь — голова с плеч долой.

Перекинул Мартын колечко, явилось шесть молодцов — волос в волос, голос в голос.

— Построить мне золотой дворец!

— Сказано — сделано.

Встает царь, смотрит в окно и видит — стоит золотой дворец. Нечего делать, надо вызывать жениха. Собрал царь синод, спрашивает, как быть. Вельможа говорит:

— К царской дочери надо приехать в такой карете, какой во всем свете не сыскать, на таких конях, у которых грива была бы золотая, а шерсть бурая.

Приказал царь Мартыну выполнить задачу, а не выполнит — голова с плеч.

Перебросил Мартынушка кольцо, явилось шесть молодцов — волос в волос, голос в голос.

— Была бы карета, какой во всем свете нет, кони бурые, грива золотая.

— Сказано — сделано.

Предстала перед Мартыном карета такой красоты, какой во всем свете нет: зеркала в рамки хрустальные вделаны, роспись по бокам китайская, подушки бархат-

ные, занавески атласные, кони копытами бьют, гривы золотые по ветру развеваются. Сел Мартын в карету, поехал к царю. Увидел царь, до дворца Мартына не допускает, собрал синод и спрашивает:

— Как быть?

Вельможа и говорит:

— Нельзя жениха допускать до царской дочери в простой одежде крестьянской. Дать ему задачу — сшить такой кафтан, какого во всем царстве нет.

Отдал приказ царь, а Мартын колечко с руки на руку перебросил, явилось шесть молодцов — волос в волос, голос в голос.

— А достать кафтан, какого во всем царстве нет!

— Сказано — сделано.

Смотрит царь, а Мартын едет в карете, на нем кафтан бархатный, кушаком серебряным перетянутый, сапоги сафьяновые, шляпа пуховая с пером павлиньим. Нечего царю делать, отдал он за Мартына свою дочь.

И зажил Мартын во дворце золотом. А у дворца — озеро студеное, а на озере гуси-лебеди плавают, через озеро перекинут мост хрустальный, а вокруг дворца сад, с деревьев наливные яблоки свисают, в золотых клетках птицы райские поют песни царские.

А царь и царская дочь недовольны Мартыном. Злоба их, вишь, разбирает, что он крестьянин, а не царской породы. Вот один раз царь и говорит дочери:

— Выпытай, как ему все это удается.

Ладно. Напоила царская дочь Мартына да и спрашивает, откуда у него все так получается. Ну, Мартын и рассказал тут все. Дождалась царска дочь ночи, заснул Мартын, а она кольцо у него скрала, вышла в чистое поле да перебросила колечко с руки на руку. Явилось шесть молодцов — волос в волос, голос в голос.

— А отнесите меня в прекрасное царство, к королевскому сыну, не хочу я быть за крестьянином.

— Сказано — сделано.

Поднялся ветер, подхватил царевну и унес в мышинное царство.

Просыпается Мартын — ни кольца, ни царевны. А царь и говорит:

— За то, что не умел уберечь царску дочь, придумаю тебе наказание, какого еще никто не видел. — Собрал он синод. Вот архиерей и говорит:

— Замуровать его в стене и заморить голодом.

Наказание полюбилось царю. Приказал Мартына схватить и замуровать в стене. Сидит Мартын замурованный, а собака Журка и кот Васька думают, как бы им освободить свсего избавителя.

— Вот что, — говорит собака Журка, — пойдем в город, увидим булочника, я брошусь ему под ноги, наделаю шум, а ты булки хватай.

Так и сделали. Увидели булочника, Журка залаяла, бросилась к ногам, булочник упал, булки упали, а Васька знай собирает да Мартыну носит. Наносили Мартыну булок, а сами отправились в мышинное царство.

Подходят к реке. Как быть? Журка может плавать, а Васька нет.

— Садись, — говорит Журка, — мне на спину, я тебя и перевезу.

Перевез Журка Ваську, подходят к мышинному дворцу. И вот что они увидели. Сидит царь мышей, а вокруг зерна насыпаны, сухари в мешках, масло в бутылках. Писк такой, что в ушах звенит. А царска дочь тут же сидит и плачет:

— Не хотела жить в холе, так теперь живу в неволе!

Кот Васька набросился на мышей, давай их поедать. Испугался мышиный царь, собирает мышиный синод, совет держит, чем кота здобрить. Спрашивает мышиный царь кота:

— Чего ты хочешь?

— А у тебя, — говорит Васька, — есть царевна, а у царевны кольцо, так вот мы за ним и пришли.

Есть такая царевна, но кольцо получить очень трудно: когда она спит, кольцо в рот кладет.

Пищит тут маленький мышонок:

— Царское мышиное величество, не вели казнить, а вели слово молвить!

— Говори!

— Попроюсь я в палаты, где спит царевна, и достану кольцо.

Дали мышонку приказ кольцо достать. Заснула царевна, а мышка прыгнула, хвостиком в носу у царевны пощекотала, царевна чихнула, кольцо выпало изо рта, мышка кольцо подхватила и доставила Ваське.

— Ладно, — говорит кот, — на этот раз больше трогать не буду.

Пошли Журка с Васькой обратно. И вот подходят к реке. Как быть, как переплыть, как кольцо сохранить?

— Я буду, — говорит Васька, — кольцо в зубах держать, а ты перевези меня.

Как договорились, так и сделали. Летит ворона и стала по голове Ваську клювом долбить. Больно стало Ваське, хотел он ворону ухватить, да кольцо-то и выронил.

А щука кольцо подхватила и уплыла.

Что делать! Вышли на берег, стали совещаться. Стал Журка раков ловить, а те пощады просят. А Васька и говорит:

— Дадим вам пощаду, если поймаете нам щуку.

Взялись раки щуку изловить, вцепились ей в хвост и выкинули на берег.

Кот брюхо у щуки выел и кольцо достал. Пошли дальше. Приходят к Мартыну, а он еле-еле жив. Дали ему кольцо. Перекинул Мартын кольцо с руки на руку,

и явились шесть молодцов — волос в волос, голос в голос.

— А достать мне грозное войско!

— Сказано — сделано.

Видит царь, а к его дворцам несметные рати идут, в барабаны бьют, из пушек палят, выходить велят. Вышел царь, а Мартын говорит ему:

— А ну, царь, пора и честь знать, засиделся на царском месте, убирайся вон!

Царь тут в ноги, прощения просит.

Велел Мартын царя убрать, вельмож и архиереев разогнать. А сам с войском своим занял царство, народную власть учредил, себе в жены крестьянскую девушку взял, стал жить-поживать да вместе с народом добро наживать. Тут и сказка вся.

Золотая гора

Ж

ИЛ-БЫЛ добрый молодец, и до того дошло, что есть ему было нечего. Взял он лопату, вышел на торговую площадь и стал поджидать, — не наймет ли кто в работники. Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете. Увидали его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Остался на площади всего-навсего один добрый молодец.

— Хочешь работы, молодец? Наймись ко мне, — говорит семисотный купец.

— Изволь, я за тем и на площадь пришел.

— А что возьмешь?

— Положи на день по сотне рублей, с меня и будет.

— Что так дорого?

— А дорого, так поди ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал — все разбежались.

— Ну, ладно, приходи завтра на пристань.

На другой день поутру пришел молодец на пристань; семисотный купец давно его дожидается.

Сели они на корабль и поехали в море.

Ехали-ехали — посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у самого берега что-то, словно огонь, горит.

— Никак пожар виден, — говорит молодец.

— Нет, это мой золотой дворец.

Привалили к острову, вышли на берег.

Навстречу семисотному купцу прибежала жена вместе с дочкою, и дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Тотчас они поздоровались, пошли во дворец и нового работника с собой взяли; сели за стол, стали пить-есть, веселиться.

— Куда день ни шел, — говорит хозяин, — сегодня попируем, а завтра и за работу примемся.

А работник был собою молодец, статный, рослый — кровь с молоком; полюбился он красной девице. Вышла она в другую комнату, вызвала его тайком и дала ему кремень да кресало.

— Возьми, будешь в нужде, — пригодится.

На другой день семисотный купец отправился со своим работником к высокой золотой горе: лезть на нее — не влезть, ползти — не вползти.

— Ну-ка, — говорит купец, — выпьем вперед.

И поднес работнику сонного зелья. Тот выпил и заснул. Купец достал нож, убил ледащую клячу, выпотрошил, положил парня в лошадиное брюхо, сунул туда лопату и зашил, а сам в кустах притаился.

Вдруг прилетают вороны черные, носы железные, ухватили падаль, унесли на гору и ну клевать. Съели лошадь и стали было добираться до работника. Тут он проснулся, от черных воронов отмахнулся, глянул туда-сюда и спрашивает:

— Где я?

Отвечает семисотный купец:

— На золотой горе; бери-ка лопату да копай золото!

Вот он копал-копал, все на низ бросал, а купец на возы складывал. Ввечеру девять возов поспело.

— Будет, — говорит семисотный купец, — спасибо за работу, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло, с тобой ровно сто будет!

Сказал купец и уехал.

«Что тут делать, — думает работник, — сойти с горы никак нельзя; придется помереть голодной смертью».

Стоит на горе, а над ним так и вьются вороны черные, носы железные: видно, добычу почуяли. Стал он припоминать, как все это сделалось, и пришло ему на ум, как вызывала его красная девица, подавала кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь в нужде — пригодится!»

— А ведь это она недаром сказала. Дай попробую! Вынул работник кремень и кресало, ударил раз и тотчас выскочили два молодца.

— Что угодно? Чего надобно?

— Снесите меня с горы к морскому берегу.

Только успел вымолвить, они его подхватили и бережно с горы снесли.

Идет работник по берегу, глядь — мимо острова корабль плывет.

— Эй, добрые люди-корабельщики! Возьмите меня с собой!

— Нет, брат, некогда останавливаться; мы за эту остановку сто верст сделаем.

Миновали корабельщики остров — стали дуть им ветры встречные, поднялась буря страшная.

— Ах, видно, он не простой человек; лучше воротимся да возьмем его на корабль.

Повернули к острову, пристали к берегу, взяли работника и отвезли его в родной город.

Много ли, мало ли прошло времени — взял опять молодец лопату, вышел на торговую площадь и ждет наемщика. Опять едет в раззолоченной карете семисотный

купец. Увидали его поденщики, все врозь рассыпались, по углам попрятались. Остался один бедный молодец.

— Наймись ко мне, — говорит ему семисотный купец.

— Изволь, положи на день по двести рублей и давай работу!

— Экой дорогой!

— А дорогой, так поди поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты показался — сейчас разбежались.

— Ну, ладно. Приходи завтра на пристань.

Наутро сошлись они у пристани, сели на корабль и поехали к острову. Там один день прогуляли, а другой настал — к золотой горе отправились. Приезжают туда, семисотный купец подносит работнику чарку.

— Ну-ка выпей наперед!

— Постой, хозяин. Ты всему голова, тебе первому и пить; дай я тебя своим попотчую.

А уж работник загодя сонным зельем запасся. Налил полный стакан и подает семисотному купцу. Тот выпил и заснул крепким сном. А добрый молодец зарезал клячу, выпотрошил, положил своего хозяина в лошадиное брюхо, сунул лопату и зашил, а сам в кустах спрятался.

Вдруг прилетели вороны черные, носы железные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотный купец, глянул туда-сюда:

— Где я? — спрашивает.

— На горе; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопишь, научу, как с горы спуститься.

Семисотный купец взялся за лопату, копал-копал, двенадцать возов накопал.

— Ну, теперь довольно, — говорит работник, — спасибо за труд, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь. Вас там на горе девяносто девять сгнуло; с тобой ровно сотня будет!

Забрал добрый молодец все двенадцать возов, приехал в золотой дворец, женился на красной девице, дочке купца семисотного, и переехал жить в столицу. А семисотный купец так на горе и остался; заклевали его вороны черные, носы железные.

Крошечка-Хаврошечка

ВЫ ЗНАЕТЕ, что есть на свете люди и хорошие есть и похуже, и есть такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попалась Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили, над работою каждый день занудили, заморили: она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка и меньшая — Триглазка. Они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка, меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбылось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатоно. Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет-принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает.

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке, а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок!

Глазок заснул.

Пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила.

Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, материно приказание забыла, и глазки смежила.

А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатоно, а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала.

Хаврошечка поет:

— Спи глазок, спи, другой!

А об третьем забыла. Два глазка заснули, а третий глядит, все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала. Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу.

— Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

— Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая.

— Режь, да и только!

Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка, тебя хотят резать.

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала. Голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька — да какая! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо, — останавливается, кто проходит близко, — тот заглядывается.

Случилось раз: девушки гуляли в саду; на ту пору ехал по полю кудреватый молодец. Увидел яблочки, затрогал девушек:

— Девицы-красавицы, — говорит он, — которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились.

Молодец на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

Никита Кожемяка

КОЛО Киева появился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке. Возьмет девку, да и съест ее.

Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла.

У той царевны была собачка — увязалась с нею из дому. Напишет, бывало царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею, а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут царевне: узнай, кто сильнее змея.

Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке. «Сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать».

Царь, получивши такую вестъ, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну.

В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож. Как увидел он, что к нему пришел сам царь, задрожал от страха, руки у него затряслись, и разорвал он те двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и сколько ни упрашивали его царь с царицею, не пошел выручать царевну. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды.

Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб пошел он супротив змея. Сжалился Никита Кожемяка, на сиротские слезы глядя. Взял триста пудов пеньки, насолил смолою, весь обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему.

— Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу, — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать.

Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился со змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

— Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка. Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой.

— Хорошо, сказал Кожемяка, — надо между проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея да и стал от Киева между пропахивать. Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского.

— Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили.

— Землю разделили, — проговорил Никита, — давай

теперь море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут.

Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море.

Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

Микула Селянинович

ВАННИМ утром, ранним солнышком собрался Вольга братъ дани-подати с городов торговых Гурчевца да Ореховца.

Села дружина на добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь в поле, посвистывает, лемехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведет.

Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать.

Едут молодцы другой день до вечера, так же все пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет.

Третий день идет к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладет, как рвы глубокие, из земли дубы вывертывает, камни-валуны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шелком по плечам рассыпаются.

А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него клено-

вая, гужи шелковые. Подивился на него Вольга, поклонился пахарю:

— Здравствуй добрый человек, в поле трудничек!

— Здоров будь, Вольга Всеславьевич! Куда путь держишь?

— Еду в город Гурчевец да Ореховец, собирать с торговых людей дани-подати.

— Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут все разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился. Окружили меня люди торговые, стали брать с меня дорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелковою плеткою. Ну, который, стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит.

Удивился Вольга, поклонился пахарю:

— Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища.

— Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать — других мужиков не обижать.

Снял пахарь с сохи гужи шелковые, распряг кобылку серую, сел на нее верхом и в путь отправился.

Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу.

— Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцев-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с нее вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст.

Послал Вольга трех дружинников.

Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять.

Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места сдвинуть.

Тут поехал Вольга со своей дружиной. Тридцать человек без единого облепили сошку со всех сторон, понатажились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули.

Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой, из земли ее выдернул, из лемешков землю вытряхнул, подхватил, да и махнул за ракитовый куст. Полетела соха до облака, упала соха за ракитовый куст, в сырую землю по рукоятки ушла.

Дело сделали и поехали богатыри дальше путем-дорогою.

Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые: как увидели пахаря, подсекли бревна дубовые на мосту через речку Ореховец.

Чуть вошла дружина на мост, подломились бревна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно идти.

Рассердились Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок, да и начали злодеев чествовать.

Пахарь плетью бьет, приговаривает:

— Эх вы, жадные люди торговые. Мужики города хлебом кормят, медом поят, а вы соли им жалеете.

Вольга палицей жалует за дружинников, за богатырских коней.

Стали люди гурчевецкие каяться:

— Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-подати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует.

Взял Вольга с них дани-подати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой.

Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич:

— Ты скажи мне, русский богатырь, как зовут тебя, величают по отчеству.

— Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мой крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют.

Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахнул широкое полюшко, засеял золотым зерном...

Еще заря горит, а у пахаря поле колосом шумит.

Темная ночь идет — пахарь хлеб жнет. Утром вымолотил, к полудню вывезял, к обеду муки намолот, пироги завел. К вечеру созвал народ на почестен пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать:

— Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

Два брата

Ж

ИЛИ два брата — Иван да Павел. Иван имел большую семью и жил бедно. Павел был богат, жаден и горд. Он любил, чтобы его встречали с поклонами. Если Иван и приходил к нему иногда за помощью, то Павел прогонял его вон.

Однажды не уродился хлеб. Иван голодал с семьей, — не вытерпел и пошел к брату.

— Брат, умирают детишки с голоду! Дай немного хлеба, я после вдвойне, втройне отдам, — просил Иван.

— Я дам тебе мешок муки, если ты дашь выколоть твой правый глаз, — ответил Павел.

— Да ты с ума сошел, брат? Глаз выколоть брату!

— А тебе жалко глаз? Пошел вон! — закричал Павел.

Видит Иван, что брат хлеба не даст, иначе как только за глаз. Подумал: «Жить можно и с одним глазом, но детей от смерти избавлю».

— Давай мешок муки, а себе возьми мой глаз, — согласился Иван.

Выколол глаз у него Павел, и рука не дрогнула. Пришел Иван домой с мешком муки, но без глаза. Жена поахала, поплакала, да что сделаешь — нужда заставит и не на то пойти.

Когда вся мука вышла, Иван опять пошел к брату. Привели его оттуда соседи без обших глаз, но с мешком муки. Когда мука опять вышла, сказал Иван жене:

— Отведи меня на раздорожье, там есть большое дерево. Сяду под ним и буду просить милостыню, больше ни на что я не годен.

Стал Иван кормить семью милостыней. Жена утром провожала его к дереву, вечером уводила домой, но один раз не могла придти за ним. Остался Иван ночевать под деревом. И вот в полночь слышит Иван: хлопают крылья огромных птиц, и вдруг заговорили птицы на человеческом языке.

— Где ты летала, что увидела и узнала? — спросила одна птица.

— Я увидела и узнала, что у царя есть дочь, с рождения она слепая. Никто не может вернуть ей зрение, а это очень просто: стоит нарвать листьев с этого дерева, вскипятить их в воде, промыть глаза царевне, и она будет видеть.

— Я видела, — сказала другая птица, — город, который почти каждую ночь горит. Люди с ног сбились: выстраивают один дом, как сгорит другой. До сих пор они даже не знают, кто зажигает дома. А зажигают две огненные птицы. Днем они спят в старой башне над рекой, а ночью вылетают на добычу. Там, где сядут, дом и загорится. Уничтожить птиц очень просто: нарвать зеленого гороха и размочить его в воде серного ключа, насыпать на чердаке башни этот горох. Птицы поклюют и погибнут.

— Я узнала одно неглубокое озеро, — сказала третья птица, — в нем лежит чудесный камень. Кто его потрет, — явятся великаны, и все, что прикажешь, построят. Найти камень легко. Он лежит на мели, среди озера Тихого. Каждую полночь он пять минут светится, а потом гаснет.

Птицы замолчали. Иван, ни жив, ни мертв, так и пролежал до утра, боялся пошевелиться. Рано утром птицы громко крикнули и улетели.

Нарвал Иван листьев с дерева, спрятал их за пазуху и стал ждать жену. Этот день был счастливый: проезжали мимо переселенцы, дали ему хлеба и немного денег. Вечером жена привела Ивана домой.

— Ну-ка жена, вскипяти воду, чай пить охота, да скажи, когда вода закипит.

Через час вода закипела в чугуне.

— Ну, жена, положи в чугунок листья.

Жена положила. Когда листья прокипятились, Иван сказал:

— Чай-то не годится, давай лучше ужинать!

После ужина дети легли спать. Иван умылся водой и потер глаза листьями. Глаза стали видеть. Обрадовался Иван, а жене сказал:

— Слушай, жена, пока ты никому не говори, что я стал видеть. Завтра опять отведи меня под дерево, а вечером не приходи за мной. Пойду зарабатывать деньги.

Утром жена привела Ивана к дереву, а сама ушла. Нарвал Иван листьев, спрятал их и пошел в путь-дорогу. С тех пор никто не видел слепого у дерева. Люди говорили: «Наверное, сослепу забрел куда-нибудь и погиб».

Пришел Иван к царю и сказал:

— Царь, я могу излечить твою дочь от слепоты.

Царь удивился: сколько лучших лекарей пытались сделать это, и все напрасно, а тут мужичишка какой-то лезет. Хотел он выгнать Ивана, да передумал.

— Хорошо, лечи, — говорит, — вылечишь — золотом осыплю, да и дочь выдам замуж за тебя, а не вылечишь — голову отрублю. Согласен на это?

— Согласен, — отвечает Иван, — только мне надо отдельную избушку, а в ней поставить умывальник и кипятильник,

Предоставили Ивану все, что просил. Разогрел он кипяильник и, когда закипела вода, положил листья. Скоро вода сделалась красной. Слил воду Иван в умывальник.

— Позовите царевну! — крикнул он слугам.

Царевну ввели в избушку.

— Теперь уходите все, — приказал Иван.

Когда слуги вышли, — стал умывать царевну водой и тереть глаза листьями. Вдруг она закричала.

— Вижу! Вижу! Все вижу! — и убежала от Ивана.

Царь с радости чуть не удушил ее. В честь выздоровления он устроил большой пир и здесь же просватал дочь за соседнего короля.

Иван пошел к царю за наградой.

— Царь, выдай мне обещанное!

Выгоните его вон! — приказал царь слугам.

Вытолкали Ивана от царя, а один царедворец сжался:

— Возьми от меня двадцать золотых и уходи отсюда по-добру, по-здорову, — сказал он.

Пошел Иван к себе домой. И вот пришлось ему заночевать в одном городе. Ночью услышал он крик: «Пожар! Горим! Горим!».

Выскочил Иван на улицу, а кругом все горит.

Жаль стало Ивану народ. «Коль царю помог, то народу надо помочь обязательно, — подумал он. — Народ меня не выгонит с позором». — И пошел к голове¹.

— Я знаю, кто зажигает дома, — сказал он. — Я изловлю поджигателей и уничтожу. Скажи, где растет горох? И нет ли поблизости серного ключа?

Нарвал Иван гороху и отправился к серному ключу. Размочил горох и пошел к башне на реке. Влез на чердак, рассыпал горох, а сам взял дубину и притаился за дверь.

¹ К городскому голове.

И вот видит вдруг он — загорелась вся башня. Хотел уже крикнуть: «Пожар! Пожар!» да во-время одумался: сидят на башне две огненные птицы. Перья на них так ярко горят, что Ивану сделалось страшно: «А вдруг загорится чердак?». Но ничего не горело, и успокоился Иван. Увидели птицы горох, поклевали его и заснули. Скоро и пламя погасло в перьях. Но вот одна, а потом другая птица забеспокоились, закричали и захлопали крыльями. Огонь показался в перьях опять. Подумал Иван, что птицы собираются лететь, бросился на птиц и принялся бить их дубиной. Искры посыпались из крыльев. На Иване загорелась одежда, запылал чердак. Побросал Иван через окно в реку птиц, сам сбежал и кинулся в воду. Потом собрал убитых птиц и пошел в город. Навстречу ему бежал народ. Выдернул Иван из крыла перо и дунул на него. Перо загорелось и осветило народ.

— Вот кто поджигал дома! — крикнул Иван и показал убитых птиц.

Собрал обрадованный народ Ивану в подарок столько денег, сколько он мог унести. Проводил его далеко за город.

Пришел Иван домой ночью. Дети уже давно спали. — Теперь мы богаты, жена! — говорит он. — Вот деньги, спрячь! Я пойду за плотниками. Будем дом строить.

Под утро пошел он разыскивать Тихое озеро. Скоро нашел его, лодку купил у рыбаков и начал искать камень. Несколько ночей искал чудесный камень, и все напрасно. Хотел уже все бросить, да на обратном пути к берегу заметил под лодкой свет.

Кинулся Иван в воду — схватил камень. Поплыл к берегу. Обсушился на берегу, отдохнул и пошел домой. Жена и дети обрадовались.

— Папа приехал! Папа приехал!

Собрались соседи посмотреть и узнать, как Иван вы-

лечил глаза. Один только брат Павел не пришел. Посмеивался Иван, но молчал.

На второй день у брата была свадьба. Выдавал он дочь за самого богатого жениха в селе. Пошел Иван посмотреть молодых. Павел увидел брата и закричал:

— Прочь иди, нищий, бродяга! Ты мне не брат!

Ушел Иван. Дома позвал он жену:

— Где же мы будем строить дом?

— Да вот в садике, — ответила жена.

Ночью разбудил он жену:

— Ну, пойдём строить, — проговорил он.

— А где же плотники и лес? — спросила жена.

— Здесь, — ответил Иван и указал на карман.

Удивилась жена: «Уж не спятил ли он с ума, когда ходил по чужим людям?».

— Не бойся, таких плотников, как мои, нигде нет!

Вынул Иван камень, потер его. Сверкнула молния и раздался гром, явилось десять великанов.

— Что угодно, хозяин? — спросили они.

— Постройте мне на этом месте хрустальный домик, — приказал Иван.

— Сейчас будет готов, — ответили великаны.

Как из тумана стал появляться домик и расти на глазах Ивана. Испугалась жена чуда такого, убежала в землянку, закрыла дверь и занавесила окна.

Утром сбежался народ и дивился: хрустальный домик построил Иван, да еще и за одну ночь. Даже брат Павел не вытерпел и прибежал.

— Ивануша, как же ты выстроил такой домик?.. В нем царю только жить, — допытывался Павел.

Иван только посмеивался.

— Я могу что угодно построить, — говорит он.

Не успели мужики налюбоваться ивановым домиком, как послышались крики:

— Вода идет! Вода идет! Сласайтесь! Спасайтесь!

Бросились мужики к своим избушкам. Стояли избушки на низком месте вблизи моря. Шел сильный ветер с моря, вода заливала избушки.

Вынул Иван камень, потер его. И вот сверкнула молния и раздался такой гром, что попадали на землю мужики.

— Что угодно, хозяин? — сказали великаны.

— Убрать морскую воду с полей и построить каменную плотину.

— Сейчас будет готово! — сказали великаны и исчезли.

Ждал, ждал народ воды, да так и не дождался. Закрыла плотина морю дорогу.

Совсем лишился почета брат Павел, даже друзья не стали ему кланяться. Так возненавидел он Ивана, что донес царю: «Мой брат при помощи нечистой силы строит что угодно, но от вас, батюшка-царь, он таится».

Рассердился царь и приказал посадить Ивана в тюрьму.

Привели его на допрос к царю:

— Ну, раб нечестивый, скажи, как смел ты скрыть от меня свое искусство? За это прикажу с тебя живого шкуру содрать и из шкуры барабан сделать!

На коленях умолял Иван грозного царя, у которого когда-то вылечил дочь от слепоты.

— Слушай, — проговорил царь, — если к утру не выстроишь хрустальный мост через реку, да дворец — сожгу тебя на костре; выстроишь — помилую. Строить будешь при мне, хочу видеть, как работают твои плотники.

Делать нечего, взял Иван камень и потер его. Молния так сильно сверкнула, что спалила усы и брови у царя и его свиты. Ударил гром и свалил всех с ног.

— Что угодно, хозяин? — сказали великаны.

— Постройте царю хрустальный мост через реку и дворец, — приказал Иван.

— Сейчас будет готово, — ответили великаны и исчезли.

Окуталось все туманом, потом туман рассеялся, и показались хрустальный мост и дворец.

— Царь-батюшка, готово! — сказал Иван.

Царь сначала открыл один глаз, потом другой, осмотрелся кругом. Увидел, что опасности нет. Встал, отряхнулся, надел на голову корону и приказал:

— Сейчас же отдай мне камень, или прикажу отпилить тебе голову деревянной пилой.

Подавал Иван камень царю.

Схватил царь камень и стал рассматривать, а камень как ударит царя по глазу, выбил глаз, взвился и улетел.

Вернулся Иван домой, стал жить да поживать. Помогал беднякам, чем мог. Все ходили к нему за советами.

Замучили Павла зависть и жадность. Решил он во что бы то ни стало узнать, как разбогател брат Иван.

Пригласил однажды Павел в гости Ивана. Сели в саду, выпили и разговорились.

— Братишка, Ванюша, как же ты разбогател? Скажи, мы люди свои.

— Долго, братец, все рассказывать, — сказал Иван. — Ты лучше сходи к дереву, где я слепым сидел, и все узнаешь, — посоветовал Иван.

Этой же ночью Павел ушел к дереву и лег под ним.

В полночь огромные птицы прилетели и стали рассказывать, что видели и слышали за день.

Много узнал Павел интересного: про ковер-вездеход, мельницу, которая мелет зерна в золото; как сделаться самым сильным и богатым в мире; как лечить все болезни или напускать их.

Только замолчали птицы, — Павел встал и побежал домой. От радости заорал он на всю степь:

— Теперь узнал я, как разбогател Иван.

Мужик и царь

СХАЛ мужик по полю. Путь далекий, а конь у него возьми и издохни. И пошел мужик пешком, на своих на двоих. Вдруг видит он — на дороге дерутся змея и лев. Бьются час, бьются два, а одолеть друг друга не могут.

— Эй, человек, — шипит змея, — помоги мне льва задушить!

— Эй, человек, — ревет лев, — пособи мне змею убить!

Подумал, подумал, мужик и решил заступиться за льва. И пособил он льву. С помощью мужика лев разорвал змею надвое, а затем спрашивает своего помощника:

— Чем мне отблагодарить за твою услугу?

— У меня коня нет, — отвечает мужик, — домой далеко идти, а ноги не несут меня.

— Садись на меня да знай, держись крепче. Мигом домой доставлю, — пообещал лев.

Сел мужик на льва, уцепился за гриву и закрыл глаза — будь что будет! Бежит лев по чистому полю, бежит по темному лесу, перепрыгнул через реку, наконец, выбежал на зеленый луг и стал у заставы.

— Ну, — говорит, — вставай мужик да никому не скажывай, что на льве ехал, ведь, как никак, я — царь зверей. Расскажешь — съем. Ты сам посуди, может ли царь

на своей спине кого-нибудь возить? Ведь тогда я не царем буду, а ослом.

Побежал лев назад, а мужик пошел в свое село. Здесь встретился он с земляками — зашли в трактир, выпили с радости бутылочку, другую. Стал мужик пьян и рассказывал он про свое путешествие и о том, как он на льве ехал.

Начало вечереть. Пошел мужик в поле за коровой. Только что он вышел за село, а лев — тут как тут. Стал перед мужиком — пасть открыта, зубы оскалены.

— Что ж, я обещания свои всегда выполняю: слушался, — за то я тебя съем.

Здорово струсил мужик, а сам думает: «За что же я погибать буду, пусть лучше погибнет зверь». И говорит:

— Я ничего о тебе не говорил, царь.

— Как, ты еще осмеливаешься лгать? — зарычал лев.

— Лгать я не лгу, а что было — не утаю: не я говорил о тебе, а хмель.

— Какой-такой хмель? — заинтересовался лев. — Никогда его не видел.

— А вот попробуй, так и сам увидишь, что я тут не при чем.

Лев согласился. Дал он мужику денег, и тот купил для льва три бочки крепкого вина. Выпил лев бочку, понравилось, другую выпил — еще пуще понравилось, а из третьей не мог уже пить — пьян стал: бегал лев по лесу, бегал, выл и кричал дурным голосом, а потом упал и заснул.

А мужик тем временем вкопал в землю столб, привязал льва веревкой за шею и повесил его на столбе. А на том столбе сделал надпись: «Сего царя повесил мужик за то, что он хотел съесть мужика».

Батрак Алексей

ЖИЛ-БЫЛ царь. И любил тот царь слушать сказки. А сколько он этих сказок переслушал, — не счесть. Издал тот царь однажды указ: тому, кто расскажет ему новую сказку, отдаст он полцарства, а в придачу еще и царевну.

Охотников на такое дело было немало.

Только все уходили с позором. Какую сказку ни начнут, царь уже кричит: «Знаю!». Тем дело и кончается. А в той стране жил батрак — ухарец-парень. Плохи были его дела. Сидел он с голытьбой в кабаке, крест пропивал да на судьбу свою плакался: «Горемычная, мол, доля моя батрацкая...».

— Что ж, Алексей? — говорят батраку. — Или не хочешь ты на царской дочке жениться? Погляди, какой жених из тебя: видный, нарядный — ни рубахи, ни лаптей. Чистое загляденье! Поторапливайся. Небось, царевна-то тебя заждалась.

Послушал батрак те насмешки, бровью не повел и решил: «А почему не пойти, не попытать счастья?». И пошел. Приходит к царю и говорит:

— Здравствуйте, государь-батюшка! Явился я по вашему указу — сказку неслыханную вам рассказать. Извольте меня накормить, напоить, а потом я и начну.

Посмотрел на него царь, усмехнулся. Ну, и жених! Рубаха латана, лапти веревочкой подвязаны. Тем временем собрались в зал все министры, графы, князья. И вышла из светелки царская дочь — царевна прекрасная. Хорошо накормили батрака, напоили, усадили его на скамью.

— Сказывай, — приказал царь.

И стал батрак рассказывать:

— Был, — говорит он, — мой покойный батюшка богатого живота человек. И выстроил он себе дом. По крыше дома того голуби ходили да с неба звезды поклевывали. Вот какой высокий был дом! А при доме был двор. Такой двор, что за весь день голубь не мог перелететь от ворот до ворот...

Замолчал батрак, а потом и спрашивает:

— Ну, что, государь-батюшка, слышали ли вы такую сказку или нет?

— Нет, не слышал, — сказал царь, — от тебя, лапотник, впервые слышу.

— И мы не слышали! — гаркнули князья, графы да министры.

— Ну, так знайте же, — сказал батрак, — это еще не сказка, а присказка. Сказка будет завтра, в эту же самую пору, — встал и ушел.

Днем не видали батрака, а вечером опять явился он к царю.

— Извольте, — говорит он, — государь, напоить меня, накормить, а потом буду я сказку свою продолжать.

И опять все собрались в тронную залу.

Накормили батрака, напоили, на скамью усадили.

— Рассказывай, — приказал царь.

И стал батрак сказку свою продолжать.

— А как был, — говорит он, — у меня батюшка богатого живота человек. И вот выстроил он себе дом. По крыше дома того голуби ходили, с неба звезды поклевы-

вали. Такой высокий был дом! А при доме был такой двор, что от ворот до ворот за день голубь не мог перелететь. И стоял на этом дворе бык: на одном рогу сидел пастух, а на другом — другой. В трубы трубили, в рога играли, а друг дружку в лицо не видели и голоса один другого не слышали...

Остановился батрак и спрашивает:

— Ну, что, слышали ли вы такую сказку, государь?

Побледнел царь, дрожит весь:

— Не слышал, — говорит.

— И мы не слышали! — гаркнули князя, графы да министры.

— Ну, так знайте, это еще не сказка, — сказал батрак, — это только начало. Завтра саму сказку услышите, — взял шапку да за дверь.

Видит царь, — дело плохо: человек низкого происхождения на полцарства зарится и ничем его не перешибешь. И говорит царь тут графам да министрам:

— Эй вы, верные слуги, помогите мне, царю вашему, низкого звания человека обмануть. Скажите завтра, что сказка уже слыхана, и подписи свои в грамоте поставьте.

— Ладно! Согласны! Подпишем! — гаркнули князя, графы да министры.

С утра сидел батрак в кабаке, пить не пил, грустил-горевал: узнал, значит, про сговор царя со слугами.

— Что же, Алексей, — говорят ему, — где же твои полцарства? Где же твоя царевна?

Ничего не ответил Алексей, надвинул шапку и пошел к царю. Накормили его, как всегда, напоили, на скамью усадили.

— Рассказывай, — приказал царь. А графы, князя да министры друг на друга поглядывают, усмеваются: «Перехитрим мы тебя, батрацкая голя!».

И стал батрак снова рассказывать:

— А как был, — говорит он, — у меня батюшка, большого живота человек. И вот выстроил он себе дом. По крыше того дома голуби ходили, с неба звезды поклевывали. Вот какой был высокий дом! А при доме был такой двор, что от ворот до ворот за весь день голубь не мог перелететь. И стоял на этом дворе бык: на одном рогу сидел пастух, на другом — другой, в трубы трубят и в рога играют, а друг дружку в лицо не видят и голоса не слышат. И стояла еще на том дворе кобылица: троих жеребят в сутки приносила да все третьячков. Жил в ту пору мой батюшка богато. А ты, царь-государь, в ту пору занял у моего батюшки сундук денег. Да по сей день и не отдал денежки... — Замолчал батрак, а потом и спрашивает: — Ну, что, слышали ли вы такую сказку?

— Слышал, — отвечает, не задумываясь, царь.

— Слышали, — гаркнули слуги. А царский дьяк в тот же миг грамоту настрочил и все поставили в той грамоте кресты.

— Ну, ладно, коли слышали, — говорит батрак, — так отдавайте же долг — сундук денег за вами.

Царь и так, и сяк, — неохота ему сундук с деньгами отдавать. Да что поделаешь — грамота подписана, топором не вырубишь. Так и отдал царь Алексею сундук золота.

Как мужик долг отдавал

ДИН барин жалел деньги давать кузнецу за работу. Решил выучиться сам ковать. Приехал к кузнецу учиться:

— Выучи меня, кузнец.

— Да жалко что ли? Иди, куй.

А кузнец уж сунул разогревать железо. Разогрел, вынул и идет. Барин посмотрел и тут же кузнецу:

— На деньги, кузнец.

— Что ж ты скоро?

— Уж выучился.

Приезжает барин домой; сделался кузнецом. Вот приезжает к нему мужик:

— Барин, не сделаешь ли сошку?

— Как не сделать, — сделаем.

Он засунул железо да перегрел.

— Мужик, соха не выйдет.

— А что выйдет?

— Топор.

— Делай топор.

Он засунул опять железо и перегрел.

Мужик, топор не выйдет.

— А что ж выйдет?

— Долото.

— Ну, делай долото.

Он опять засунул и опять перегрел.

— Мужик, долото не выйдет.

— А что ж выйдет?

— Кочедык.

— Ну, делай кочедык.

Взял барин железо из горна, ан и кочедык-то не выходит.

— Мужик, кочедык не выйдет.

— А что ж, барин выйдет?

— Шило.

— А ну, делай шило.

Засунул в горно железо, а оно все и сгорело, ничего и не нашел в горне-то.

— Ну, мужик, получился пшик.

— Сколько вам, барин, за все?

— Да сейчас скажу.

Барин стал считать:

— За сошник — раз, за топор — другой, за долото — третий, за кочедык — четвертый, за шило — пятый, а за пшик уж ничего не возьму.

— Да у меня денег, барин, нет сейчас.

— Да ничего, обожду.

Вот проходит два дня — нет мужика. «Нет, думает барин, нечестные мужики. Сколько вещей ему сделал».

— Кучер, запрягай лошадей, поедем за деньгами. Что это за страм такой! Когда я буду деньги просить, ты меня поддерживай — говори: прибавь цену, прибавь.

Запряг кучер. Приехал к мужику.

— Дома хозяин?

— Нет, в риге.

— Пошел, кучер.

Кучер к риге приехал. Мужик в риге.

— Ты, что ж, недобрый, совестно! — говорит барин.

— Да сколько вам денёг-то?

— Да за сошник, за топор, за долото, за кочедык, за шило. За пшик я уж не беру. Все стоит три рубля.

— Сейчас отдам.

Пошел мужик, ригу затворил, взял метлу и давай барина стегать.

— Вот тебе за сошник, вот тебе за топор, вот тебе за долото, вот тебе за кочедык, вот тебе за шило, барин! А кучер кричит, думая, что мужик и правда платит:

— Прибавь, прибавь.

Барин вырвался, на козлы и пошел.

— Да ты что скоро, барин?

— Да он меня бил, бил, насилу вырвался. А ты, дурак, орал: «Прибавь».

— Да ты сам мне велел кричать!

— Мало ли что я велел.

Как батрак хозяина обманул

БЫВАЛО, конечно, народ жил бедно. А в Озере¹ был один мужичок небогатый. Было у него два сына.

Старший сын и говорит:

— Пусти меня, папа, к богатому мужику в работники.

Отец говорит:

— Поди, сыночек, поработай, хоть сам прокормишься.

Пришел сын к богатому мужику и говорит:

— Не надо ли тебе работника?

— Пожалуйста, мне работник нужен.

Спрашивает работник:

— А цена какая?

— Цену я тебе дам хорошую, только заключим договор, чтоб друг на дружку не сердиться. Кто первый осердится, — тот из дому уйдет.

Вот пошли все на работу — молотить. Овин измолотили, хозяин с хозяйкой пошли обедать, а работника заставили ворох² караулить. Хозяин пообедал с хозяйкой

¹ Название деревни.

² Обмолоченный хлеб.

и опять начал молотить другой овин. А работник без обеда тоже молотит с ними. Кончили молотьбу, пошли ночевать на квартиру. На другое утро встают, опять пошли молотить. Опять овин измолотили, хозяин с хозяйкой пошли обедать, а работника оставили ворох караулить без обеда. Хозяева покушали, пришли следующий овин молотить, а работник опять без обеда молотит. Так они работали целую неделю, и работник все оставался без обеда. А молотить — молотит.

Работнику стало грустно, стал сердиться. Хозяин и говорит:

— Что, работник, аль осердился?

Работник отвечает:

— Как не сердиться...

— Ну, раз осердился, — у нас договор такой: кто осердился, тот из дому уйдет.

Вот работник пошел к отцу обратно, отец спрашивает:

— Ты что, сыночек, скоро?

Он отвечает:

— Работать нельзя, заставляют голодом работать. Вот я и ушел.

Тогда младший сын говорит:

— Папа,пусти меня, я пойду к богатому в работники наймусь.

Отец ему отвечает:

— Умный не выслужил, уж тебе, дураку, где выслужить!

Но все-таки отец его отпустил.

Приходит Иван к богатому и говорит:

— Хозяин, найми меня в работники, если тебе работник нужен.

Богатый отвечает:

— Мне работник нужен, у меня молотьбы много молотить.

— А сколько ты мне за эту работу положишь, какую цену?

Богатый отвечает:

— Цену я тебе дам хорошую, только по договору будем рабстать. У нас договор такой с тобой будет: кто на кого осердится, тот из дому уйдет.

— Хорошо,— отвечает Иван.

Вот пошли они молотить. Измолотили овин, хозяин с хозяйкой пошли обедать, а работника заставили ворох караулить.

Работник сменял мешок пшеницы на крендели, сидит и ест. Хозяин приходит с обеда и спрашивает:

— А ты где, работник, крендели взял?

Работник отвечает:

— В лавке. Мешок пшеницы унес, дали мне кренделей, вот сажу и закусываю.

Хозяин думает:

— Ого, работник не по мне оказался.

Начинают молотить следующий овин пшеницы. Смолотили овин, пошли на ночлег. Уж вечер шел. Переночевали ночь, на утро опять молотить. Измолотили овин, хозяин с хозяйкой пошли обедать, а работника ворох караулить заставили без обеда. Работник не будь плох,— нагреб два мешка пшеницы и в лавку. Купил в лавке чего ему надо: пряников, конфеток, что только ему нравилось. Пришел на гумно, сел на ворох, сидит да обедает. Хозяин приходит:

— Работник, что ты ешь?

— Я в лавке был. Отнес два мешка пшеницы да и накупил всего, не знаю — хватит ли на обед?

Хозяин покачал головой.

— Ага, этот работник не по мне!

И думает: «Рассчитать бы работника, да у нас договор заключен — работать до кукушки,— когда кукушка закукует».

Молотят осенью, кукушка кукует весной,— ждать долго.

Вот ладно. На третий день хозяин с хозяйкой уговорились, как работника уволить с работы. Пошли молотить. Хозяин хозяйку заставил залезть в сад, на яблоню и велел ей по-кукушечьи куковать, чтобы было за что работника рассчитать, разряженье было до кукушки. Когда хозяйка закуковала в саду, хозяин и говорит:

— Слышь, работник, кукушка кукует, можно тебя рассчитывать!

Работник отвечает:

— А ну-ка, хозяин, пойдем: что у тебя за кукушка в саду кукует?

Работник взял молотило, и пошли они в сад.

А хозяйка сидит на дереве и кукует по-кукушечьи.

Работник хлоп по этой кукушке молотилом! И кукушка свалилась на землю. Богатый мужик глядит, что дело неладно. А сердиться нельзя, по договору придется из дому уходить. Тогда богатый мужик придумал, как работнику досадить, чтобы работник осердился, и послал его в лес за сто пятьдесят верст без куска хлеба на паре вороных (лошадей). А работник как поехал,— завернул на базар: задумал он лошадей променять и принять в придачу денег на хлеб.

Приехал на площадь и говорит:

— Ну, кто коня менять желает?

Нашелся меновщик:

— Давай, я сменяю, только у меня кони белые.

Сменяли пару на пару. Работник в придачу взял три рубля и эти деньги израсходовал на хлеб, а рубль оставил у себя. Поехал в лес, навалил бревен, но кони были тощие, воза не смогли везти, и проездил он целую неделю в лесу. Приезжает домой, а хозяин давно его ждет, долго работника нет из лесу. А ночь была морозная. Хозяин говорит:

— Что ты, работник, так коней-то нагрел? Побелели от холода.

Работник и отвечает:

— Это, хозяин, они такие белые и есть. Я вороных променял коней.

А хозяин говорит:

— Зачем ты их променял?

Работник отвечает:

— Мне деньги на хлеб нужны были. Я вот принял три рубля, рубль остался, возьмите его.

Хозяину это не по мысли, однако, сердиться нельзя: ведь если осердишься, то по договору из дому хозяину уходить. Хозяину с досады, с такой горечи, захотелось съездить в город. И наказал работнику:

— Ну, работник, приготовь к обеду мясной суп.

Работник спрашивает:

— Хозяин, а где мясо взять?

Хозяин отвечает:

— Зарежь овцу.

— А какую овцу резать?

— А которая на тебя глядит, ту и режь.

Овец было голов пятьдесят. Работник зашел в хлев, а овцы работника напугались, повернулись и все на него глядят. Работник начал всех резать. Раз все глядят, всех резать! Всех перерезал и стал снимать шкуры. Хозяин приезжает из города и спрашивает:

— Ну, как, работник, суп готов?

Работник отвечает:

— Я еще только, хозяин, шкуры снимаю.

Хозяин говорит:

— А что так долго?

Работник отвечает:

— А ведь их вон сколько, когда их всех обдерешь...

Хозяин говорит:

— Зачем — всех, ведь я велел одну, которая на тебя
глядит?

Работник отвечает:

— А я зашел в хлев, они все на меня глядят, я всех
и прирезал.

Хозяину это стало не по мысли, он и говорит:

— Ай-ай, работник, не ладно так-то!

Работник спрашивает:

— Что, хозяин, разве осердился?

Хозяин отвечает:

— Как так не сердиться! Ты смотри, что настроил!

Ну, значит, у них по договору — хозяину из дому
уходить. Хозяин без дома по свету ходит. А работник в
дому живет-поживает...

Батрак

Ж

ИЛ-БЫЛ мужик; у него было три сына. Пошел старший сын в батраки наниматься; пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров. Только одну речь и держал: как запоет петух, так и вставай, батрак, да принимайся за работу.

Трудно, тяжело показалось парню, прожил он с неделю и воротился домой.

Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет.

— Батюшка,— говорит меньшей сын,— позволь, я пойду в батраки к купцу.

— Куда тебе, дураку! Знал бы сидел на печи! Лучше тебя ходили, да ни с чем ворочались.

— Ну, как хочешь, а я пойду.

Сказал и пошел к купцу.

— Здравствуй купец!

— Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?

— Найми меня в батраки.

— Изволь; только у меня, брат, как петух запоет — так и ступай на работу на весь день.

— Знамое дело: нанялся, что продался.

— А что возьмешь?

— Да что с тебя взять? Год проживу,— тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо.

— Ладно, молодец,— отвечает хозяин, а сам думает: «Экая благодать, вот когда дешево нанял, так дешево!».

Вечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идет — пора бы батрака будить, да петух не поет. Поднялось солнышко на небо,— батрак и сам проснулся.

— Ну, хозяин, давай завтракать, время работать идти.

Позавтракал и проработал день до вечера. В сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же.

Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть.

«Пойду-ка я,— думает,— на деревню, поищу иного петуха».

Пошел купец петуха искать и батрака с собой взял.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же — большой да злющий, еле-еле на веревках держат.

— Куда, братцы?— спрашивает батрак.

— Да быка на бойню ведем.

— Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!

Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти: опосля ухватил щипком за шкуру — вся шкура долой.

— Купец как увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе стбывать.

А вот что, — говорит купчиха, — пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!

— Ладно!

Дождались вечера, поужинали. Вышла купчиха во двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку:

— Что ж ты коров в сарай не загнал. Ведь одной-то, комолой, нету.

— Да, кажись, они все были...

— То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько.

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес.

Сколько ни ходил по лесу — не видать ни одной коровы. Стал присматриваться да приглядываться — лежит медведь в берлоге, а батрак думает — то корова.

— Эхма, куда затесалась, проклятая, а я тебя всю ночь ищу!

И давай охаживать медведя дубинкою. Зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит:

— Отворяй ворота, принимай живота!

Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил.

Наутро говорит батрак купцу с купчихою:

— Ведь корову-то я нашел.

— Пойдем, жена, посмотрим, какую корову нашел он в лесу?

Пошли в сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а в углу медведь сидит.

— Что ты, дурак, наделал! Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!

— Постой же,— говорит батрак,— не миновать ему за то смерти!

Кинулся в сарай, дал медведю щелчок — из него и дух вон.

«Плохо дело,— думает купец,— лютые звери ему ни почем. Разве один чорт с ним сладит».

— Поезжай,— говорит батраку,— на чортову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают.

— Изволь,— отвечает батрак,— для чего не сослужить такой безделицы.

Запряг лошадь в телегу и поехал на чортову мельницу. Приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес:

— Батрак, что ты делаешь?

— Чай, сам видишь: веревку вью.

— На что тебе веревка?

— Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить, а то вы, окаянные, совсем перемокли.

— Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали.

— А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать, небось, умели!

— Постой немножко, я пойду спрошу старшого,— сказал чорт и нырнул в воду.

Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой шлык уставил, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

Чорт выскочил и говорит батраку:

— Старшой спрашивает: как же будешь ты чертей таскать, ведь наши омуты бездонные.

— Великая важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все до конца не доберешься.

— Ну-ка покажи!

Батрак связал оба конца своей веревки и подал чорту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету.

— А много ль долгов платить?

Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет. Чорт нырнул в воду, рассказал про все старшому. Жаль стало старому с деньгами расставаться, а делать нечего, пришлось раскошелиться. Насыпал батрак полон воз серебра и привез к купцу.

«Вот она беда-то, и чорт его не берет!»

Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому. Купчиха напекла пирогов да хлебов, наложила два мешка и легла отдохнуть, чтобы к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да заместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит — не ворохнетя, и дух притаил.

Ночью разбудил купец купчиху, взвалили они себе по мешку на плечи и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос:

— Эй, хозяин с хозяйкою, погодите, меня с собой возьмите!

— Узнал, проклятый, гонит за нами! — говорит купец, и побежали они с купчихою еще шибче: во как уморились!

Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч.

— Отдохнем, — говорит, — хоть немножко.

А батрак отзывается:

— Тише бросай, хозяин, все бока переломаешь.

— Ах, батрак, да ты здесь?

— Здесь.

Ну, хорошо; решились заночевать на берегу, и легли все рядышком.

— Смотри, жена, — говорит купец, — как только заснет батрак, мы его бросим в воду.

Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали-ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина.

— Вставай, бросим батрака в озеро.

Купец встал; подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду.

— Что ты, хозяин, сделал? — закричал батрак. — За что утопил купчиху?

Делать нечего купцу, воротился домой с батраком, а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб — только и жил купец! Батрак взял себе его имя и стал жить-поживать, добра припасать, лихо избы-вать.

Барин и плотник

ХАЛ плотник из лесу, толстое бревно вез. На-
встречу ему барин на тройке катит.

— Эй, мужик, ворота с дороги!

— Нет, барин, ты ворота. Я с возом, а ты
порожняком — тебе и воротить.

Не стал барин много разговаривать, крикнул
кучеру да слуге:

— Свалите, ребята, воз с дороги да всыпьте ему хо-
рошенько, чтобы знал, как барину перечить.

Слуга с кучером не посмели барина послушаться, с ко-
зел соскочили, воз опрокинули в канаву, а плотника по-
били. Потом сели и поехали, только пыль столбом зави-
лась.

Бился, бился плотник, вызволил кой-как воз из кана-
вы, а сам думает:

«Ладно, барин, даром тебе это не пройдет, будешь
помнить, как мастерового человека обижать».

Добрался до дому, свалил бревно, захватил пилу да
топор и отправился в помещичью усадьбу. Идет мимо
барского дома и кричит:

— Кому теплые сени сработать, кому баню срубить?

А барин строиться любил. Услыхал и зовет плотника.

— Да сумеешь ли ты хорошо сени построить?

— Отчего не сумею? Вот неподалеку отсюда такой лес растет, что коли из того леса сени построить, так и зимой их топить не надо, всегда будет тепло.

И зовет барина:

— Пойдем со мной строевой лес выбирать.

Пришли в лес. Ходит плотник от дерева к дереву да обухом поколачивает. Ударит, потом ухом приложится, послушает.

— Это нам не годится. А вот это — в самый раз подойдет.

Спрашивает барин:

— Как это ты можешь узнать, какое дерево годится? Научи и меня.

Подвел его плотник к толстому дереву.

— Обними вот это дерево и ухом крепче приложись. Я буду постукивать, а ты слушай, только крепче прижмись.

— Да у меня рук нехватает обнять дерево.

— Ничего, давай тебя привяжу.

Привязал барина за руки к дереву, выломал березовый прут и давай его тем прутом потчевать. Бьет да приговаривает:

— Я тебе и еще взбучку дам, будешь знать, как мужика напрасно обижать.

Бил, бил и оставил барина к дереву привязанным. Сам ушел.

Только на другой день нашли барина, отвязали его и привезли домой.

Слег барин с тех побоев в постель, хворает.

А плотник прикинулся знахарем, переделся так, что узнать нельзя, и пришел в усадьбу.

— Не надо ли кого полечить, поправить?

Барин услышал и зовет:

— Полечи, братец, меня. Кони понесли, да вот упал и с тех пор ни сесть, ни встать не могу.

— Отчего не полечить? Прикажи истопить баню, да скажи, чтобы никто к нам входить не смел, а то сглазят, и все лечение пропадет, еще хуже тебе будет.

Баню вытопили, привел плотник барина, двери запер и говорит:

— Раздевайся и ложись на скамью, буду тебя едучей мазью мазать да парить, придется тебе потерпеть.

— Лучше ты меня привяжи к скамье, а то как бы не упасть.

Плотнику того и надо. Привязал барина к скамье крепко-накрепко и давай ремнем стегать.

Бьет да приговаривает:

— Не обижай напрасно мастерового человека, не обижай мужика.

Напотчевал барина, сколько надо, и ушел домой.

На другой день приехал барин в город, увидал на базаре плотника и спрашивает:

— Скажи, мужичок, ты ведь вчерашний?

А плотник смекнул в чем дело и отвечает:

— Никак нет, мне сорок шесть лет, какой же я вчерашний.

И пошел барин прочь несолоно хлебавши и заклился с той поры мастеровых обижать.

Пастух

У ПОПА был работник, пастух Ваня. Вот он выведет коров на луг, сядет на камешек и на дудке играет им. Они пляшут. Вечером он голодных их домой гонит.

— Иван, что это ты коров-то, видно, не кормишь? — говорит поп рабстнику. — Гляди, как отощали и молока не дают.

— Что же... Я их вывожу на луг. Не руками же мне им в рот траву совать?

Поп решил проследить: как это он коров кормит, что они тощие такие? Пошел батюшка, залез в терновник и смотрит. Пригнал Ванюша коров на лужок, сам сел на камешек и сидит, играет. Конечно, коровы пляшут, а есть-то не едят, все пляшут. И поп в терновнике тоже стал плясать, весь в кровь изодрался, а пляшет: уж так дудка играет.

— Ванюшка, брось! — кричит. А Иван не слышит. Потом Ванюшка услышал, что поп кричит, бросил.

Приходят вечером домой, поп и говорит матушке:

— Вот, матушка, какая дудка у Ванюшки. Как заиграет — не можно не плясать.

— Ну?

— Только спрячьте меня. Мне, попу, неудобно плясать, — говорит поп.

Во дворе был амбар с хлебом. Вот Иван попа в амбар спрятал и заиграл. Ну, значит, стал поп в амбаре плясать на муке. Пыль поднял — не продохнешь! И все пляшут... И попадья, и куры, и свиньи... В саду птички, во дворе собаки были и тоже пляшут. Привел поп Ванюшку в суд.

— В чем дело? — спрашивает судья.

— А вот он у меня коров сманил своей дудочкой.

— Что это у тебя за дудочка, Иван? — спрашивает судья. — Сыграй ты нам на ней, мы послушаем.

— Только меня привяжите, я духовное лицо, мне нельзя плясать.

Ваня заиграл в дудочку — все судьи заплясали. И поп тоже привязанный к шкафу в отдельном кабинете пляшет. В шкафу-то были судейские бумаги, клей, чернила и прочее. Клей и чернила разлились, дела все перепортились, потому что поп плясал вместе со шкафом. Поп кричит:

— Ванюшка, брось!

Ванюшка услышал, бросил. Судьи бросились к попу и стали ругать его, что он дела сгубил.

А Ванюшка скорее бежать. И сейчас не знают, где он.

Как чистота красоту понесла на высоту

ИЛ в одном приходе поп — большой жулик. Всегда работников обманывал, и те у него бесплатно работали. А работа у попа, известно, хуже каторги.

Вот пришел однажды к попу мужичок заниматься в работники. А поп и говорит:

— Ладно, свет, оставайся работать. Как проживешь год, так я тебе загадаю загадку. Если отгадаешь, получишь сто рублей. А не отгадаешь — опять останешься год работать.

Мужичку нужда, видно, большая была. Согласился он. Остался у попа работать. Работал за семерых, ни днем, ни ночью покоя не знал. Известно, работа у попа — хуже каторги.

Прошел год. Призывает поп работника к себе в горницу и говорит:

— Ну, свет, я тебе загадаю загадку. Отгадаешь — получишь сто рублей, а не отгадаешь, останешься еще на год.

— Ладно, — говорит работник, — загадывай.

Вот показывает поп работнику на кошку и спрашивает:

— А ну-ка, скажи, свет, что это такое?

— Это кошка, — отвечает работник.

— Нет, свет, не угадал, — говорит поп. — Это не кошка, а чистота.

Остался работник у попа еще год. Работал на попа, как лошадь.

Когда прошел год, позвал поп работника к себе в горницу, зажег лампу и спрашивает:

— А ну-ка, свет, угадай, что это такое?

Подумал работник и говорит:

— Да это же огонь.

— Нет, свет, не угадал, — говорит поп. — Это не огонь, а красота.

Деваться некуда, — остался работник и третий год бесплатно у попа работать.

Вот прошел и третий год. Призывает поп работника к себе в горницу, показывает на ведро с водой и спрашивает:

— А ну-ка, свет, угадай, что это такое?

— Вода! — отвечает работник.

— Нет, свет, опять не угадал, — говорит поп. — Это не вода, а благодать.

Остался работник у попа и на четвертый год.

Прошло несколько времени. Наступил престольный праздник в соседней деревне. Поп с попадьей уехали в гости к знакомому барину-помещику, а работник дома остался. Как настал вечер, работник оседлал лошадь и привязал к столбу, а сам поймал кошку, привязал ей к хвосту пучок пакли, поджег и пустил. Кошка бросилась на чердак, огонь от пакли передался на листву¹, и загорелся весь дом.

Работник вскочил на лошадь и помчался к попу. А в это время поп уже подвыпил в гостях, распевал во

¹ Крестьяне насыпают на чердак листву или мякину для отопления.

всю глотку песни. Другие гости — урядник, старшина, другой поп и соседи-помещики — тоже пели, плясали, играли в карты. Одним словом, бал был на славу.

Приехал работник, вошел в дом и позвал своего хозяина-попа. А поп ему говорит:

— Ну, свет, сказывай при всех: зачем приехал?

Вот работник и говорит:

— Я у тебя батюшка три года работал даром. Ты мне все загадки загадывал, теперь я тебе хочу загадать. Если отгадаешь, то я у тебя еще три года останусь работать задаром. А не отгадаешь — плати мне сейчас за все три года. Все гости заинтересовались. Обступили попа и работника. Поп согласился.

— Ну, свет, говори скорей!

Работник и говорит:

— Вот моя загадка: чистота красоту понесла на высоту, если не дашь благодать, тебе домом не владать. Что такое?

Задумался поп. Никак не придумает отгадку. Помогали ему и гости. А работник торопит:

— Скорей, батюшка, а то поздно будет!

Так и не отгадал поп. Заплатил он работнику за все три года и попросил его отгадать загадку, да в этот момент сам глянул в окно. А дом его уже горел, как свеча.

Как сумасшедший вскочил поп, схватил лошадь и помчался к дому. За ним поскакали и все гости.

Приехал поп к дому, а там только угольки зияют. Все дотла сгорело поповское хозяйство.

Схватился поп работника искать, а того и след простыл.

Иван и судья-взяточник

ИЛИ в разделе два брата — Иван да Петр. Иван жил с большой семьей бедно. Все его хозяйство — избушка да большущая собака. Иван и умен был и работал много, а жил кое-как. Петр был богат, считал себя умнее всех на свете. К тому же был большой самодур: требовал, чтобы просители говорили сразу все точно, что желали одолжить, иначе отказывал. Если говорили: «Одолжи, Петр, топор с топорщиком, вилы с черенком», то давал все полностью. А если просили у него топор и вилы, он давал топор без топорщика, вилы без черенка.

«Одолжи, Петр, хомут», — дает хомут без гужей, без шлеи и супони.

— «Чего же даешь один хомут? Разве в него можно запрягать без гужей», — скажет кто-нибудь из соседей.

«Ты просил хомут — я и дал. А раз ты не знаешь, что просишь, то нет тебе ничего, пошел вон!» — и выгонит просителя.

Однажды лютой зимой пришел к Петру брат Иван.

— Братец Петр, одолжи мне сани и лошадь съездить за дровами, — спросил Иван.

— Возьми, вон лошадь, а вот и сани, — ответил Петр и ушел в избу.

Лошадь была в узде. Иван подвел ее к саням запрягать.

«Ух чорт, как же я буду запрягать без хомута, дуги и вожжей? Спросить — отнимет, что и дал, да еще и прогонит, — подумал Иван. — Что делать?» Подумал, подумал и привязал сани за хвост лошади. Привел лошадь в лес, наложил дров и довез до своей избушки. Глядь — а у ворот сугроб намело. Сани в сугробе увязли. Понатужилась лошадь и выдернула хвост начисто — одна репица осталась.

Перетаскал дрова во двор Иван, привязал к саням лошадь, а сам взялся за оглобли и повез сани к брату. Петр увидел лошадь без хвоста, взвыл.

— Ах ты, чортов брат, голоштанник! Чего ты наделал? Да я тебя в кутузке заморю... Если умным не будешь, то смирным станешь.

И прогнал от себя Ивана.

Иван обо всем рассказал жене. Она посоветовала:

— Чем с богатым судиться, лучше в землю провалиться. Иди спрячься куда-нибудь.

Долго Иван бродил по селам вокруг своей деревни. Однажды ночью пришел он в соседнее село. Попросился ночевать — не пускают. Где переночевать? Посмотрел — в поповском доме огонек горит.

— Пойду к попу, авось пустит.

— Тук-тук-тук!

— Кто тут? — спросил поп.

— Странник, пустите переночевать, — отвечает Иван.

Впустили. Поп с попадьей стали ужинать. Сами едят, а Ивана не приглашают. У него в животе волки воют: очень хочется есть. Поужинали. Попадья убрала хлеб в сундук на замок.

— Ну, свет, ложись спать, — предложил поп.

Иван лег на лавке и скоро захрапел. Утром проснулся — попадья уже со стола убирает. Пока Иван спал, они позавтракали. Делать нечего, пришлось Ивану поблагодарить попа с попадьею за ночлег и с пустым желудком уйти.

Видит он, в коридоре собака хлеб ест. У Ивана так и потекли слюнки. Собака отвернулась, а Иван схватил кусок — и бежать; собака бросилась за ним. Иван ухватился за скобу двери — собака за его штанину. Он открыл дверь, собака не пускает. Рассердился Иван, уперся и вытащил голову собаки в дверь, да как хлопнет дверью — голова хр-р-рясть!

Подохла собака.

Выбежал поп на шум. Увидел убитую собаку, на все село завопил:

— Братцы, держите бродягу, собаку убил!

Мужики схватили Ивана. Староста составил на него протокол и посадил в кутузку. Поп подал в суд.

Ночью Иван вырвался из кутузки и пошел скитаться по разным местам. Бродил, бродил — надоело. Отправился домой. День был праздничный, у церкви много богомольцев. Староста увидел Ивана и приказал схватить его. Бросился Иван к церкви, взобрался на колокольню. «Что мне делать? — думает. — Прыгнуть с колокольни — и дело с концом. Все равно теперь засудят». Зажмурился — и прыг с колокольни. В это время проходили у церкви два слепца с поводырем. Иван трах на поводыря — и убил.

— Люди добрые! — заорали слепцы. — Ловите разбойника.

Схватили Ивана и отправили в кутузку. Перед судом отпустили Ивана проститься с семьей. Погоревал он с женой и пошел на суд.

«Эх, семь бед, один ответ» — подумал Иван, взял

большой камень, завернул его в тряпку. — Если осудит судья — убью его».

В суде Иван подходит к судье и говорит:

— Судить-то суди, да за пазуху гляди! — и показал судье тряпку с камнем. Судья был взяточник. Поглядел он на Ивана и шепотом сказал:

— Ладно, садись, понимаю.

Сел Иван. Пришел Петр, а за ним поп и два слепца. Судья объявил:

— Истцы, чего ищете?

Петр встал:

— Господин судья, дал я Ивану лошадь и сани съездить за дровами в лес. Иван выдернул хвост у лошади. Пусть уплатит мне пятьдесят рублей, и я помирюсь.

— Ладно, — сказал судья — садись.

Встал поп:

— Господин судья, пустил я этого греховодника переночевать, а он убил собаку. Собака ученая, пятьдесят рублей серебром сам платил. Пусть уплатит мне пятьдесят рублей, и я помирюсь.

— Ладно, сказал судья, — садись.

Поднялись слепцы:

— Господин судья, только мы подошли к церкви, а этот разбойник прыгнул на поводыря и убил его. Нам без поводыря не прожить, умрем с голоду. Пусть идет сам нас водить, или уплатит нам пятьдесят рублей, и мы помиримся.

— Ладно, — сказал судья, — садитесь.

— Ответчик, что скажешь в свою защиту?

Иван поднялся:

— Господин судья, я просил у брата Петра лошадь и сани съездить в лес за дровами. Он дал сани и лошадь, а хомута не дал. Пришлось привязать сани к хвосту лошади и ехать за дровами. Все было хорошо. Я привез дрова, да в сугробе у ворот сани застряли, лошадь

изо всей мочи дернула воз и выдернула себе хвост. Разве Петр не знает, что без хомута ездить нельзя? Спросил бы я хомут, да он ничего не дал бы. Разве я виноват в этом?

Попросился к попу переночевать. Сам он поужинал, а меня не накормил. Утром взял я кусок хлеба у собаки, а она за мной. Бегу к двери, и она бежит. Открываю дверь, а собака на штанине висит. Что делать? Собак я боюсь. Стал закрывать дверь и раздавил собаке голову. Разве я виноват в этом?

Думаю, — продолжал Иван, — брат сердит, да и поп тоже подал в суд — пропал я. Я влез на колокольню и решил убиться. Зажмурился и прыгнул. Ан, тут и повернулся поводырь со слепцами, я на него — и убил. Зачем они подошли к церкви, когда я прыгнул, — не знаю. Разве я виноват в этом?

Судья встал.

— Мне дело ясно. Суд будет скорый и правый. Слушайте мое решение: истец Петр отдаст лошадь Ивану для работы до тех пор, пока у нее не отрастет хвост. Тогда Петр может ее взять обратно, и будете вы в мире. Если Петр не согласится, то уплатит Ивану пятьдесят рублей.

— Я не согласен! — кричит Петр.

— Платите деньги, — сказал судья.

Иван получил пятьдесят рублей.

— Истец-поп, ступайте к Ивану, — сказал судья, — у него есть собака. Он натравит ее на вас, порвет вам штанину, и вы будете в мире. Если поп не согласен, то уплатит Ивану пятьдесят рублей.

— Я не согласен! — кричит поп.

— Платите деньги, — сказал судья.

И Иван получил пятьдесят рублей.

— Истцы-слепцы, — продолжал судья, — влезайте на колокольню, а Иван встанет внизу. Вы прыгнете на него

и будете в мире. Если не согласны, то уплатите Ивану пятьдесят рублей.

— Мы не согласны! — закричали слепцы.

— Платите деньги, — сказал судья.

И Иван получил пятьдесят рублей.

— Суд окончен, — возвестил судья.

Все вышли, направился к выходу и Иван.

— Стой, Иван! — предупредил судья, — а где же подарок? Давай его сюда!

Иван вытащил из-за пазухи тряпку, развернул, а в ней камень.

— Возьми, господин судья! — и подал ему.

— Ах ты, сукин сын, обманщик! — разозлился судья.

— Нет, господин судья, я не обманщик, — ответил Иван, — что обещал, то и дал.

— Так зачем же ты камень приносил? — спросил судья.

— Если бы ты меня осудил, так я камнем тебя бы убил, — проговорил Иван.

У судьи так и опустились уши.

— Прощай, господин судья!

Золото

ЕЛ солдат со службы домой. Видит — на дороге мешок лежит. Подошел солдат, ударил ногой — зазвенело в мешке золото. Тогда солдат рассердился и начал бить мешок плеткой, что есть силы. Бил-бил и приговаривал:

— Вот тебе, проклятое! Вот тебе! Из-за тебя столько людей воюет, столько людей друг друга убивает, а ты мне попалось! На что ты мне сдалось?!

В ту пору ехал барин на шестерке лошадей. Поравнявшись с солдатом, барин послал слугу узнать, — в чем дело, кого солдат бьет?

Подходит слуга к солдату и спрашивает:

— Кого ты бьешь плеткой так сильно?

— Да вот шел я, вижу — мешок лежит. Толкнул его, а в нем золото звенит. А от этого проклятого золота столько злобы, столько войн, столько крови, — не перечтешь. Ну, я его и луплю.

Пошел слуга к барину и доложил все, как есть. Барин посылает опять слугу спросить: «Может быть, солдат отдаст ему, барину, золото, раз оно ему не нужно?».

Слуга опять подошел к солдату и передал просьбу барина. Солдат и говорит:

— Забери его, пожалуйста! Я хочу жить, а не помирать.

Забрал барин золото и едет себе да думу думает: «Приеду домой, построю новый дом, прикуплю еще земли, куплю молотилку, коров немецких... Фабрику построю... Пройдет обо мне слава по всем городам...».

А слуга и ямщик свою думку думают... Вот ямщик и говорит слуге потихоньку:

— Дорога идет через лес... Давай убьем барина, оставим его в лесу, а золото возьмем себе. Погуляем на славу, а что останется, пополам поделим, разъедемся по домам и заживем вовсю.

Слуга согласился. Доехали они до лесу, убили барина, оставили его в лесу, а сами дальше поехали.

Ехали они долго. Подъезжают к какой-то деревне, ямщик и говорит слуге:

— На, вот тебе деньги, пойдешь купи поесть и попить: вина там, водки купи, закусок разных, а я около лошадей побуду.

Слуга взял деньги и пошел. А ямщик и думает: «Ружье барина у меня... Будет слуга идти, я его из-за дерева — хлоп! — и убью! И все золото мне достанется».

А слуга думал другое: «Деньги у меня есть, пойду напьюсь, наемся, а ямщику куплю отравы, подсыплю в водку, он помрет, а золото мне останется».

Так и сделал слуга. Наелся, напился, купил отравы, влил ее в водку и пошел назад в лес. Ямщик увидел идущего слугу, спрятался за дубом и убил слугу. Подошел к убитому, начал его обыскивать. В кармане нашел сдачу и бутылку водки. Водку он сразу выпил и повалился наземь — отравленный. А кони стояли тут же выпряженные. Они паслись, паслись, а потом и вовсе ушли в лес. Так золото и не досталось никому.

Богатый и бедный

ДИН брат был богатый, другой брат бедный. Бедный к богатому каждый день молотить ходил. Он целый день молотит, а богатый брат его за это обедом кормит, больше ничего не платил за работу. Один раз обедают, и богатый бедного спрашивает:

— Скажи, брат, как ты своих детей кормишь? Детей у тебя много, им хлеба надо. Сам ты у меня обедаешь, кормишься. А дети как?

— А дети вот как — сам я тебе молочу, у тебя обедаю, а домой приду, из ступней потрясу, чего-нибудь натрясется, вот и поедят маленько.

А он молотить не в лаптях ходил, а в ступнях, такие, как галоши, только из лыка плетеные. Богатый думает: «Ага! Вон ты как? Ну, ладно. Будем знать».

На другой день помолотили, пообедали, бедный хотел домой идти. Богатый говорит:

— погоди домой ходить, давай разувайся.

Бедный скинул ступни. Богатый велит:

— Тряси!

Бедный трясет. Натряс немного ржи. Богатый велит:

— Вешайте, сколько тут будет?

Взвесили — вышло с полфунта. Богатый говорит:

— Это мое.

И так каждый день — как бедному домой идти богатый велит разуваться. Бедному совсем плохо стало — детей вовсе кормить нечем. А дети плачут, есть просят. Где чего взять? Не может он больше слушать, как дети плачут, взял веревку и говорит:

— Лучше пойду удушусь.

Жена заплакала, и дети все закричали. А он так и ушел. Пришел на речку, там старая ветла была. Он глядит на ветлу, ищет где сучок покрепче. А вниз поглядел: «Эге! Что такое — будто огонек светит недалеко от ветлы. Надо поглядеть, что такое, почему огонь!». Пошел поближе — верно: огонь — угли светятся. Идет еще ближе. Светится, а только нет, не угли. «Ой, да это золото!» Бедный мужик обрадовался и веревку забыл. Собирает золото и в карманы, и в шапку, и в рубаху. Взял сколько может унести. Пришел домой и говорит:

— Ну, жена, больше помирать не будем. Я золото принес.

Купили хлеба, купили мяса. Стали сыты. В базарный день взял мужик горсть золота, пошел на базар, всего накупил, чего только надо, и детям по конфетке. Ну, купил он на пятерку, не больше. В руке еще золотые остались.

А богатый думает: «Что это брат молотить не идет? Надо узнать».

А его мальчуган говорит:

— Папаша, купи конфет. Дядя вон какой бедный и то своим детям конфетки покупает.

Богатый думает: «Не может быть. Пойду узнаю, в чем дело». Идет к бедному брату. А тот как раз в то время с базара пришел. Кладет на стол калач, рыбу, колбасу, конфетки и золотые, которые остались. Богатый спрашивает:

— Где ты, брат, столько денег взял?

— Где взял! На речке, недалеко от старой ветлы взял. Как ты стал меня разувать, нечем мне стало детей кормить. А они есть хотят, плачут, кричат. Я и хотел удушиться, пошел к старой ветле. Пришел, гляжу — золото насыпано. Верно, кто-то услышал, как мои дети плачут. Ну, я взял сколько донесу, вот и живы!

— А там много золота было?

— Много.

— С пуд было?

— Больше! Хоть мешок насыпай.

Богатый мужик домой пришел, все спрятал, все запер, говорит детям:

— Больше я вас кормить не буду, у меня нет ничего.

День детей не кормит. Они плачут, есть просят. Другой день не кормит, они еще больше кричат:

— Есть хотим!

И на третий день также. Тут богатый мужик за голову схватился и кричит:

— Куда мне от вас деваться? Съели вы меня! Нет у меня ничего, помирайте с голоду! Пойду удушусь!

Схватил он веревку потоньше, мешок большой за пояс заткнул, побежал на речку к старой ветле. Не глядит, на какой сучок веревку закинуть, а глядит, не светит ли где золото. Недалеко огонек горит. Он туда. Видит — золото. Насыпал полон мешок, чуть поднял. Тащит домой. Шел он мимо своего сарая, у него мешок прогорел, два уголька упали, солома загорелась. Он оглянулся:

— Ой, батюшки! Ой, матушки! Сарай горит...

Бросил мешок, побежал тушить. Пока тушил, в мешке угли разгорелись, дом занялся. Чуть успел он детей вытащить, а дом и все добро сгорело.

Семилетка

ХАЛИ два брата: один бедный, другой именитый, у обоих по лошади: у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег.

У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого брата. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат, у меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтобы телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле нее был

Поспорили они и пошли судиться: именитый дарит судей деньгами, а бедный словами оправдывается.

Дошло дело до самого царя.

Велел царь призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего в свете сильнее и быстрее? Что всего в свете жирнее? Что всего мягче? Что всего милее?

И положил им сроку три дня.

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Семилетка

ХАЛИ два брата: один бедный, другой именитый, у обоих по лошади: у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег.

У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого брата. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат, у меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтобы телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле нее был.

Поспорили они и пошли судиться: именитый дарит судей деньгами, а бедный словами оправдывается.

Дошло дело до самого царя.

Велел царь призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего в свете сильней и быстрее? Что всего в свете жирнее? Что всего мягче? Что всего милее?

И положил им сроку три дня.

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал, подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманек?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума: первая загадка — что всего в свете сильней и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа каряя кобыла есть, нет ее быстрее. Коли кнутом приударить — зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего в свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится — такой жирный стал, что и на ноги не подымается.

— Третья загадка: что всего в свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь.

— Четвертая загадка: что всего в свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка.

— Спасибо тебе, кума, научила уму-разуму, век не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой. Встречает его дочь-семилетка: только и семьи было у него, что дочь одна.

— О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слез не ронить! Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего в свете сильней и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер; жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет — земля питает; мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все под голову руку кладет; а милее сна нет ничего на свете.

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошел, или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество, есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша, — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка, — отвечала семилетка.

Отломила она прутик от веника, подает отцу и наказывает:

— Поди к царю, скажи, чтобы нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросны: было бы на чем полотенце ткать.

Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора цыплят.

Воротился мужик домой, еще кручиннее, еще печальнее.

— Ах, дочка! От одной беды увернешься, другая навяжется.

— Не кручинься, батюшка, — отвечала семилетка.

Попекла она яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит, пришло совсем пропадать».

— Не кручинься, батюшка, — сказала ему дочь-семилетка, — ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку.

Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек, — и подает ему перепелку. Царь протянул было руку: перепелка порх — и улетела.

— Хорошо, — говорит царь — как приказал, так и сделала. Скажи мне теперь: ведь отец твой беден, так чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушки в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает.

А ты умен, — когда видано, чтоб телега жеребенка принесла? Не телега, — кобыла родит.

Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику.

Про Петра Великого

В ОДНО прекрасное время Петр Великий осматривал Питер. Едет мимо Путиловской горы, увидел каменотеса. Подъезжает к нему, спрашивает:

— Бог на помочь, мужичок, какво работаешь, много ли зарабатываешь?

— Не стоит благодарности за такие малости, в день восемьдесят копеек заработаю.

— Так тебе и хватает?

— Не очень-то хватает.

— Странное дело, куда же вы деньги деваете?

— Двадцать процентов дому плачу, двадцать процентов в долг даю, двадцать процентов за окно кидаю.

Государь задумался.

— Разъясни, — говорит, — мужичок, понять не могу.

— А видите, двадцать процентов отца с матерью кормлю, двадцать процентов двух сынов рощу, двадцать процентов двух лебедек рощу, крылышки подрастут, тут я их и видывал, а двадцать процентов на все содержание.

— А видел ли ты государя?

— Да нет, а хотелось бы.

— Ну поедем, покажу; как приедет в селение, все будут без шапок, один государь в шапке.

Приезжают в селение: там кричат ура, шапки вверх кидают, а он и спрашивает:

— Который же из нас царь, что все без шапок, только мы с вами в шапках?

— Не знаю, — говорит.

Потом мужичок пал на колени.

— Простите, — говорит, — ваше царское величество.

— Возьму я тебя в Питер, и скажешь ты свою загадку сенаторам.

Сели в телегу и отправились в Питер. По приезде Петр Великий собрал сенаторов и говорит:

— Вот, господа сенаторы, этот мужик задал мне такую загадку, что я не мог решить. Прошу вас в трехдневный срок решить.

Мужик и рассказал им загадку:

— Зарабатываю я восемьдесят копеек: двадцать копеек в дом плачу, двадцать копеек в долг даю, двадцать копеек за окно кидаю, а на двадцать копеек живу.

— Господа сенаторы, разгадайте, куда его деньги идут, а вы, мужичок, не смейте без моей личности им сказывать.

Сенаторы думали, гадали, но решить не могли. Срок кончается, а они решить не могут. А один решил его подвести.

— Давай позовем да предложим, чего только захочет.

Позвали и подкупают, а он был не промах. Шляпа у него была большая с заворотом.

— А кидайте мне полную шляпу золота.

Они и накидали. А он говорит:

— Двадцать копеек — отца с матерью кормлю, двадцать копеек — двух сынов рощу, двадцать копеек — двух лебедек рощу, на двадцать копеек сам живу.

Сенаторы видят, что самое простое, а не могли угадать. Ну, срок прошел, они и пошли к государю.

— Ну, вот, — говорят, — такая-то разгадка.

— Ну, — говорит, — вы сами не могли отгадать, он вам рассказал.

Они и повинились. Он как сурово посмотрел на мужика. А тот говорит:

— Ваше императорское величество, да смотрите, сколько мне ваших личностей накидали. Разве я смог отказать? (А ведь на каждом золотом личность государя).

Пошли они обедать, мужичка царь около себя посадил. Сенаторы и решили его подвести. Ударил один соседа и сказал: «передай другому». Так до мужика дошло. Должен он царя ударить. А он встал и говорит:

— Вот, господа сенаторы, какой я сон видел: пошли мы со старухой в лес и увидели дрова хорошие. Ну, пошли и стали грузнуть. Что дальше, то больше грузнем. А что, не вернуться ли нам домой? Да — говорю, — вернуться, а дрова какие хорошие! Так вот, господа сенаторы, как быть: угрузиться или домой поворотиться?

Вст те и говорят:

— Конечно, домой поворотиться.

Он как повернулся, да как ударит — «передай другому», говорит. Тут его царь самым главным сенатором и поставил, а их ему под начало отдал.

Тайный сказ про Атамана Золотого

БЫЛО это давно, когда еще Омельян Иваныч к нам не приходил. Мне вот скоро восемь десятков стукнет, а дед мой сказ этот от стариков на заводе в Невьянске слышал. Много раз его слышал. По тайности его сказывали — вот оно какое дело!

Жил тогда атаман. Был он высокий и силы большой — лицом бледный, а взглядом так сквозь и пробирает, — а волосы, что твое золото чистое. За волосы-то его и Золотым прозвали.

Был тот атаман не простой человек. Еще до бегов-то согрубит какому начальству, пороть его прикажут, розог как надо наготовят, а никак его розга не берет — лежит, усмехается. Говорили, что и пуля его не брала. Может, и правда, а только чего не знаю, того не знаю.

По Каме и Чусовой Золотой атаманил, много купцов да управителей он со света посбавил и попов тоже вешал, оружия да золота отобрал — не считано, не видано, а только много. Оружье да золото в пещеру потайную укрывал. Собирал, значит, кому надо, давал. Ну, и выпито тоже неплохо бывало.

Вот раз случай какой вышел. С дозорного места, что над Камой и посейчас виднеет, увидали атаманы това-

рищи — лодка плывёт — управитель из Шайтанки барина-заводчика Ширяева-злodusи с какими-то людьми едет, а с ним сиротка, племянница Ширяева того, значит. Управитель сам — собака не последняя. Мигом люди остановили управителя. Ну, известное дело, что с ним долго разговаривать — дело простое. Что надо, себе взяли, управителя порешили да в воду, а девицу не тронули — не сладко-то сироте и в богатстве жить. С собой повели в пещеру потаенную, от дозора недалече.

Сколько тогда попито да поедено было — никто не считал, а только тут худое дело вышло. Стали атамановы молодцы к девице той приставать. Девица из себя красивая.

Один-то по пьяному делу схватил ее, а она давай кричать. Золотой услышал. «Пусти», — говорит. — «Не пущу». Глянул на него Золотой, ничего не сказал — у того руки, что девицу в обнимку держали, опустились. Девица к Золотому бросилась. Поверила она ему. Ничего не сказал атаман, взял ее за руку, из пещеры вывел и на коня посадил, который в кустах привязан стоял, и дорогу показал: «Езжай, — говорит, — мы над сиротами не насильники».

Посмотрела на него девица. «Спасибо, — говорит, — недаром Золотой тебе прозвище дали — золотые слова твои, атаман. Вовек я тебя не забуду, что не дал ты меня в обиду. Перстенок этот с камнем на палец надень и не сымай никогда. Не простой это камень — сила в нем большая сокрыта. Повернешь верхом камень — ворота железные, медные сами раскроются, замки, цепи сразу рассыплются. Гора каменная сама раскроется. Только не забудь, смотри, перстень вверх камнем повернуть да слово мое сказать».

Нагнулась с коня, надела атаману перстень на палец, на ухо слово какое-то шепнула, пригнулась к коню и в лесу пропала.

Посмотрел атаман ей во след, на кольцо посмотрел. Камень зеленый, изумруд будто, повернул, а он то солнцем горит, то как заря утренняя цветом меняется, повернул вниз — опять зеленый. Сколько камней перевидел атаман, а такого еще не встречал.

Повернул он перстень вниз камнем и пошел к товарищам. Ни о чем его не спросили, ничего не сказали. Такой порядок был в атамановы дела не мешаться.

Скоро ли, долго ли, а прослышал атаман Золотой, что Ширяев-то этот на Шайтанском заводе уж так над рабочими людьми изгаляется, дальше некуда — не то что девке, — бабе в тягости проходу не дает, о делах его и говорить-то тебе не решуся. Одно слово, срамота. А людей в подвалах без счета держали, в железзах, в колодках прикованных. А на заводе Шайтанском Золотой не раз бывал, в караван нанимался, дружок там у него Ванюшка на заводе робил. Как услышал атаман про те злодеяства не слыханы, не виданы, вскочил на коня своего верного и поехал напрямик, как пуля, через лес, через горы к верному своему другу Ванюше, привез ему пули заговорены, что своих не берут, а чужих без промаха бьют.

Собрали они на заводе потайно еще шестерых — все, как надо, обговорили.

Кого из рабочих Золотой внизу оставил, а сам с Ванюшкой да еще с двумя, которым имя забыл, во двор вошли — караульный сам и ворота раскрыл, а других которых повязали.

Золотой впереди идет. Поднялись они наверх. Слугу того, который у дверей стоял, связали и словечка сказать не дали. Других слуг кого повязали, а кто с ними пошел, дорогу показывают.

Вышли на галдарейку — глядь — дверь медная кованая. Золотой слово какое-то сказал и перстень повернул, сверкнул камень, и дверь-то сама раскрылась.

Прошли они дальше — глядь — дверь серебра белого перед ними закрыта. Опять атаман слово какое-то сказал и перстень повернул. Сверкнул камень, и дверь-то сама раскрылась.

Прошли они дальше. Глядь — дверь золота чистого. Опять атаман слово какое-то сказал и перстень повернул. Сверкнул камень, и дверь-то сама раскрылась.

Было это дело ночью, тут как раз с колокольни двенадцать и ударило

Три двери прошли: первую — медную кованую, вторую — серебра белого, третью — золота чистого. Вошли в последнюю горницу, дальше идти некуда. Хотел атаман повернуть, а тут, откуда только взялась, сиротка та, девица-красавица, что Золотому перстень дала. Подошла к Золотому и рукой показала на стену. Стена-то золотой парчой обита — не видать ничего.

Подошел атаман, сказал слово какое-то, кольцо повернул.

Камень не зеленым стал, кровью загорелся, и стена расступилась.

Прошел Золотой — глядь — дверца маленькая. Перед ней пес — тигра лютая, не слыхана и не видана, с изумруд-камнем в глазах. Бросился тот пес на Золотого, а атаман глянул на него, пес остановился, перстень атаман повернул, сверкнул камень, пес голову отвернул и пропустил атамана.

Вошел атаман в горницу, а Ширяев в одном исподнем у постели стоит, весь трясется. Увидел Золотого, на колени бросился, руки, ноги его целует, слезами плачет, рыдает. «Пощади, — говорит, — ничего для тебя не пожалею, что хочешь бери. Уйду я вовсе отсюда и не вернусь».

Тут крик, шум подняли кто с атаманом пришел:

— Не слушай его, атаман, злодюга каким был, таким

останется, никуда он отсюда не денется, от богатства своего не откажется.

Посмотрел только атаман — тихо стало.

Поднял он барины. Того трясушка трясет, зубами чаклет, говорить со страху не может.

Поднял атаман свой пистолет турецкий. «Пули на тебя жалко, — говорит он, — ты не так нас мучил — только возиться с тобой не время».

Застрелил он того собаку, а сам в подвалы подземны спустился, выпустил кто цепями железными к колодкам каменным прикован сидел. Оружье там которое, золото и добро барское — все крестьянам да рабочим поотдавал.

Себе взял только золота самородок да камни-самоцветы красоты неописанной и тайный плант из золотой шкапулки вынул.

Хотел девицу-сиротку с собой забрать, да раздумал — поклонился ей низко, сел на коня и уехал.

Сказу этому долго еще конца не будет, только какие слова говорить забыл. Хорошо знаю, что не казнили Золотого, ловили, ловили, а словить его не могли.

Да и то сказать, как тут слышишь, когда кольцо у него чудесное было. Совсем уж догонять стали, двадцать человек за одним гнались, а Золотой к Азов-горе их привел, повернул вниз камень. Сверкнул камень. Гора раскрылась, и пропал атаман.

В пещере той, в Азов-то горе, девица-красавица золото стережет, и оружия там много понакидано.

Туда и Омелян Иваныч к атаману приходил, вместе воевали потом. А что казнили Золотого и со всех заводов на казнь смотреть гоняли, — то сказки. Другого казнили, не Золотого.

Кузнец и чорт

КАК начнет кузнец робить в кричне, поломает себе бока за четырнадцать часов, постоит у огня да вымажется весь в черную сажу, прямо на чорта похож станет.

Ну, а потом куда кузнецу деваться, куда пойдешь, кроме как в кабак. А кто не пил? — тогда каждый пил.

Придет кузнец в кабак, напьется в долг пьяным да начнет буянить. Тут его кабатчик за шиворот да на улицу:

— Иди, грязный чорт! — а сам лишнюю полтину в книжку запишет.

Кузнец пойдет домой. Наболеет у него на сердце, и почем зря кроет приказчиков, хозяина, кабак, всех чертей, ну, одним словом, всех, кто тянет кровь из жил.

Много «побасок» про эту жизнь сложено. Говорить-то их нельзя было — неровен час, услышит гад какой и до приказчика доведет. Вот тут-то и разбирайся.

Одну как будто припоминаю, может, только слово какое зыбыл.

Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака: «Иди, чертяга, страхолютый».

Пошел кузнец по улице, идет и думает себе: «Хоть я не чорт, а со всем удовольствием согласен быть чортом и

в аду жить. А вот пусть чорт на моем месте поживет, узнает, как мы-то живем».

А чорт — известно чорт. О нем скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, думает: «Постой, друг, ты, видать, не знаешь моего житья, вот я поведу тебя в ад, будешь помнить».

Подходит чорт к кузнецу и говорит:

— Здорово, кузнец, я тебя давно хотел видеть.

— А ты кто такой? — спрашивает кузнец.

Чорт покрутил хвостиком, подмигнул глазком и говорит:

— Не узнаешь, что ли? Ты ж со мной меняться хотел. Вот я сам чорт и есть.

Кузнецу что — чорт так чорт. Не любил кузнец словами долго распускаться и говорит:

— Давай меняться: я к тебе пойду — в ад то есть, а ты ко мне — в кричню. У тебя лучше.

Чорт говорит:

— Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так говоришь.

Одно слово, чорт свое и кузнец свое.

Тут чорт за попереченство осерчал на кузнеца и поволок его в ад: показать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся.

Пришли в ад, чорт повел кузнеца по геене огненной, показывает ему все, а сам думает, что кузнец устрашится и назад вернется, а кузнец идет, ему хоть бы что, как дома себя чувствует. — Кому — ад, мне — рай, — говорит. Ходили, ходили, чорт и спрашивает кузнеца:

— Ну как... страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят?

Тут кузнец осерчал, да и говорит чорту:

— Иди ты к своей матери — к чортовой, значит, — не морочь мне голову. Пойдем, я тебе покажу ад! Дело верное, а то время тратим, а толку нет.

Потащил чорта кузнец к кричне. Вот приходят. Идут по кричне, а в ней ночь черна от пыли да от сажи: сто горнов горят; четыреста молотов стучат. Рабочие ходят, рожи у них, как полагается,— нет кожи на роже.

Кузнец идет впереди, чорт позади. Тут начали сажать крицу и мастеру на лопате подавать. Искры посыпались из глаз, чорт уж и дышать не может.

Тут и случись беда: кузнеца увидал хозяин и закричал:

— Ты что, чорт, расхаживаешь без дела, морду побью. А чорт испугался, спрашивает кузнеца:

— Что он тут делает? А?

— Морды всем бить хочет и тебе побьет,— сказал кузнец, а сам хотел глянуть на чорта. Только это покосил через плечо глаз, чорт уже повернулся уходить.

Тут кузнец говорит чорту:

— Куда ты, чорт, это еще не все — ты хоть погляди, как хозяин с нами-то справляться будет. Научись,— говорит,— с грешниками в аду обращаться.

— Нет,— говорит чорт, крутнул хвостиком, и только его и видали.

А кузнец долго помнил, как чорта в кричню водил, и с чертями язык распускать закаялся.

О молотобойце и чорте

ВБИЛИМБАЕ на заводе робил тот человек, о ком буду речь вести. Посмотреть на него — немудрящий такой, а самолучший мастер был. Где он только ни побывал: и около домны робил, и в кричне у молота стоял. Лучше его никто крицу не ухватит; и чудное дело — огневик был, а на лице у него пятнышка ни одного не было. Не иначе, с чортом знался. Так люди говорили.

Потом ушел с завода — отпустили его. Опять неладно это дело. Человек он был в соку, неизробленный, а отпустили. Опять нечисто дело. И что бы вы думали? Золотишком занялся, местечко богатимое нашел, где — не сказывал. Вернулся, опять на работу пошел. Домишко себе выстроил — хороший, в два верха. С женой жил ладно, хорошо жил. Сын у него был, кузнецом на заводе робил. Здоровый такой, веселый. В драках первый человек. Отца рабочие не любили, а за сына стояли, когда надо и от начальства укроют. Сын полштофку или косушечку выпить непрочь, а отец — ни-ни и в кабаке не ходил. А что бы когда чорта помянуть — это боже упаси. Чудной такой. Ему кто скажет: «Иди к чортовой матери», а он: «Рад бы пойти, да не примаёт она меня. Это — женщина благородная».

Дело уже к старости стало, поставили старика к водосливному молоту. Стали люди примечать. В праздник закроеет колесо, а молот сам ходит. Известно, «он» за него робил. Оно и вышло.

Старик в новом доме, что на золотишко построил, чертяку на стенке намалевал, как есть настоящий: рожки маленькие и копытца на ногах, хвостик — все как полагается. И каждый раз, как идти тому мастеру на работу, соберет он струмент весь и не забудет — к чорту подойдет, к тому, что на стенке, поклонится и молотом помашет. Так шло и шло.

Только это старик ослаб вовсе, зовет сына и говорит ему:

— Видно, умирать мне времечко пришло — так вот, сын мой любезный, много я тебе сказать — не скажу, одно только прошу. Как умру я, не забывай чорта-батьюшку, перед тем как на работу идти — поклониться и молотом перед ним помахать. Без этого тебе в жизни никакой удачи не будет.

Сын видит — старик уж отходить стал. Хотел уважить старика, пообещал ему не забывать чорта.

Старик с тем и помер.

С той поры как идет сын мастера-то на работу, возьмет струмент, пройдет мимо чертяки и молотом — раз его по роже и пойдет. Так местечко-то на стенке и отбивалось раз за разом. Одним днем треснул он чертяку на стенке молотом, стена в том месте и провалилась — на месте патрета-то. Из дыры чорт вышел.

«Так и так, — говорит, — за что ты меня мукой мучаешь? Уважения не оказываешь? Я тебе за это удачи не дам. Будешь ты век горевать». А мастер смеется над чортом. «Ничего, ты, — говорит, — не можешь. Враки все это». Чорт ему — свое, он — свое. Так и поспорили. «Чем спорить, — говорит мастер, — сделай то, чего я сделать не умею, тогда поверю. Видишь, вон там старуха с батож-

ком ковыляет, сделай так, чтобы она как молоденькая побежала».

Чорт сейчас готов. Давай траву собирать, варево варить, старуху поить.

Старуха выпила да руками как схлопает, батожок в сторонку швырнула и побежала. Чорт радуется:

— Ну, что — веришь теперь, что я все могу?

Мастер головой покачал:

— Это она от варева твоего побежала. И я такое сотворить могу. Напою тебя, и ты побежишь. Даром что не хочешь. А ты вот сделай так, чтобы наш кабатчик ко мне кланяться пришел да кусок хлеба просить стал.

Чорт не дослушал и побежал. Утречком, только вышел мастер на улицу, а ему говорят, что кабатчик совсем занищал: «Все как есть у него пропало добро-то. Обчистили хозяина. У него в кабаке драка завелась, мура такая заварилась, что не приведи господь. Пока он туды-сюды бегал да начальство созывал, его так почистили, что только стены голые остались. Все унесли. А кто — неведомо, не дознались».

Рассмеялся мастер и говорит чорту: «Ты мне голову не дури, драться и я мастер не последний, а обчистить такую подлюку много охотников. Такое чудо и я сделать могу и без тебя чертяки. Вот ты нашего хозяина-то — завсдчика, значит, билимбаевского — человеком сделай — вот тогда поверю».

Поскучнел чорт, заскулил, побежал. Долго это возле хозяйского дома крутился, все чертячьи фокусы попробовал — не вышло. Вернулся к мастеру, хвостик опустил. «Нет, — говорит, — что хочешь сделаю, а хозяина вашего человеком сделать не могу».

Так и ушел.

Про Великого Полоза

Ж

ИЛ на заводе мужик один. Левонтьем его звали. Старательный такой мужичок, безответный. Смолоду его в горе держали, на Гумешках то есть. Медь добывал. Так под землей все молодые годы и провел. Как червяк, в земле копался. Свету не видел, позеленел весь.

Ну, дело известное — гора. Сырость, потемки, дух тяжелый. Ослаб человек. Приказчик видит — мало от него толку, и удобрился перевести Левонтия на другую работу — на Поскакуху отправил, на казенный прииск золотой. Стал, значит, Левонтий на прииске робить. Только это мало делу помогло. Шибко уж он нездоровый стал. Приказчик поглядел-поглядел на него и говорит:

— Вот что, Левонтий, старательный ты мужик, говорил я о тебе барину, а он и придумал наградить тебя. Пущай, говорит, на себя старается. Отпустить его на вольные работы, без оброку.

Это в ту пору так дельвали. Изробится человек, никуда его не надо, ну и отпустят на вольную работу.

Вот и остался Левонтий на вольных работах. Ну, пить-есть надо, да и семья того требует, чтобы где-нибудь кусок добыть. А чем добудешь, коли у тебя ни хозяйства, ничего такого нет. Подумал-подумал, пошел ста-

раться, золото дыбывать. Привычное дело с землей-то, струмент тоже не ахти какой надо. Расстарался, добыл и говорит ребятишкам:

— Ну, ребятушки, пойдем, видно, со мной золото добывать. Может, на ваше ребячье счастье и расстараемся, проживем без милостыни.

А ребятишки у него вовсе еще маленькие были. Чуть побольше десятка годов им.

Вот и пошли наши вольные старатели. Отец еле ноги передвигает а ребятишки — мал-мала меньше — за ним поспешают.

Тогда, слышь-ка, по Рябиновке верховое золото сильно попадать стало. Вот туда и Левонтий заявку сделал. В конторе тогда на этот счет просто было. Только скажи да золото сдавай. Ну, конечно, и мошенство было. Как без этого. Замечали конторщики, куда народ бросается, и за сдачей следили. Увидят — ладно пошло, — сейчас же то место под свою лапу. Сами, говорят, тут добывать будем, а вы ступайте куда в другое место. За место разведки старатели-то у них были. Те, конечно, опять свою выгоду соблюдали. Старались золото не оказывать. В контору сдавали только, чтобы сдачу отметить, а сами все больше тайным купцам сбывали. Много их было, этих купцов-то. До того, слышь-ка, исхитрились, что никакая стража их уличить не могла. Так, значит, и катался обман-от шариком. Контора старателей обвести хотела, а те опять ее. Вот какие порядки были. Про золото стороной дознаться только можно было.

Левонтий, однако, не потаил — сказал честь-честью. Видят, какой уж он добытчик. Пущай хоть перед смертью потешится.

Пришел этот Левонтий на Рябиновку, облюбовал место и начал работать. Только сил у него, слышь-ка мало. Живо намахался, еле жив сидит, отдышаться не

может. Ну, а ребяташки, какие они работники. Всеж-таки стараются. Поробили так-то с неделю, либо боле, видит Левонтий пустяк дело — на хлеб не сходится. Как быть? А самому все хуже да хуже. Исчах совсем, а человек самостоятельный, неохота ему по миру идти и на ребяташек сумки надевать. Пошел в субботу золотишко, какое намыл, сдать в контору, а ребятам наказал:— Вы тут побудьте, струмент покараульте, а то таскать-то его взад вперед ни к чему нам.

Остались, значит, ребята караульщиками у шалашика. Сбегал один на Чусову-реку. Близко она тут. Порыбачил маленько. Надергал пескозобишков, окунишков, и давай они ушку себе готовить. Костер запалили, а дело к вечеру. Боязно ребятам стало.

Только видят — идет старик, заводской же. Семенычем его звали, а как по фамилии — не упомню. Старик этот из солдат был. Раньше-то, сказывают, самолучший кричный мастер был, да согрубил что-то приказчику, тот его и велел в пожарную отправить — пороть, значит. А этот Семеныч буйство учинил, не стал даваться, рэжи которым покарябал, как он сильно проворный был. Известно, кричный мастер. Ну, всеж-таки обломали. Пожарники-то тогда здоровущие подбирались. Выпороли, значит, Семеныча, а за буйство в солдаты и сдали. Через 25 годов, слышь-ка, он пришел в завод-то вовсе стариком, а домашние у него все за это время примерли, избушка заколочена стояла. Хотели уж ее разбирать, шибко некорыстна была. Тут он и объявился. Подправил свою избушку и живет в ней потихоньку один-одинешенек. Только стали соседи замечать — не спроста дело. Книжки какие-то у него. И каждый вечер он над ними сидит. Думали, может, умеет он людей лечить. Стали с этим к нему приходиться. Отказал:— Не знаю,— говорит,— этого дела. И какое тут может лечение быть, коли такая у вас работа.— Думали — может веры какой особой. Тоже не

видно. В церкву ходит о пасхе да о рождестве, как обыкновенно мужики, а приверженности не оказывает. И тому опять дивятся — работы нет, а чем-то живет. Огородишко, конечно, у него был. Ружьишко немудряшее имел, рыболовную снасть тоже. Только разве этим проживешь? А деньжонки, промежду прочим, у него были. Бывало, кой-кому и давал. И чудно этак. Иной просит-просит, заклад дает, набавку, какую хошь, обещает, а он не даст. А к другому сам придет: — Возьми-ка, Иван или там Михайло, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь. — Одним словом, чудной старик. Чертознаем его считали. Это больше за книжки-то.

Вот подошел этот Семеныч, поздоровался. Ребята радехоньки, зовут его к себе: — Садись, дедушко, похлебай ушки с нами. — Он не посупорствовал, сел. Попробовал ушки и давай нахваливать — до чего де навариста да вкусна. Сам из сумы хлебушка мяконького достал, ломочками разрезал и перед ребятами расклат. Те видят — старику ушка поглянулась, и давай уплетать хлебушко-то, а Семеныч одно свое — ушку нахваливает — давно, дескать, так-то не едал. Ребята под этот разговор и наелись как следует. Чуть не весь стариков хлеб съели. А тот знай похмыкивает: — Давно так-то не едал.

Ну, наелись ребята, старик и стал их спрашивать про их дела. Ребята обсказали ему все по порядку; как отцу от заводской работы отказали и на волю перевели, как они тут работали. Семеныч только головой покачивает да повздыхивает: ох-ох да ох-ох. Под конец спросил: — Сколь намыли? — Ребята говорят: — Золотник, а может поболее, — так тятенька сказывал. — Старик встал и говорит: — Ну, ладно, ребята, надо вам помочь. Только вы уж помалкивайте. Чтоб ни-ни. Ни одной душе живой, а то... — и Семеныч так на ребят поглядел, что им даже страшно стало. Ровно вовсе на Се-

меняча не похож стал. Потом опять старик усмехнулся и говорит:

— Вот что, ребята, вы тут сидите у костерка и меня дожидаетесь, а я схожу — поклонюсь кому надо. Может, он вам поможет. Только, чур, не бояться, а то все дело пропадет. Помните это хорошенько.

И вот ушел старик в лес, а ребята остались. Друг на друга поглядывают и ничего не говорят. Потом старший насмелился и говорит тихонько:— Смотри, братко, не забудь, чтобы не бояться,— а у самого губы побелели и зубы чакуют. Младший на это отвечает: — Я, братко, не боюсь, а сам помучнел весь.

Вот сидят так-то, дожидаются, а ночь уже совсем, и тихо в лесу стало. Слышно, как вода в Рябиновке шумит. Прошло довольно много времечка, а никого нет, у ребят испуг и отбежал. Навалили он в костер хвоя, еще веселее стало. Вдруг слышат — в лесу разговаривают. Ну, думают, люди какие-то идут. Откуда в такое время? Опять страшно стало.

И вот подходят к огню двое. Один-то Семеныч, а другой с ним незнакомый какой-то и одет не по-пашенски. Кафтан на нем, штаны — все желтое, из золотой, слышь-ка, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и с кистями, тоже из парчи, только с зеленью. Шапка желтая, а справа и слева по ней красные зазорины и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнешь их. Только глаза зеленые и светят, как у кошки. А смотрят по-хорошему, ласково. Мужик такого же росту, как Семеныч, и не толстый, а видать, грузный. На котором месте стал, под ногами у него земля вдавилась. Ребятам все это занятно, они и бояться забыли, смотрят на того человека, а он и говорит Семенычу шуткой так:

— Это вольные-то старатели? Что найдут, все заберут? Никому не оставят?

Потом прихмурился и говорит Семенычу, как советуется с ним.

— А не испортим мы с тобой этих ребятишек-то?

Семеныч стал сказывать, что ребята небалованные, хорошие, а тот опять свое:

— Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда только на них всякой погани нальнет.

Постоял, помолчал и говорит:— Ну, ладно, попытаем. Малолетки, может, лучше окажутся. А так ребятки ладненьки, жалко будет, ежели испортим. Маленький-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался. Ты уж попусти сам, Семеныч. Отец-то у них не жилец. Знаю я его. На ладан дышит, а тоже старается сам кусок заработать. Самостоятельный мужик. А вот дай ему богатство — тоже испортится.

Разговаривает так-то с Семенычем, будто ребят тут и нет. Потом посмотрел на них и говорит:

— Теперь, ребятушки, смотрите хорошенько. Замечайте, куда след пойдет. По этому следу сверху и копайте. Глубоко не лезьте, ни к чему это.

И вот видят ребята — человека того уж нет. Которое место до пояса — все это голова стала, а от пояса шея. Голова точь в точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная. И вот из-под земли стало выкатываться туловище преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом туловище выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли все кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костер потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холо-

дом потянуло. Дошел змей до Рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замерзла по ту и по другую сторону. Змей перешел на другой берег, дотянулся до старой березы, которая тут стояла, и кричит:— Заметили? Тут вот и копайте. Хватит вам по сиротскому делу. Чур, не жадничайте!

Сказал так-то и ровно растаял. Вода в Рябиновке опять зашумела, и костерок оттаял и загорелся, только трава будто все еще озябла, как иней ее прихватил.

Семеныч и объясняет ребятам:

— Это есть Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пойдет, — туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле и под землей, как ему надо, и места может окружить сколько хочет. Оттого вот и бывает — найдут, например, люди хорошую жилку, случится у них какой обман либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвел золото. А то вот еще так бывает. Найдут старатели хорошее рассыпное золото, ну, и питаются. А контора вдруг объявит — уходите, мол, за казну это место берем, сами добывать будем. Навезут это машин, народу нагонят, а золота-то и нету. И вглубь бьют и во все стороны лезут — нету, будто вовсе не бывало. Это Полоз окружил все то место да пролежал так-то ночку, золото и стянулось все по его-то кольцу. Попробуй, найди, где он лежал.

Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял. Ну, а если для себя стараются, тем ничего, поможет еще когда, вот как вам. Только вы смотрите, молчок про эти дела, а то все испортите. И о том старайтесь, чтобы золото не рвать. Не на то он вам его указал, чтобы вы жадничали. Слышали, что говорил-то? Это не забывайте первым делом. Ну, а теперь спать ступайте. А я посижу тут у костерка.

Ребята послушались, ушли в шалашик, и сразу на них сон навалился. Проснулись поздно. Другие старатели уж давно работают. Посмотрели ребята один на другого и спрашивают: — Ты, братко, видел вчера что-нибудь? — Другой ему: — А ты видел? — Договорились всеж-таки. Заклялись, забожились, чтобы никому про то дело не сказывать и не жадничать, и стали работать. На том самом месте копать стали, где костерок был. И сразу, слышь-ка, две золотые жужелки нашли, и песок пошел не такой, как раньше. Совсем хорошо у них дело сперва пошло. Ну, потом свихнулось, конечно. Только это уж другая побывальщина пойдет. Другой раз и расскажу.

Медной горы хозяйка

ОШЛИ раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то. Верст, поди, десять, а то и все пятнадцать до того места.

День праздничный был и жарко — страсть. Парун чистый. А оба в горе робили, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королек с витком попадали и там прочее, что подойдет.

Один-то молодой парень был, неженатик, а уж в глазах у него зеленью отливать стало. Другой — постарше. Этот и вовсе изробленный. В глазах зелено, в волосах зелено и щеки будто зеленью подернулись. И кашлял за все тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышь-ка, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железную руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, — ровно его кто под бок толкнул, — проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно при-

липла к спине. На конце, слышь-ка, ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светятся и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, ртуть-девка. Слышать — лопочет что-то, а по-каковски — неизвестно и с кем говорит — не видно. Только со смешком все. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло, в пот даже бросило.

— Мать ты моя, да ведь это сама хозяйка! Ее одежда-то. Как я сразу не приметил? Отвела глаза косою-то своей.

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ка, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз, как шелк, хоть рукой погладить.

— Вот, — думает парень, — беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила. — От стариков он, вишь, слышал, что хозяйка эта — малахитница-то — любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

— Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-от ведь деньги беруг. Иди-ка сюда поближе. Поговорим маленько.

Парень испугался, конечно, а виду не показывает. Крепитя. Хоть она и тайная сила, а всеж-таки девка. Ну, а он парень — ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

— Некогда, — говорит, — мне разговаривать. Без того проспали, а траву смотреть пошли.

Она посмеивается, а потом и говорит:

— Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит — делать нечего. Пошел к ней, а она рукой маячит, — обойди де руду-то с другой стороны. Он обошел и видит — ящерок тут неисчисленно. И все, слышь-ка, разные. Одни, например, зеленые, другие голубые, которые в синь впадают, а то, как глина либо песок, с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблеклая, а которые опять узорами изукрашены.

Девка смеется:

— Не расступи, — говорит, — мое войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжелый, а они у меня маленькие. — А сама ладошками схлопала, ящерики и разбежались, дорогу дали. Вот подошел парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала да и говорит, и все смехом, слышь-ка:

— Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь какую мою слугу — беда будет.

Он поглядел под ноги, а там и земли не видно. Все ящерики-то сбились в одно место, — как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан — батюшки, да ведь это руда медная. Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блески всякие, кои на малахит походят.

— Ну, теперь признал меня, Степанушко? — спрашивает малахитница, а сама хохочет — заливается. Потом, мало погодя, и говорит: — Ты не пугайся. Худого тебе не сделаю.

Парню обидно стало, что девка над ним насмехается да еще слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

— Кого мне бояться, коли я в горе роблю.

— Вот и ладно, — отвечает малахитница. — Мне как раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как

в гору спускаться будет тут ваш заводской приказчик, ты ему и скажи, да смотри не забудь слов-то: — Хозяйка, мол, медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак ее не добыть.

Сказала это и прищурилась: — Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, работаешь, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтобы она ему маленько по-собила. И олять похлопала в ладошки, и все ящерики разбежались. Сама тоже на ноги вскочила, прихватила руку за камень, подскочила и тоже, как ящерица, побежала по камню-то. Вместо рук-ног — лапы у нее зеленые стали, хвост высунулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человечья.

Забегала на вершину, оглянулась и говорит: — Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, — душному козлу, — с Красногорки убираться. Сделаешь по моему, замуж за тебя выйду.

Парень даже сплюнул в горячах. — Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерице женился. — А она видит, как он плюется, и хохочет. — Ладно, — кричит, — потом поговорим. Может, и надумаешь? — И сейчас же за горку, — только хвост зеленый мелькнул.

Парень остался один. На руднике тихо, слышно только, как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана одно на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова — дело не малое, а он еще — и верно — душной был — гниль какая-то в нутре у него, сказывают, была. Не сказать — тоже боязно. Она ведь хозяйка. Какую хошь руду может в об-

манку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать. Думал-думал, насмелился. — Была небыла, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался, приказчик заводской подошел. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

— Видел я вечер хозяйку медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку испортишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись. — Ты что это? Пьяный али ума лишился? Какая хозяйка? Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною.

— Воля твоя, — говорит Степан, — а только так мне велено.

— Выпороть его, — кричит приказчик, — да спустить в гору и в забое приковать. А чтобы не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что — драть нещадно.

Ну, конечно, выпороли парня — и в гору. Надзиратель рудничный, — тоже собака не последняя, — отвел ему забой — хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную цепь, чтобы, значит, работать можно было. Известно, какое время было, — крепость. Всяко измывались над человеком. Надзиратель еще и говорит: — Прохладись вот тут маленько. А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то, — и назначил вовсе несообразно.

Делать нечего. Как отошел надзиратель, стал Степан каелкой помахивать, а парень всеж-таки проворный был. Глядит, — ладно ведь. Так малахит и сыплется, ровно кто его руками подбрасывает. И вода куда-то ушла из забоя. Сухо стало.

«Вот, — думает, — хорошо-то. Вспомнила, видно, обо мне хозяйка».

Только подумал, вдруг засияло. Глядит, а хозяйка тут перед ним.

— Молодец, — говорит, — Степан Петрович. Можно чести приписать. Не испугался душного козла. Хорошо ему сказал. Пойдем, видно, мое приданое смотреть. Я тоже от своего слова не откажусь.

А сама принахмурилась, ровно ей это нехорошо. Схлопала в ладошки, — ящерики набежали, со Степана цепь сняли, а хозяйка им распорядок дала: — Урок тут наломайте вдвое. И чтобы наотбор малахит был, шелкового сорту. — Потом Степану говорит:

— Ну, женишок, пойдем смотреть мое приданое.

И вот пошли. Она впереди, Степан за ней. Куда она идет, — все ей открыто. Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медны. Синие тоже есть, лазоревы. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя. И платье на ней — на хозяйке-то — все время меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью заблестит, либо скрасна-медным станет, потом опять шелком зеленым отливает. Идут-идут, остановилась она.

— Дальше, — говорит, — на многие версты желтяки да серяки с крапинкой пойдут. Что их смотреть? А это вот под самой Красногоркой мы. Тут у меня после Гумешек самое дорогое место. И видит Степан громадную комнату, а в ней постель, столы, табуреточки — все из корольковой меди. Стены малахитовы с алмазом, а потолок темнокрасный под чернетью, а на нем цветки медны.

— Посидим, — говорит, — тут, поговорим.

Сели это они на табуреточки, малахитница и спрашивает:

— Видал мое приданое? — Видал, — говорит Степан. — Ну, как теперь насчет женитьбы? — А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ка, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна. Ну, конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться. Простой человек, обыкновенный. Помялся, помялся Степан да и говорит:

— Приданое у тебя царям впору, я человек рабочий, простой.

— Ты, — говорит, — друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берешь меня замуж или нет? — И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки: — Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась даже и веселая стала.

— Молодец, — говорит, — Степанушко. За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку. — А у парня, верно, невесту-то Настей звали.

— Вот, — говорит, — тебе подарочек для твоей невесты, — и подает большую малахитовую шкатулку. А там, слышь-ка, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что даже не у всякой богатой невесты бывает.

— Как же, — спрашивает парень, — я наверх поднимусь?

— Об этом не печалься. Все тебе будет устроено, и от приказчика тебя вызволю и жить безбедно будешь со своей молодой женой, только вот тебе мой сказ — обо мне, чур, потом не вспоминай. Это третье тебе мое испытание будет. А теперь давай поешь маленько. — Схлопала опять в ладошки, набежали ящерики — полон стол установили. Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается. Потом и говорит: — Ну, прощай, Степан

Петрович, смотри, не вспоминай обо мне. — А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы кап-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть.

— На-ка вот, возьми на разживу. Люди большие деньги за эти камешки дают. Богатый будешь, — и подаст ему. Камешки холодные, а рука, слышь-ка, горячая, как есть живая и трясется маленько.

Степан принял камешки, поблагодарил за все, поклонился низко и спрашивает: — Куда мне идти? — А сам тоже невеселый стал. Она указала перстом, перед ним и открылся ход, как штольня, и светло в ней, как днем. Пошел Степан по этой штольне, — опять всяких земельных богатств нагляделся и пришел как раз к своему забою. Пришел, штольня и закрылась, и все стало по-старому. Ящерка прибежала, цепь ему на ногу приладила, а шкатулка с подарками вдруг маленькая стала, Степан и спрятал ее за пазуху. Вскоре надзиратель рудничный подошел. Посмеяться ладил, а видит — у Степана поверх урока наворочено, и малахит, слышь-ка, отбор, сорт-сорт-том. — Что, — думает, — за штука? Откуда это он наломал? — Полез в забой, осмотрел все да и говорит: — В эком-то забое всякий дурак сколь хошь наломает. — И распорядился перевести Степана в другой забой, а в этот своего племянника поставил.

На другой день стал Степан работать, а малахит сэм так и отлетает, да еще королек с витком попадать стали, а у того — у племянника-то, — скажи на милость, ничего доброго нет, все обальчик¹ да обманка идет. Тут надзиратель и сметил дело. Побежал к приказчику. Так и так, обсказал все. — Не иначе, — говорит, — что Степан душу нечистой силе продал. — Приказчик на это и говорит: — Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. Пообещай ему, что на волю вы-

¹ Обальчик — пустая перода.

пустим, пушай только малахитную глыбу во сто пуд найдет. — Велел всеж-таки приказчик-от расковать Степана и приказ такой дал — на Красногорке работы прекратить. — Кто, — говорит, — его знает? Может, этот дурак от ума тогда говорил. Да и руда там с медью пошла, только чугуны порча. — Надзиратель объявил Степану, что от него требуется, а тот ответил: — Кто от воли откажется? Буду стараться, а найду ли — это уж как счастье мое подойдет.

Вскороности нашел им Степан глыбу такую. Выволокли ее наверх. Гордятся, — вот де мы какие, а Степану воли не дали. О глыбе написали барину, тот и приехал из самого, слышь-ка, Сам-Петербурху. Узнал, как дело было, и зовет к себе Степана.

— Вот что, — говорит, даю тебе свое дворянское слово отпустить тебя на волю, ежели ты мне найдешь такие малахитовы камни, чтобы, значит, из них вырубить столбы не менее пяти сажен в длину.

Степан отвечает:

— Меня уж раз так-то оплели. Ученый я ноне. Сперва вольную пиши, потом стараться буду, а что выйдет — увидим.

Барин, конечно, закричал, ногами затопал, угрожать стал, а Степан одно свое:

— Чуть было не забыл: невесте моей тоже вольную пропиши, а то что это за порядок — сам буду вольный, а жена в крепости.

Барин видит — парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу, печать приложил. — На, — говорит, — только старайся, смотри. — А Степан все свое: — Это уж как счастье поищет.

Нашел, конечно, Степан-от. Что ему, коли он все нутро горы вызнал и сама хозяйка ему пособляла. Вырубили из этой малахитины столбы, какие им надо, выволокли наверх, и барин их на приклад в самую главную

церкву в Сам-Петербурхе отправил. А глыба та, которую Степан сперва нашел, и посейчас в нашем городе, говорят, находится. Как редкость ее берегут.

С той поры Степан на волю вышел, а в Гумешках после того все богатство ровно пропало. Много-много лазоревка идет, а больше обманка, о корољке с витком и слыхом не слыхать стало, и малахит ушел, вода одолевать стала. Так с той поры Гумешки на убыль и пошли, а потом их и вовсе затопило. Говорили, что это хозяйка огневалась. За столбы-то, слышь-ка, что их в церкву поставили. А ей это вовсе ни к чему.

Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом обстроил, все как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал и здоровьем плох. Так на глазах и таял.

Хворый-то придумал дробовичок завести и на охоту повадился. И все, слышь-ка, к Красногорскому руднику ходит, а добычи домой не носит. В осенях ушел так-то да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался? Сбили, конечно, народ, давай искать. А он, слышь-ка, на руднике, у высокого камня мертвый лежит, ровно улыбается, и ружьишечко у него тут же в сторонке валяется, не стреляно из него. Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зеленую видели, — да такую, слышь-ка, большую, каких и вовсе в наших местах не бывает. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слезы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали, а она — на камень, только ее и видели. А как покойника домой привезли да обмывать стали, — глядят — у него одна рука накрепко зажата и чуть видны из нее зернышки зелененькие. Полнехонька горсть. Тут один знающий случился, поглядел сбоку на зернышки и говорит:

— Да ведь это медный изумруд. Редкостный камень, дорогой. Целое богатство тебе, Настасья, осталось, на

весь век хватит. Откуда только у него эти камешки? Настасья — жена-то его, объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда еще женихом был. Большую шкатулку малахитову. Много в ней всякого добренького, а таких камешков нету. Не видывала.

Стали те камешки из мертвой степановой руки достать, а они и рассыпались в пыль. Так и не дознались в ту пору, откуда они у Степана были. Копались потом на Красногорке. Ну, руда и руда, бурая с медным блеском. Потом уж кто-то вызнал, что это у Степана слезы хозяйки медной горы были. Не продал их, слышь-ка, никому, тайно от своих сохранял, с ними и смерть принял.

Вот она, значит, какая медной горы хозяйка.

Худому с ней встретиться — горе, и доброму — не радость.

Сказка о купце Семигоре, дочке его Настеньке и Иване Беглом

ЖИЛ купец Семигор. Семь гор было у Семигора. Одна гора—золотая, другая гора—платиновая гора. Одна гора — руда медная, другая гора — руда железная. Одна гора — хрустальная, другая гора — гора мраморная, а седьмая гора — Ильмен-гора — самоцветная.

Семь дочек было у Семигора. Шесть как одна: станом высокие, лицом румяные, глаз с поволокой, волосом черные. А седьмая — Настенька — дочка любимая, тоненькая, как тростиночка, личико беленькое, волосики будто паутиночки осенние на солнышке светятся, а глаза, как вода Ильмен-озера, тихие да светлые.

Семигор дочкой не налюбуется, не нахвалится, никуда от себя Настеньку не отпускает. Для дочек старшеньких выбрал в зятя себе шесть молодцев здоровых, сильных да ему, Семигору, послушных. Послал Семигор зятьев своих с дочками на шесть гор своих за работами присматривать: одного зятя послал на золотую гору, другого на платиновую; одного на гору руды медной, другого на гору руды железной; одного на гору хрустальную, другого на гору мраморную. Сам Семигор с дочкой любимой Настенькой на Ильмен-горе остался.

Всякие камни-самоцветы были у Семигора: перлы черные, бериллы и хризолиты зеленые, желтяки и тяжелесы разные. Всякие камни ему горщики носили, а для дочки Настеньки в шкатулочке из орлеца розового на счастье александрит, камень красоты неописанной, лежал. Не было только у Семигора камня, как вода озерная, тихая, как глаза Настеньки, дочки любимой, синие.

Дошел до Семигора слухок, что участливилось горщику одному у Аргаяш-озера в шахте изробленной кристаллы синие найти. Сейчас Семигор рабочих в шахты посылает кристаллы искать. Много он людей загубил— не один под землею смерть свою нашел. Люди от Семигора прячутся, с Ильмен-горы бегут. Свои бегут, а Семигор чужих перенимает.

Стоит раз Семигор с дочкою Настенькою на полянке, где дороги крестом сходятся, беглых работничков поджидает. Видит, Иван Беглый идет. Лопотина на нем никудышная, а собою молодец, и лицом и станом: идет, по сторонам не глядит. Остановил его Семигор, стал на работу нанимать. Настенька взглянула на парня и глаз от него не отводит. То ли сила чудесная в Иване Беглом была, то ли Иван ни на кого не похожий был, только привязал он сердце Настеньки к своему сердцу крепко-накрепко. Стала Настенька Семигора просить Ивана Беглого за камнем не посылать, на Ильмен-горе оставить. Но сколь она ни плакала, сколь ни просила, а Семигор Ивана Беглого на Ильмен-горе не оставил, подальше от дочки любимой отправил самоцвет синий искать. И приказчику своему верному наказал: Ивана Беглого в горе навечно держать.

Спустили Ивана Беглого в шахту, забой ему отвели— хуже некуда. Думал Иван Беглый, что не видать ему больше света божьего и Настеньки, семигоровой дочки. Только, видно, другое, на роду ему было написано. Ука-

раулил Иван Беглый времечко, выбрался крадучись из шахты и в лес подался.

Перебрался через гору. Вечер подошел, ночь настала. Выбрал Иван Беглый местечко по другую сторону горы— лег на травку. В лесу тихо. Стал он спать собираться, только слышит — треск в горе. Грозы нет, а гора трещит. Вдруг из горы звездочка засветилась, полосой пронеслась, в кустах спряталась и опять на травке зажглась. Потом другая, третья в горе засветится. Засверкает полосой, к кустам побежит, скроется и в траве огнем горит, переливается. Тут луна взошла. Видит Иван Беглый, бурундучок бежит, и в зубах у него камушек самоцветный сверкает. Выбегаёт бурундучок из трещины в горе, камушек за камушком выносит самоцветы и кладет их в лесу на полянке. Большую гору наносил. Под утречко свистнул бурундучок, сбежались бурундучки со всех концов, каждый самоцвет в зубы взял, и в разные стороны побежали огоньки ясные — горку самоцветную всю разнесли.

Иван Беглый дальше не идет, хочет ночи дожждаться— может, опять бурундучок самоцветы из горы носить будет. Днем Иван Беглый в лесу скрывался, а ночью опять в то самое место к горе пришел. Опять, как и в первую ночь, в горе затрещало, и бурундучок стал самоцветы из горы таскать, в кучу на поляне складывать. Иван Беглый днем лук согнул и стрелы острые выстругал. Дождь, когда луна вышла, натянул лук и спустил стрелу. Упала стрела около бурундучка. Опять натянул Иван Беглый лук, а бурундучок человеческим голосом говорит Ивану Беглому:

— Не зарься, Иванушка, на камни самоцветные. Заклятье на них положено, тебе от них счастья не прибавится, а послушай, что я тебе присоветую. Пойди ты к купцу Семигору, расскажи ему про камни самоцветные и проси у него в награду тебе вольную выдать и коня доброго дать. Только не забудь: как покажешь Семигору

камни, что в куче на полянке лежат, больше ни о чем не заботься, скорей на коня садись, не задерживайся, на Семигора не оглядывайся.

Сделал Иван Беглый все, как бурундучок приказал. Как услышал Семигор про камни самоцветные, сейчас велел вести себя к горе. Обещал Ивану Беглому вольную дать, когда своими глазами самоцветы увидит. Только хитрющий Семигор Ивану Беглому ничего не сказал, а приказчикам своим наказал: «Если в полночь назад не вернусь, значит беда со мной приключилась, идите выручать».

Взял с собой управителя верного и коня для Ивана Беглого. Пришли они ночью к горе. Семигор коня в кустах привязал, сам вольную в руках держит. Стоят они трое у горы. Иван Беглый и говорит:

— Ну, теперь, Семигор, давай вольную, сейчас самоцветы увидишь, — и повернул его лицом к полянке.

А полянка от самоцветов так и светится, огнем переливается. Семигор с управителем совсем ума решились.

Сунули Ивану Беглому вольную и к куче бросились.

Тут бурундучок свистнул. Ивану бы на коня да из лесу вон, а он забыл, что бурундучок ему наказывал, охота было узнать, что дальше будет. Видит: Семигор с управителем над кучей самоцветов согнулись, руки в камни по локоть засунули, да так камнями и стоять остались. У Ивана Беглого от страха и ноги отнялись — глазам своим не верит, а когда в себя пришел, тут видит — люди кругом. К Семигору на выручку идут. Не послушался Иван Беглый бурундучка, а бежать поздно. Окружили его, стали спрашивать, где Семигор. Иван Беглый на три каменные горки показывает:

— Вот, — говорит, — Семигор.

Люди смотрят, три камня — два над третьим склонились. Не поверили Ивану Беглому, связали его, стали

пытать да мучить, а он свое показывает. Так и замучили Ивана Беглого.

А Настенька дочка Семигора любимая, ждет не дождется Ивана Беглого. Ходит она по Ильмен-горе, подойдет к шахте заброшенной и плачет. И первые слезы ее были прозрачные, будто вода озерная тихая, а потом со слезами стала выплакивать глаза свои синие. Так и изошла слезами. Позже люди нашли эти слезы и первые слезы прозвали аквамаринами, а вторые сапфирами.

Чайка

ТО было недалеко от моря. Жило там всего семей пять рыбаков. У одного старика была дочка-беляночка. Красивая она была и ловкая на всякую работу. Отец часто уезжал в море, а подручным у него был сын соседа, сильный и красивый молодец. Его и полюбила беляночка.

Раз во время бури молодого рыбака занесло далеко в море, и волны выбросили его на чужой берег. Он уже и не думал о спасении, и не было о нем ни слуху ни духу.

Затосковала девушка и решила: пойду к ведьме и узнаю, как спасти друга.

Посмотрела на нее ведьма и говорит:

— Он далеко, на чужой земле. Приплывешь туда — спасешь его. Только если на тот чужой берег выйдешь, назад не воротись.

Поблагодарила девушка ведьму и скорее побежала к морю, взяла отцовскую лодку и, не сказав никому ни слова, уехала в открытое море.

Долго она плавала, наконец, добралась до той чужой земли и видит: спит ее милый непробудным сном. А проснуться он мог только тогда, когда девушка сойдет на берег.

Испугалась девушка и обрадовалась и забыла, что ведьма не велела ей выходить из лодки. Прыгнула она на берег и... повисла в воздухе с криком птицы: превратилась в чайку. А ее любезный сел в лодку и поплыл домой.

Долго летала и жалобно кричала над ним чайка, он плыл все дальше и дальше.

А чайка жалобно кричит и до сих пор.

Клад

Ж

ИЛ у нас на селе сердяга — многосемейный рыбак. Золотые руки! А из нужды не вылезил. Круглый год работал у хозяев по найму и круглый год бедствовал. Однажды весной случилось ему рыбачить в протоках близ родного села. Излазил он все ерики вдоль и поперек. Намучился, а рыбы и на котел не наловил. А был канун пасхи. Погоревал он, погоревал, но делать нечего — в ночь двинулся домой. Скрипели уключины, покачивалась низко опущенная голова рыбака. Сколько он проехал? — может быть, час, может, — два, а может, и все три. Но притомился он порядком.

Вскинул он голову, огляделся по сторонам, а вокруг — ни зги, хоть глаз выколи! Лишь справа темнел бугор, на вершине его алой звездочкой огонек горел. «Кажется, Черный бугор, — подумал он. — Только откуда здесь огонь взялся?.. Жить здесь никто не живет, рыбакам тут делать нечего, да притом же канун праздника, все уже дома... Дай-ка я взгляну, — наконец, решил он, — до дому — рукой подать, часа два езды, к заутрене успею...»

Пристал к берегу, вытянул бударку на песок и двинулся на огонек. Прошел немного — что за наважденье! — Перед ним пещера. Тяжелая дубовая дверь широко распахнута, изнутри вырывается яркий свет.

— Эй, хозяйева, разрешите войти?! — переступая порог, спросил он.

Никто ему не ответил. А вокруг-то все блестит и сверкает всеми цветами радуги. И не похоже на пещеру — будто комната. И завалена она медной чеканной посудой, чашами, подносами, одеждой да оружием. У двери во вторую комнату сидит старый-престарый старик: борода по пояс, густые седые волосы... Рыбак робко поздоровался с ним. Старик молча кивнул головой и знаком пригласил во вторую комнату. Вошел рыбак и замер от удивления. Комната эта напоминала первую, но только вокруг грудями лежали серебро и дорогие меха.

— Нет ли у вас чего попить? — попросил рыбак. Старик указал на сорокаведерную бочку. Тут же под рукой оказался и ковш. Зачерпнул рыбак из бочки ковшом, пригубил, — будто бы вода. А выпил — хмелем в голову ударило.

— Кому все это добро принадлежит? — спросил рыбак, осмелев.

И снова, не проронив ни слова, жестами объяснил старик, что богатство это никому не принадлежит, и все то, что придется рыбаку по душе, он может взять себе. Старик пригласил рыбака в третью комнату. В этой комнате было золото и драгоценные камни. Рыбак не поверил неожиданному счастью и еще раз переспросил старика, может ли он взять здесь что-либо. И снова старик красноречивыми жестами подтвердил это. Тогда насыпал рыбак в полу зипуна золотых монет и — в лодку! Высыпал монеты прямо на слань и снова в пещеру. А хмель по всему телу огнем бродит. Насыпал опять полную полу монет, посмотрел на старика, а тот на него и внимания больше не обращает. Отнес рыбак золото в лодку и в третий раз вернулся в пещеру уже с мешком. Хватил для храбрости еще ковш из знакомой бочки, наполнил мешок золотом, так что чуть поднять смог, и во-свосяси.

Вывалил и это золото в лодку,— целая гора уже там возвышалась. Жадность обуяла тут рыбака. «Дай-ка,— думает,— еще раз схожу». Идет к пещере, а на сердце что-то беспокойно. Будто чей-то голос шепчет: «Не ходи!». Остановился рыбак возле входа в раздумье, подтянул кушак. Вспомнил, что не успел он захватить драгоценных камней, и сделал шаг к порогу, как вдруг в отдалении послышался удар колокола. Вздрыгнула земля под ногами рыбака, и пещера исчезла. Очутился рыбак в сплошной темноте. — Что за оказия?! — подивился он. Поискал, поискал вход в пещеру, но перед ним был бугор, заросший полынью. Покрутившись в поисках с час, возвратился рыбак в лодку, сел за весла и поехал домой.

Взошла луна, стало светло. Взглянул он на золото и обомлел: вместо золота — груда лошадиного навоза...

Возвратившись в село, приковал он лодку к пристани и тут же заснул мертвецким сном. Проснулся, когда ударили к обеду. Забыв о ночном происшествии, заспешил домой. Вот и его неказистая избенка в конце села. Вошел, поздоровался с женой. Стал раздеваться. И едва успел развязать кушак, как на пол упал серебряный ковш, который он по рассеянности сунул за пазуху, когда был в пещере. И тут он рассказал жене о ночном происшествии. Когда они пришли к лодке, то под сланью нашли золотые монеты старинной чеканки. Набрали несколько пригоршней. Но и этого ловцу с лихвой хватило на то, чтобы вылезти из вечной кабалы, приобрести собственные снасти и построить новый дом.

Старики, узнав о происшествии, припомнили, что когда-то в их краях Степан Разин положил несколько кладов.

Один из них и вышел нашему горемыке. И не пожадничай он — все бы золото досталось ему!..

Как водяной кулака разорил

Ж

ИЛ в одном приморском селе богатый пребогатый кулак. Имел он много морских судов и склады с разной ловецкой сбруей. А до чего жадный был — другого такого по всему свету не сыщешь.

Народ он всячески обижал. Тех, кто работал у него, обманывал, трудовую копейку зажиливал. Горько плакали люди, сетовали на нужду свою. И куда только ни обращались они, нигде не находили управы на кулака.

Перед разливом Волги-матушки много бедного люда шло наниматься к нему. Около его двора туча народу собиралась. Стояли на морозе без шапок, ждали, когда богатый на крыльцо выйдет. Отворится большая дубовая дверь, чуть пролезая в нее, выйдет он на крыльцо. Доски под ногами гнутся. Уставится на толпу зверем лютущим и прорычит:

— Взять на работу возьму, только цена ноне на красную рыбу за путину меньше будет...

В других местах за работу дороже платили. Да разве в одно место весь народ-то определится? Хоть и дешево платил, а чего же делать было, не с голода помирать. Знали, что горькая доля ждет впереди, а шли.

А еще горче приходилось каждому, когда путина кончалась. Придет бедняк за расчетом, кулак пощелкает круглыми косточками, нанизанными на проволоку, да его же своим должником и сделает. Плачет сердечный, убивается, просит по справедливости рассчитать. И про детей вспомнит, что голодают, кусок хлеба просят. Да разве кулака этим проймешь? Сердце-то у него шерстью обросло.

Долго плакались люди, жаловались один другому, а поделывать ничего не могли. И прослышал про горькую долю работников кулака морской водяной. Жаль ему стало народ честной да работающий. Такая у него на кулака злость поднялась, что, сказывают, сильно бушевало море в то время. Волны до облаков поднимались, брызги до далеких городов долетали.

Ночью поплыл водяной к селу, где кулак жил. Плывет — впереди вода пенится, сзади волны бушуют. За селом тогда народ сено косил, за ночь умаялись все. Раскинули здесь же люди полога и уснули, как мертвые. Косы и грабли поодаль сложили. Блестели косы, как драгоценные камни.

Подплыл водяной к берегу. Осмотрелся и вылез. С лица — как человек, только борода зеленая по земле стелется. В ней ракушки и мелкая рыбешка запутались. А вместо рук — поплавки рыбы. Ног нет. На их месте махалка севрюжья.

Встал водяной на махалку, как на ноги, да как затрясется-затрясется. Откуда руки и ноги появились. А борода осталась.

Выбрал он косу поострее, срезал бороду и спрятал в воду.

Утром пришел наниматься к кулаку. Предстал перед ним молодец-молодцом, высокий да плечистый, и с лица красивый такой. Назвался Александром.

Долго торговался он с кулаком о плате. Спорил, укорял, упрашивал — ничего не помогло. Кулак ему самую низкую плату назначил.

На другой день погрузили в посуду сбрую, харч разный и отвалили в море. Дошли до места — с посуд якори сбросили, чай заварили и поехали сетные порядки выбивать. Водяной работал споро. За ним и четверым не угнаться.

Еще солнце за морем не скрылось, розовые облака в синем море нежились, а люди с порядков вернулись. Сели за чай. Водяной и говорит кулаку:

— Много ты горя народу причинил. За это не будет тебе удачи.

Кулак взглянул на него сбоку и ответил:

— Пустое говоришь. Супротив меня ни один моряк не выловит.

Водяной засмеялся. Тем разговор и кончился.

Спускалась ночь, криворогий месяц над мачтой повис. На посудах спать легли. Один водяной не спит. Сидит на руле да думу думает: как бы кулаку за народ отомстить. Долго сидел, потом встал, шагнул за борт и пошел по морю, как по земле. Путь держал к сетям кулака. Поровнялся он с первым маяком и стал в глубь моря, как по лестнице, спускаться.

Близился рассвет. На востоке утренняя зарница заблестела. Первым проснулся хозяин. Водяной на люке лежал. Разбудил кулак работников. Собрались скоро. Сели в болдыри и поехали к сетям. Хозяин первым перебираться захотел. Поддел якорьком подбору у одного порядка — грузные сети, неподъемные. Позвал работника в помощь себе. А сам радуется, шутит.

— Ну, вот и понавалило рыбы, а ты пророчил — удачи не будет.

Это он водяному сказал. А тот сидит себе на веслах и

чему-то улыбается. Подняли сети, и, глядь, все-то они забиты травой морскою.

Кулак в ярость пришел. Другие моряки, что неподалеку стояли, в этот день хорошо рыбу ловили. А он к какому порядку ни подъедет — одна трава. Водяной сидит себе и улыбку не кажет, только по голубым глазам и можно заметить ее. Блестят они, как лазоревая вода на солнце.

Целый день очищали от травы сети. На другое утро опять беда приключилась. В сети откуда-то мусора разного, камыша, щепы, прута навалило. Кулак за голову ухватился, волосы рвет. Ловцы кругом ловят, деньги большие зарабатывают, а у него и одной рыбешки в сети не запуталось.

— Что за напасть такая? — рассуждает кулак. — Место чистое, погода тихая, и откуда бы этой дряни взяться!

Водяной выпутывает мусор из сетей да приговаривает:

— За несправедливую жизнь тебе наказание.

В третье утро опять на порядки поехали. И опять кулака неудача постигла. Оказалось, сети все в жгут скручены.

Обуяла кулака страшная злоба. Встал он в лодке, вскинул руки кверху и погрозил:

— Ночами спать не буду, а увижу, кто на порядках балует.

С этой ночи сел на каюту, сидит. С того места, где сети раскинуты, глаз не сводит. Водяной у коренной мачты на люке спит себе и ни о чем не думает. Заря заниматься стала. Хозяин глаз не смыкает, все за порядками следит. Вот проснулся водяной и зачерпнул воды ведром. Умываться не стал, а плеснул три пригоршни за борт — и подплыла к нему царь-вобла. Золотая чешуя, ровно солнце, блестит. Глаза алым цветом горят. И говорит царь-вобла:

— По твоему, батюшка, приказу явилась.

Вынул водяной из кармана камень-алмаз и бросил ей. Она ртом поймала, вильнула махалкой, только золотой след мелькнул, и уплыла вглубь моря. Вскоре на том месте, где они стояли, разыгрался шторм. Волны выше мачт поднимаются. Ветер соловьем-разбойником свистит. Сетям гибель угрожает.

— А вокруг — тишина. Манилки свисли вдоль мачт, не шелохнутся.

— Что за оказия? — думает кулак. — Кругом тишина, а на моих порядках шторм.

Велел он людям в лодки садиться. К сетям поехали. Не отплыли лодки и пяти сажений, как остановились и — ни с места. Весельщики из сил выбиваются, на руках у них кровавые мозоли вздулись, а лодки на месте стоят. Ровно кто взял, да и пришил их ко дну морскому.

Напрасно стараешься, — говорит водяной кулаку. — Не осилишь. За обиженный народ тебе наказание такое.

И не успел договорить он — всплыли сети и погнало их в даль морскую. Плывут они, а вокруг них так и бушует море. Попытался кулак за сетями плыть, да не вышло. Лодки и с места не сдвинулись. Погибла, пропала вся сбруя.

Вернулся кулак на стойку чернее тучи черной. Долго лежал на палубе. Как в лихорадке бился. К вечеру встал и приказал домой собираться. Пошли поднимать якоря. Вставили аншпуги в брашпили, налегли на них, — не поддаются. Налегли дружнее — опять якоря ни с места. Кликнули всех. Взяли все разом, а цепь и на вершок не подалась.

Водяной якорь не поднимает. Стоит у коренной мачты и говорит:

— На лодки надо садиться да к берегу плыть. Добра не будет.

И налетел шторм. Стойки с боку на бок переваливаются. Люди на ногах не держатся. По палубам на четвереньках вроде ксят ползают. И что за диво? Везде море, как вода в блюде, спокойное, а около стоек кулака волны громадные — до манилок достают.

Сробел народ. На гибель себя обрек. А водяной стоит около мачты, как ни в чем не бывало, и твердит одно.

— Садитесь в лодки, пока не поздно, да к берегу плывите. В этом одно спасение.

— Как же можно?— отвечают ему работники.— Волны того и гляди стойки опрокинут, а ты нас на лодках посылаешь. Как скорлупу замудруют они, лодки-то.

Не стал он больше говорить. Пошел на корму и стал подводить лодку к борту. И вокруг лодки, как ей пройти, усмирилась вода. Так он и другую и третью лодку подвел.

А кулак не садится. Обнял мачту, гладит ее и плачет. Жалко ему со стойками расстаться.

— Садись скорее,— кричат ему из лодок.

— Уезжал бы, а то погибели не минуешь,— посоветовал водяной.

Послушался кулак, сел в лодку, и отплыли люди. Постоял водяной на стойке, поглядел вслед лодкам, а потом шагнул за борт и скрылся под водой.

И не успела в том месте вода сгладиться, как подкатила огромная волна, подняла все стойки кулака на своей горбине да как бросит их! Так и разбила в щепки.

И утихло море. Не шелохнутся щепки от разбитых посуд.

...Так разорил водяной кулака. Ничего у него не осталось: ни стоек, ни сбруи.

Местъ

КАК-ТО жил да был в хуторе богатый прасол Прошка. И такой был жадный, что так, бывало, в хуторе его только и слышишь,— ходит, голосит: то не во что ему одеться, то нет у него сегодня хлеба, и он вторые сутки, будто бы, ничего не ел, то стало плохое рыбальство, и рыбалки мало рыбу ловят, то часто он терпит, мол, убытки от купленной рыбы... А то слушаешь — опять голосит: нету соли, и рыба в бутах пропадает, пухнет; то рыбалки его как-то обсчитали, то он когда-то кому-то занял на хлеб денег и забыл по своей «простоте», кому дал, а рыбалки, недобрые люди, промолчали и не отдают долг: «Так и пропали мои денежки»,— голосит Прошка. И все так, бывало, плачет-причитает, а у самого, как говорится, денег и свињи не ели.

Семья-то у него, у Прошки, была небольшая: он да жинка. Да еще был у него несменный работник дед Губака смолоду рубака. Работал Губака у Прошки много и долго, а получал за это мало и редко.

Вот приходит «покров», Прошка и зовет Губаку в дом и ведет с ним расчеты за весь год. Кладет счета на стол, а Губаку ставит у порога и спрашивает:

— Ну, Губака, ты у меня живешь от «покрова» до «покрова», так?

— Так,— кивает головой Губака.

— Причитается тебе за год две с половиной красных, так?

— Так!

— Ты сносил две пары бродельных сапог, пару валенок и две пары выходных башмаков. Всего на 11 рублей 60 копеек, так?

Губака думает и не решается разинуть рот. Когда же это он носил выходные башмаки? Что-то не припомнит. Тогда Прошка отвечает сам за него: «Так».

— Всякой одежды, верхней и нижней, ты сносил на 7 рублей 50 копеек. Так?

Губака молчит и только лоб морщит, стараясь припомнить, сколько раз менял он рубаху за год. Прошка прибавляет:

— За старый мундир я с тебя ничего не беру, так?

Тогда Губака решается ни о чем больше не думать и подтверждает:

— Так.

— За шапку и казачий картуз, что куплены были на ярмарке, кладу 1 рубль, так?

— Так,— уже не задумываясь, отвечает Губака.

— За харчи, не считая того добра, что ты поедал наравне с нами, а иной раз и больше, на годовые праздники и престольные кладу 3 рубля, так?

Губака не решается подтвердить и спрашивает:

— А как же за годовые праздники и престольные дни, особо?

— Это прощаю!

Тогда Губака соглашается:

— Так.

— А теперь подсчитаем: всего 11 рублей 60 копеек, да

7 рублей 50 копеек, да 1 рубль, да 3 рубля, вот и получается 23 рубля 10 копеек. Так?

— Так!— кивает Губака.

— Ну, а остача — бабке на каймак. Иди себе из хаты на работу, Губака.

Губака поворачивается, чтобы уходить, но Прошка его останавливает:

— А ну, постой, Губака!

Губака останавливается и ждет.

— Ты же, парнище, как? Еще остаешься работать у меня или, может, куда уйдешь?— спрашивает Прошка, хотя отлично знает, что Губаке на зиму деваться некуда.

Губака пожимает плечами и нерешительно отвечает:

— Что же, придется остаться.

— Ну, вот и хорошо, парнище! — И тут начинает Прошка давать Губаке двадцать четвертое поручение:— Ты сколько уже у меня работаешь?

— Двадцать четвертый год, — не задумываясь, отвечает Губака.

— Ну, так вот, дурак ты был, дураком и останешься. Сколько раз я тебя уже учил и сейчас буду учить. К примеру, вот, принимаешь, ты, дурень, от рыбалок рыбу — всегда старайся для хозяина прикрасить. Много не надо брать: принимаешь десяток, возьми ты у них одну рыбку. Принимаешь сотню, возьми десяточек. Принимаешь тысячу — возьми сотню. Понимаешь? А когда покупаешь опилки или соль, или какую другую всячину, всегда старайся обмануть. Ну и там опять же много не бери. Возьми мешок-два за каждую поездку, ну и довольно. От этого продавец не обеднеет, а для нас в хозяйстве всегда пригодится. Ведь как учит нас старая поговорка? Запас, говорится, по затылку не бьет, вот как.

И так ежегодно на «покров» Прошка поучал Губаку, хотя тот давно знал все это, как азбуку. И Губака бес-

пощадно крал все для хозяина везде, где только приходилось ему выполнять поручения Прошки.

Но сколько ни крал Губака, сколько ни обманывал рыбалок и купцов, а все от хозяина милостей и добра не видел. И вот пришлось на старости лет заболеть деду Губаке — и в тот же день Прошка выгнал его на улицу. И стал старый Губака скитаться без крова, без пищи и без присмотра. Куда он ни ходил, кому только ни предлагал свой труд — никто из богачей не брал его. Кому нужен дряхлый старик? Все гнали Губаку, как собаку, которая одряхла и не может лаять.

Наступили заморозки. Стал Губака думать, как ему быть дальше. Долго думал, потом решил: «Пойду-ка я к рыбалкам».

Вечерело. По пути зашел Губака в один двор и украл там топор, пришел на тоню. Рыбаки узнали о краже, но у рыбака — душа добрая. Все обиды ему простили, накормили его, обогрели у костра и позвали в балаган спать. Не захотел Губака спать:

— Нет, братцы, — говорил он со слезами на глазах. — Спать я не буду. Столько лет я не спал, все копил Прошке богатство. Так ведь, братцы?

Все качали головами.

— А сегодня я вот не посплю для вас, — сказал Губака тихо и вдруг, повысив голос, закричал, что было силы: — Все верну, все, что мной было для Прошки награблено! Весь тот кованный сундук, что золотом наполнен, возьму! Возьму — и все пущу на ветер, на дно донское! Иль нет, лучше отдам тому, кто честно все это добро заработал!

Удивлялись рыбалки, глядя на Губаку, и думали, что дед сошел с ума. А он все продолжал кричать и колотить себя в грудь кулаком. Потом притих и настойчиво потребовал:

— Братцы, нынче рыбы будет полон Дон. Смотрите же, не зевайте. Да в долг не продавайте — боже вас упаси. Требуйте от Прошки наличными деньгами.

И вышел Губака из балагана — исчез куда-то. Рыбалки сперва не поверили, потом решили попробовать и высыпали невод.

Тянут — не подтянут, вытянуть не могут. И в самом деле, рыбы полон Дон. Засуетились рыбалки, приехал и Прошка, увидел, сколько рыбы, аж побледнел. Сейчас же послал работника верхом проехать по всем тоням и узнать, везде ли такой улов, чтобы в цене не промахнуться. А сам начал принимать улов и закупать все притонье «на темную», чтобы не досталось другим прасолам.

Скоро прискакал работник и сказал на ухо Прошке, что по всему Дону рыбы не видать.

И пошла тут работа жаркая и для Прошки, и для рыбалок — до упаду. Рыбалки считали на ходу и гамузом бросали рыбу в водаки, а Прошка тут же рассчитывался наличными деньгами. К утру у Прошки нехватило денег. Несколько раз он ездил домой и привозил денег из дому. Улов рыбы стал уменьшаться. Рыбалки загуляли и запели песни у балагана.

А как только солнце поднялось, Прошка стал осматривать водаки — и заорал, завыл по-страшному. Но никто не обращал на него внимания, все пили, гуляли, пели песни. Спустя несколько минут закричал работник прошкин:

— Спаси-ите-е-е!.. Хозяин утопает!

Все всполошились, но было уже поздно. Стали доискиваться, отчего же утопился Прошка? Оказалось: всю ночь рыбалки ловили его же собственную рыбу из водаков, у которых были прорублены днища, и ему же ее продавали. Получилось это так: дед Губака, уйдя из балагана, всю ночь плавал возле прошкиных водаков, рубил им

днища и бока топором и выпускал рыбу на волю. А рыбалки ее ловили и по нескольку раз продавали Прошке.

Утром же, когда Прошка досмотрелся, что у него в водаках пусто, а денег в сундуке уже не осталось, — не выдержал жадный прасол удара и утопился.

С того дня не стало и деда Губаки. Его уже потом нашли на большой грядине оцепеневшим. Так бедняга и лежал с топором в руках, покрытый толстым слоем песка и ила.

Голь и Нищета

ЖИЛ-БЫЛ в старые времена бедный кузнец по имени Голь. У него была собака, такая худая — одни кожа да кости. Прозвали ее Нищета. Каждое утро вставал Голь, звал Нищету и отправлялся с ней в кузницу. Садился он на порог, а сбоку него — Нищета, и ждали они, когда кто-нибудь пройдет мимо них и даст им работу.

Но все шли мимо и никто работы не давал. Так изо дня в день сидели они без дела и голодали.

Однажды сидит Голь, смотрит на дорогу и видит — идет старик и ведет осла, а на осле сидит красивый юноша. Подошел старик к кузнице и говорит:

— Кузнец, а кузнец, можешь ты моему господину осла подковать?

Голь отвечает:

— Могу. Пожалуйста в кузницу, а я горно тотчас разведу.

Старик привязал осла и вместе с юношей вошел в кузницу. Сели они на скамейку и стали ждать. Голь постарался, быстро сделал подкову и подковал осла. Юноша говорит:

— Ну, что тебе дать за работу? Проси, что хочешь, я все исполню.

А старик толкает кузнеца под бок:

— Проси у него полцарства, он тебе все даст.

А Голь совсем другое решил попросить:

— Сделай мне, добрый человек, так, чтобы, кто сядет на эту скамейку, не встал бы с нее без моего разрешения.

— Хорошо, — сказал юноша. — Это — легкая просьба. Проси еще что-нибудь.

— А еще сделай так, чтобы, кто влезет на мою сливу, что растет возле кузницы, не мог бы слезть без моего позволения.

Старик опять толкает кузнеца:

— Что ты чепуху просишь, проси полцарства.

Юноша опять говорит:

— Может, еще что-нибудь тебе нужно?

— А еще сделай, чтобы, кто полезет в мой кошелек, без моего разрешения руку не мог вытащить.

— Хорошо, — сказал юноша. — Все твои три желания будут исполнены. — Дал он кузнецу несколько монет и ушел. А старик, уходя, шепнул Голю:

— Эх ты, глупец, не попросил полцарства, теперь на себя пеняй!

После того Голь несколько дней жил припеваючи, а как кончились деньги, так опять стал он с Нищетой голодовать. Пришел как-то Голь в кузницу, посмотрел на холодный горн и сказал всердцах:

— Эх, чорт меня подери, почему я не попросил у него денег гору!

Только он это сказал, глядь, а чорт уже сидит на наковальне, глаза зеленые, на лбу рога, сидит и говорит:

— Тебе деньги нужны? Ну что ж, отдай мне свою душу, а я тебе дам столько денег, что ты три года проживешь богачом.

Голь обрадовался и подписал договор, что через три года чорт может прийти за его душой...

Быстро пролетели веселые годы. Но вот настал страшный день. Пришел Голь в кузницу, а там уже чорт сидит. Говорит ему Голь:

— Сядь-ка ты на эту скамейку, а я хоть кузницу перед смертью приберу.

Сел чорт на скамейку, а встать не может. Раздул Голь горно, раскалил железо и давай припекать чорта. Загорелась шерсть на нечистом, плачет он, воет, просит отпустить его, обещает еще три года отсрочки. Согласился Голь и отпустил чорта. Прошли и эти три года. Снова чорт пришел да еще двух чертенят с собою привел. Как раз в это время сливы поспели. Голь и говорит:

— Полезьте-ка пока на мое дерево, поешьте моих слив, а я тем временем хату приберу.

Чертенята увидели сливы и полезли на дерево, а чорт вместе с ними. Стал он сливы рвать, есть и приговаривать:

— Хорошие плоды!

Развел Голь горно, разжег железо и давай смолить чертей на дереве. Чертенята от боли визжат, а чорт плачет и просит:

— Пусти меня, Голь, я тебе еще три года отсрочки дам.

Голь отпустил. Через три года снова приходит чорт в кузницу. Голь ему и говорит:

— Ну, ладно, бери мою душу, она у меня вот здесь в кошельке. Засунь руку — и бери.

Чорт засунул лапу в кошелек, а назад вытащить не может. Положил тогда Голь кошелек с чортовой лапой на наковальню и давай бить молотком по кошельку.

Чорт просится:

— Пусти!

А Голь одно знай — бьет да бьет. Наконец, чорт завопил:

— Не нужна мне твоя душа! Будь она проклята! Только пусти меня!

Пустил Голь чорта, и бежал тот до самого ада без оглядки. И остались Голь с Ницетою опять без денег и опять голодные. Решил Голь: «Пойду-ка я к царю, — может, при дворе какая работенка найдется». Запер он кузницу и пошел с Ницетою к царю. Увидел царь в окно, что к нему Голь с Ницетою идут, и приказал ворота запереть, чтобы от них избавиться.

Тогда решил Голь с Ницетою пойти в рай. Пришли туда, а у ворот тот самый старик стоит. Увидел их и говорит:

— Иди, иди отсюда! Я тебе говорил — проси полцарства, ты меня не послушался. А я непослушным в раю места не даю. Иди, куда хочешь.

Задумался Голь: «Ну, что теперь делать?». И решил идти в ад. Подходит к дверям ада, а черти увидели его, да как закричат:

«Закрывайте скорей ворота!.. Голь с Ницетою идут, опять будут нас каленым железом жечь».

Некуда Голю идти, никуда его не пускают. И пошел он по миру побираться, без приюта, без крыши, без куска хлеба.

Но вот пришел тысяча девятьсот семнадцатый год, а с тем годом — и советская власть. Свергли царя, свергли и капитал. И рая не стало, и ад провалился. Стали по городам и по селам большевики ходить, новую жизнь строить.

Раз идут Голь с Ницетою по улице, а навстречу им колхозник на тракторе. Увидел тракторист нищего с собакой и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я — Голь, а это — моя Ницета. Идем мы куда глаза глядят, никто нас к себе не пускает.

— А что ты умеешь делать? — спрашивает тракторист.

— Да все, что хочешь. Кузнец я.

— Ну, кузнецы нам как раз и нужны. Садись на трактор, я тебя в колхоз отвезу. А ты, Ницета, будешь колхозные стада стеречь, разом повеселеешь. Только вот имена ваши вам придется переменить.

Ледяной холм

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве; а именно в том, в котором мы живем, в старые времена в столичном городе проходила по берегу реки бедная вдова с маленьким сыном Колей.

Коля уронил нечаянно кусочек хлеба в воду. Этот кусочек заметила красноглазая рыбка и хотела его проглотить. Увидел это ерш и бросился к ней, чтоб отнять нежданную добычу. А рыбка закричала. На крик подплыл окунь, и они втроем пуще зашумели. Сбежались тут стаи разных рыбок, и поднялась драка. А мальчик стоит и любуется рыбьей войной. Вдруг, откуда ни возьмись, подплывает золотая рыбка. Она тоже заметила лакомство и хотела схватить его, но получила такой удар в бок, что замерла близ бережка, будто мертвая. А мальчик радостно закричал:

— Мама! Возьми мне эту золотую рыбку!

Мать подошла и опустила руку в воду. Только она хотела вытащить рыбку из воды, как из-под колодины стрелой подлетела щука, схватила рыбку и сорвала с безымянного пальца вдовы перстень.

Вместе с рыбкой жадная щука проглотила и перстень.

Увидя, что нет уже перстня на пальце, вдова горько заплакала и сказала сыну:

— Я потеряла перстень. Перстень этот мне подарила бабушка, когда умирала. «Носи, не теряй его,—сказала она. — Он теперь тусклый: не блестит и не сияет, а придет время, бедный народ выберет себе вождя, и ты должна этот перстень вручить тому вождю, — на его руке перстень заблестит и засияет. И тогда откроются богатства холодных земель, и все люди будут счастливы, и ты тоже будешь счастлива».

С тех пор часто вдова приходила на берег реки и ждала: не вернет ли щука ее перстень?

Раз приходит она и видит: тростник качается. Подошла поближе, глядит, в тростнике сети стоят, а в этих сетях щука запуталась. Освободила вдова щуку, пустила ее в воду. И заговорила вдруг щука человеческим голосом:

— О чем ты так кручинишься и горько плачешь?

Рассказала ей вдова обо всем, что случилось. Выслушала рыба и говорит:

— Твой перстень лежит далеко отсюда, во владении морского царя, на холодном холме, под самой яркой звездой. Там никогда еще не ступала нога человеческая.

Ничего больше щука не сказала, вильнула хвостом и уплыла.

Много годов после этого прошло, и крепко изменилась жизнь. Народ выбрал себе вождя, и бедные стали богатыми, а богатые лишились своего блаженства. Сын вдовы стал большим уже и кончил ученье и мог летать на стальной птице. А мать Коли постарела, волосы ее белеть уже начали.

Вот пришла она однажды на берег реки, села на скамейку и думает: «Дожила я до счастливого времени. Есть у нас мудрый вождь, есть у нас счастье. Пришла пора отдать перстень мудрому вождю, чтоб открылись богатства

холодных земель. Да нет у меня перстня». И горько, горько она заплакала.

Подходит к ней человек с большой черной бородой и спрашивает:

— О чем ты так горько плачешь?

— Как же мне не плакать?

И рассказала она ему про перстень.

— Хорошо, что ты встретила со мной, а я есть Искатель. Я для блага народа всюду езжу и летаю, на небе звезды считаю, и богатства на земле, и под землею, и под водами открываю. Я слышал об этом заповедном перстне. Для такого великого дела не пожалею я своей жизни, а достану этот перстень, хоть бы лежал за тридевять земель, в тридесятом царстве, в самой глубине морской.

Вдова выслушала его и сказала:

— Твоими бы устами мед пить, а твоей красивой бородой разметать все трудные напасти.

Попрощавшись со вдовой, Искатель пошел в круглый дворец, где, как в небе, солнце, луна и звезды небесные ходили. И со своими учеными товарищами стал Искатель рассматривать звезды, и нашли они самую яркую, самую холодную звезду, под которой находился холодный холм.

И сказал Искатель своим товарищам:

— Вот эта яркая холодная звезда находится на севере, она будет мне указывать путь к заповедному перстню.

Пошел Искатель к мудрому вождю народа, рассказал ему о желанном путешествии и просил вождя, чтобы дал он самый лучший корабль с командой, поварами, лекарями и сестрами милосердными. А вождь, узнав о перстне заповедном, о том, что блеск и сияние его откроют народу богатства мира, дал Искателю все, что он просил.

Спустя малое время Искатель приготовил все, что требовалось для дальнего путешествия, и корабль был готов, а на вершине мачты колыхалось разукрашенное

красное знамя, вышитое разными шелками и усыпанное драгоценными камнями. Попрощавшись с мудрым вождем, Искатель отплыл от столичного города по быстрой реке и пошел в широкие моря, в большие, великие океаны.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наконец, пришел корабль во владение морского царя. Только въехали, как царь зарычал:

— Сколько веков я царствую, еще никто не смел явиться ко мне!

И объявил морской царь Искателю войну. Выслал на него морских зверей с мохнатыми башками, с длинными клыками, со страшными глазами, а впереди всех верного своего слугу кита со множеством белых медведей.

Перестрелял Искатель со своими товарищами всех зверей, дорогие шкуры содрал, мясо подобрал, а сам не унывает: каждый день вести посылает мудрому вождю, что свой путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что побил Искатель морских зверей. Высунул царь из воды башку, разинул страшную пасть, дунул холодным духом поверх воды и покрылось море ледяной броней. Да Искатель не испугался. Призвал товарищей, приказал им броню ломать. Взялись товарищи за руль, повели корабль вперед и ледяную броню тяжелым кораблем изломали.

Видит морской царь: ничто остановить Искателя не может! Выпучил он тогда свои огромные, как мельничные колеса, глаза, над ними же — мохнатые брови. Как повел царь этими бровями, сделалась сразу страшная буря, снежная метель и ночная тьма. Тут товарищи и говорят Искателю:

— Ехать дальше нельзя.

Вышел Искатель на палубу корабля, потрянул своей красивой бородой — пропали метели. Позвал Искатель

товарища с чудесным зеркальцем. И как взошел тот на палубу, сразу сделалось светло от зеркальца.

А Искатель все не унывает, каждый день мудрому вождю вести посылает о всех боях с царем морским и от вождя тотчас ответ получает и путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что и это не помогло, разинул он страшную пасть, выставил огромные клыки, стало море, как кипучий котел. И сказал царь Искателю:

— Платите дань, а не то я всех вас в полон возьму!

Наотрез отказался Искатель дань платить. И путь свой продолжал. Тут морской царь сжал корабль мохнатой клешней, нос корабля отхватил. И стал корабль тонуть.

Призвал Искатель товарищей, приказал все вещи на ледяную скирду выносить. А сам Искатель поднялся на высокую мачту, снял драгоценное знамя.

Только сошли на скирду ледяную, корабль утонул. Стали они устраивать на ледяной скирде шатры, стенки шатров шкурами морских зверей обивать, под бока подстилать. Всем дела хватило! Кто еду готовил, кто за кипучим морем зорко дозорил.

А Искатель призвал товарища Радослуха и говорит ему:

— Скажи всему народу, что мы живем на льдине, близ холодного холма, против яркой и холодной звезды.

И Радослух крикнул так громко, что услышал его весь народ и весь вольный свет, и сам мудрый вождь.

Взял Искатель знамя и пошел к холодному холму, где лежал заповедный перстень. Расковырял холодный холм и достал перстень, вернулся к своим товарищам и приказал устроить пир. А на то место, где перстень лежал, Искатель поставил драгоценное красное знамя, и свет от него сиял, как радуга-дуга.

Тогда царь морской им говорит:

— Я вас все равно не мытьем, так катаньем возьму, заморожу.

Но и мороз они перенесли благополучно. Видит морской царь, что и это их не берет. Выплыл тогда он наверх и ударил хвостом по льдине, и раскололась льдина надвое.

Тут Искатель приказал перенести все вещи на ту льдину, на которой он сам находился. И только они успели все переправить, царь морской потащил льдину на дно моря. Посмотрел он, что было в жилищах, а там не только людей нет, а даже никакой вещи не осталось. Плюнул царь с досады, да так плюнул, что море вздулось и вырос столб вышиною до небес и сразу замерз.

Видит морской царь, что ничто не берет, ничто не пугает Искателя. Разинул он свою пасть и стал он грызть ту льдину, где остались жить люди с Искателем. С каждым днем льдина все меньше и меньше остается. Призвал Искатель Радослуха и говорит:

— Сообщи скорее мудрому вождю: остается нам жизни несколько дней и несколько ночей, находимся мы в большой опасности.

Как только вождь услышал о несчастье, сказал, чтобы слетались к нему все стальные птицы. И слетелись тут же птицы. И на каждой птице сидел герой-богатырь. И все они дали согласие спасти Искателя и его товарищей.

Поблагодарил их мудрый вождь, и полетели они в далекий путь.

А Искатель уж знал, что к ним стальные птицы спешат. Призвал он товарищей и говорит:

— Расчищайте ледяное поле, чтобы было где птицам сесть.

Стали товарищи срывать горы.

В памятный день под самыми небесами слышит Искатель урчание, будто тетерева играют. Но их не видно:

такую тьму напустил морской царь, такие метели да бураны нагнал!

Позвал тогда Искатель товарища, заиграл тот чудесным зеркальцем, показал правильный путь стальным птицам. А на самой огромной птице летел Коля; пробился он сквозь бураны и снежные метели и сел на приготовленное ледяное поле. А как радовались при встрече — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Усадил Искатель всех женщин на стальную птицу, с малыми ребятами, а морской царь еще пуще стал сжимать льдину. Но герой Коля поднял птицу под самые небеса, а остальные птицы одна за другой опускаются, одна кружится, а другая на приготовленное место садится. И все товарищи сели на стальные птицы, а последним поднялся сам Искатель с заповедным перстнем. И крикнул на прощанье морскому царю:

— Мы тебя победили!

Высунул царь морской свою безобразную зеленую башку и хотел проглотить холодный холм с красным знаменем. Это заметил юный герой-богатырь, пустил птицу вниз и приказал ей, чтобы она сильно клюнула в башку морского царя. И она так сильно клюнула, что дурная башка разлетелась на несколько частей.

Полетели птицы в теплые земли, осталось на холодном холме красное знамя драгоценное. Оно развевается и развеяться будет вечно, и будет оно всем путь показывать.

Весь народ ожидал возвращения Искателя. Вождь приказал сделать пир на весь мир. И пришла на этот пир радостная вдова встретить сына своего любимого, увидеть заповедный перстень.

Сели птицы возле дворца на чистую, как хрусталь, площадь. Первым вышел Искатель с перстнем. К нему подбежала вдова, и он ей вручил перстень, и она смело подошла к мудрому вождю и просит его:

— Возьми заповедный перстень!

Мудрый вождь руку ей протянул, и только она успела коснуться перстнем его руки, как заблестал перстень, засиял и открылись богатства холодных земель для всего народа. И слава об этом разнеслась по всему вольному свету.

Сталинский источник

В ЛЕСУ дремучем, среди высоких скал и ущелий жил старик Григорий. У него было три сына. Старший Иван, средний Кеша, а младший сынок — Митя. Все три сына занимались охотой, ходили они изо дня в день на охоту.

Однажды Митя поднялся рано утром и ушел на охоту. Проходил он весь день, а охота у него была неудачная. К вечеру поворотил он домой и вдруг попадает ему благородный марал с дорогими рогами. Митя очень обрадовался такой встрече. Он сдернул с плеч свою кремневку, навел курок и выстрелил. В это время марал повернул свою голову, пуля угодила в рог и отстрелила. Марал бросился бежать, а Митя стал заряжать свою кремневку. Пошел в то место, где стоял марал. Тут кровь ручьем пробежала, и он стал выслеживать по этой крови. Но не долго пришлось ему выслеживать, на дворе стало темно, и Митя повернул домой.

Приходит он домой, братья встречают его и спрашивают, почему он не сказал и ушел. Ничего не ответил братьям Митя и лег спать.

На утро он встал чуть свет, поел сухомятом хлеб с водою и поторопился идти, чтобы братья его не задержали.

Долго ему пришлось блудить и выслеживать то место, где был след крови.

Сколько он ни ходил, сколько ни следил, но найти ничего не мог. Проходил он тоже допоздна и стал между собою говорить:

— Эка какая неудача, нет фарту.

На дворе стало позднеть. Хотел поворачивать домой и вдруг услышал он какой-то невнятный шорох. Стал он прислушиваться и что-то ему показалось в потемках наподобие марала.

И стал он на четвереньках к нему подкрадываться. Тонко нужно было подкрадываться: потому зверь был очень пряткий, мог убежать.

Дополз он к нему на близкое расстояние и стал рассматривать. Марал махал головой. И видит Митя одной половины рога не было. И все он свой больной рог склонял к земле и опять подымал голову кверху, и Митя стал замечать: рог почему-то стал увеличиваться. Митя еще стал прилежнее смотреть и заметил, что рог марала восстановился и принял почти нормальное положение и зверь зашагал крупными шагами.

Недолго думая, стал Митя подползать к тому месту, где стоял благородный марал. Увидел он источник бурлящий, как в котле. Понял Митя, что зверь больной рог опускал в этот источник.

Заинтересовался Митя, взял он пригоршню этой воды и тоже хлебнул. Сперва вода показалась на вкус кислой, а спустя немного времени она стала ему приятной.

Домой пришел он поздно. Братья ждали его ужинать. Садятся все за стол, начинают беседу. Спрашивают Митю, зачем он второй раз уходил и что видел?

Стал Митя рассказывать своему отцу и братьям, что он вместо зверя открыл такое сокровище, даже не верится. Видел Митя, как марал отстрелянный рог в чудесном источнике лечил.

Отец Мити крепко болел. Рассказал Митя отцу про чудесное действие источника.

— Завтра, папаша, я возьму посудину и пойду на этот источник.

А отец и говорит:

— Да найдешь ли только ты его?

Засмеялись братья, не поверили рассказу про чудесный источник. Рано утром Митя взял стеклянную посудину и пошел разыскивать чудесный источник.

Приходит он рано на источник. А на источнике были всевозможные звери. Были тут и олени, и горные бараны, и козлы, и лисицы, и рыси. И все пили этот источник и между собой переговаривались.

Козел говорит:

— Скакал я по скалам — расколол ногу. Теперь приходится лечить ее.

Олень рассказывает:

— Повернулся я быстро и чуть шею не сломал. Вот и делаю себе примочки из источниковой воды.

Кто жаловался на плохой аппетит, а кто на боли в желудке.

Митя слушал и не хотел мешать их разговору. Звери все разошлись. Подошел он к источнику, зачерпнул себе воды и закупорил ее крепко в бутылку. Немного отошел с того места, бутылка от крепости воды лопнула.

— Ах, — Митя даже заплакал и говорит: — какая неудача!

Стал он делать заметки: где пригнет кусточек, где вершинку сломит, и таким путем пришел он домой.

Пришел Митя домой, а братья и спрашивают:

— Ну, брат, где источниковая вода?

Тогда он говорит, что вот случилось несчастье, бутылка не выдержала и лопнула. Братья еще стали пуще смеяться и говорят ему:

— Нет, брат, что-то нам не верится, что ты нашел целебный источник.

Ничего не ответил им Митя и раненько лег спать. Встал рано утром, взял алюминиевую фляжку и пошел за водой. Но по заметкам он не блудил и скорее-шенько пришел на источник, почерпнул этой воды и обратно, чуть не бегом. Он боялся, как бы и алюминиевая фляга его не лопнула. Но на флягу источник не подействовал.

Приносит Митя домой флягу, наливает кружку, подает отцу. Отец взял эту кружку, стал ее пить с осторожностью. На первый раз она также ему показалась не так приятна, а когда он ее всю осушил, постоял немного и почувствовал в себе большую перемену.

Весть про целебный источник разлетелась по всей округе. Все стали приходить и спрашивать Митю. Митя стал каждого водить на этот источник, и люди стали пользоваться им. Вскоре весть об источнике дошла и до богатых людей.

Захватили богачи целебный источник и стали строить разные постройки. Прогнали бедный люд от источника и поставили сторожей. Каждый год к целебному источнику стало стекаться много богатого народа.

Проходит год, другой, проходит и третий. Источник стал исчезать и, наконец, скрылся. Долго искали богачи целебный источник, да так и не нашли.

Митя был страшно удивлен, куда девался целебный источник?

В глухую полночь, когда сторожа ушли, Митя пробрался к источнику и прилег на зеленую траву. Вдруг он услышал журчание: будто несколько источников стали между собой говорить:

— Придет время, когда родятся на земле великие мудрые люди и возьмут в руки власть, и тогда мы опять по-

явимся на поверхности земли и к нам потекут со всех сторон рабочие люди.

Митя не стал долго лежать там, боялся, как бы кто его не заметил.

Приходит он домой и стал рассказывать братьям и отцу. Братья опять стали над ним смеяться.

— Как ты это, Митя, много знаешь. Перво говорил, что звери разговаривали, понял их, теперь даже и источники ты понимаешь.

— Не понимал бы я это. Однажды мне пришлось в тайге видеть какие-то плоды чудесные, срывали их птицы. И я то же делал. Думаю, что бы значило, дай-ка я сорву плоды. И когда скушал этот плод, стал и я понимать, о чем травы шепчутся, о чем деревья скрипят.

Братья над ним смеялись.

А Митя не стал их уверять.

В одно прекрасное время свергнули царя. Прогнали приспешников его. Пришли великие, мудрые люди — товарищ Ленин и товарищ Сталин и поставили советскую власть. Послали они своих людей посмотреть, где что хорошее, где что худое. Хорошее — продолжать, а худое — уничтожать. И вот как раз эти люди пришли и посмотрели на целебный источник и узнали, что он великое имеет целебное свойство. Доложили об этом дорогому товарищу Сталину.

Послал дорогой товарищ Сталин своих людей восстановить целебный источник и устроить там все по-хорошему. Поставили там разные гостиницы, столовые да курзалы, провели электричество и осветили тайгу. Провели туда и радиоузел.

Приезжают к целебному источнику рабочие люди, кто честно трудится, тот и довольствуется всеми благами. Лечатся здесь рабочие люди, отдыхают, уезжают к себе на родину и прославляют дорогого товарища Сталина и с утроенной силой работают для блага народа.

И стоит там памятник дорогому товарищу Ленину с распростертой рукой, приглашает всех — кто имеет право на труд, тот имеет право на отдых.

И назвали этот целебный источник именем дорогого товарища Сталина, и славушка прошла о нем по всему земному шару.

Прошло тридцать лет и с каждым годом светлее и краше становится. Все выше и выше поднимает он свои целебные воды, все чище и чище, светлее да светлее и нет равного ему!

Самое дорогое

КОГДА у нас пришла советская власть, стали организовываться колхозы. В одном местечке, в Прибайкалье, тоже организовался колхоз. Однажды сделали колхозники собрание. На собрании участвовало народу много, весь колхоз собрался. И стали беседовать, друг друга спрашивать, что у нас самое дорогое на свете. Иные говорили так, другие говорили иначе. Трактористы говорили про свои тракторы, пахари говорили про свои плуги.

— Вот мы землю вспашем, пробороним ее хорошо, посеем на ней пшеничку, сожнем ее и намолотим ее, поделим на трудодни и будем стряпать пирожки. Это у нас и есть самое дорогое, — говорят хлеборобы. Женщины говорят:

— Нет, у нас самое дорогое коровушки. Мы их подоим, криночки поставим, сметаночки соберем и настряпаем оладков, блинков. Вот и покушаем. Так что мы думаем, самое дорогое — коровушки.

Рыбаки говорили:

— Нет, без нас вы не обойдетесь. Вот мы наладим свои снасти — невода и сети. Закинем мы свои невода и поставим мы свои сети. Наловим всякой разной рыбы, а назавтра у нас свои пироги, тогда можно справлять

именины и всякие другие праздники. Вот у нас это самое дорогое.

Каждый хвалил свою профессию.

Спорили, спорили и они порешили послать людей, узнать, что есть на свете самое дорогое.

Выбрали старика Ефима, как человека бывалого, ездалого и прожившего на веку много лет. Он может узнать лучше всех, что есть самое дорогое. Из молодых выбрали рыбака Ивана, а из женщин — старушку по имени Аксинья.

И вот эти выбранные три человека призадумались. Куда идти — не знают.

Старушка Аксинья и говорит:

— Есть у меня от бабушки клубок, и этот клубок куда ему прикажешь, туда и побежит. Он нас может привести к самому дорогому.

Аксинья вернулась домой, открывает свой сундук и разыскивает в узле завернутый заветный клубок.

И берет она этот клубок и несет на ростань, где ее дожидались дед Ефим и рыбак Иван.

Вот Аксинья и говорит:

— Вот сейчас мы и узнаем.

Вынимает она свой клубок, к клубку прикрепляет шнур. И говорит она этому клубку:

— Ну, дорогой мой клубочек, заветный, катися туда, где есть у нас самое дорогое.

Клубок покатился, а эти трое пошли за ним.

Покатился клубок к бурной речке. Через бурную речку построен хороший мост. Они и удивляются: сколько хлопот было с переправой через речку, а смотри, что сделала советская власть. Вот пожалуй, это и есть самое дорогое.

Но клубочек прокатился и покатился дальше.

Прикатился он к большому, страшному болоту.

Когда они подходили, думали, что нет тут пути-дороги. Глядь, а клубочек катится и катится: через это болото была устроена хорошая шоссейная дорога, покрытая асфальтом. Вот они все удивляются:

— Здесь ведь раньше только птицы летали, а люди и близко не подходили. А смотри-ка, какая устроена дорога!

Дед Ефим говорит:

— Да, это все устроили трудолюбивые советские люди. Между тем клубочек все катится дальше и дальше, а они-то думали, что это и есть самое дорогое.

Клубочек катился много времени, а они как будто не уставали и все продолжали за ним.

Катился он быстро. Катился, катился и прикатился к кремлевским воротам и ударился об стену и закатился он в кремлевские ворота. И подкатился он к громаднейшему дому.

Тут их встретили разные люди, спрашивают:

— Куда вы?

Они ответили:

— Ведет нас клубок искать самое дорогое.

А клубок закатился в этот дом, и навстречу им вышел дорогой товарищ Сталин.

Вот тут клубок и остановился.

И стали они рассказывать дорогому товарищу Сталину, что пошли узнать, что есть на свете самое ценное и дорогое.

Дорогой товарищ Сталин стал говорить, как жить, как трудиться, как быть в дружбе со всеми народами. Дал им товарищ Сталин наставление, рассказал им золотыми словами.

И тут они поняли, что нашли, что есть самое дорогое. Тут и клубок потерялся, не стало клубка.

И вот дорогой товарищ Сталин велел своим людям показать им всю Красную Москву...

Повезли их по подземелью, в метро. Они тут страшно удивились. Думали, что Москва только наверху, а там оказывается вторая Москва! Машины идут и никакого ни дыма, ни запаха. Поднимались они и опускались по волшебной лестнице и благодарили дорогого товарища Сталина. Показали им и канал Волга-Москва. Ехали они по каналу и удивлялись: какая рука так работает и какая рука переливает эти воды? А им говорили проводники:

— Это все сделано по указанию дорогого товарища Сталина.

Переродилось зрение ихнее, сердца ихние, так бы они ехали, смотрели и смотрели.

Повезли их обратно в Красный Кремль, и стали благодарить они дорогого товарища Сталина.

Дал он им напутственное слово, чтобы они крепко рассказали своим колхозникам: трактористам, пахарям, комбайнерам и заведующим фермами, что есть Москва.

Дали они обещание товарищу Сталину, что мы не только удвоим, но и учетверим свои силы на благо народа, а свои рассказы передадим нашим колхозникам, которые нас послали посмотреть, что есть самое дорогое, и мы это привезем самое лучшее и дорогое.

Попрошались они, поблагодарили дорогого товарища Сталина. Проводил он их до ворот кремлевских, и поехали они на вокзал. Сели они на поезд и все время беседовали, и один другому напоминал, что он видел, что заметил.

С этими пересказами они так и приехали в свой колхоз.

А когда приехали, колхозники собрались с большой радостью и сделали собрание.

На собрании выступил дедушка Ефим и стал им рассказывать:

— Я не думал, что доживу до такого времени и пришлось мне пожить, и побывать, и узнать, и есть, что вам пересказать. Трудитесь, дорогие товарищи, работайте каждый по своей профессии, как учит нас дорогой товарищ Сталин.

Отступил дедушка Ефим и стала бабушка Аксинья рассказывать всем бабам:

— Вот, девушки, старушки, удостоилась я чести по вашему согласию побывать в Москве. Если бы да не послали меня, откуда бы я знала то, что видела.

И стала она давать им наказ — самое дорогое — слово дорогого товарища Сталина.

Все женщины, все старушки в один голос Аксинье в ответ:

— Мы будем теперь работать с утроенной силой.

И благодарили за золотые слова дорогого товарища Сталина.

Начал рассказывать и рыбак Иван.

— Много, премного я вас благодарю, что удостоился через вас пойти поискать самое ценное, самое дорогое. И я дошел и увидел и был у дорогого товарища Сталина. Посмотрел я достижения нашей советской власти.

И вот дал нам товарищ Сталин напутственное слово: как жить, как трудиться и как в дружбе со всеми народами жить.

С большим вниманием выслушали колхозники своих ходоков, и все пошли дружно работать. И стал их колхоз первым, передовым колхозом.

Рыбак Василий и его семья

В ОДНОМ местечке на Украине жил старик-рыбак. Был у него сын Василий, тоже хороший любитель рыбной ловли.

Когда прошла организация колхозов, то Василий вступил со своей семьей в колхоз. В колхозе знали Василия как хорошего рыбака и поставили его тоже на рыбалку. Василий изо дня в день ходил рыбачить, а старик дома сети починял.

У Василия была семья: старший сын Ваня десяти лет, дочка семи лет, а младшему сынишке было пять лет.

Старик с ними возился и нянчился, рассказывал им сказки.

Однажды Ваня говорит:

— Дедушка, а дедушка, я тоже буду ходить рыба-
чить!

А дедушка отвечает:

— Нет, Ваня, ты еще мал, твое время не уйдет! На-
доест тебе эта рыбалка.

А внук настаивает на своем:

— Нет, дедушка, я буду ходить на охоту!

Однажды утром приходит Василий с рыбалки, ста-
рик говорит ему:

— Не дает мне покою внук. На своем настаивает, хочет он ходить на рыбалку. Я его перестал уговаривать. Говорю, что вырастешь, находишься, а он на своем стоит.

А сын Василий говорит:

— Нет, отец, пусть он себе ходит на рыбалку, пусть привыкает. Навык-то, ведь, надо с детства, а не тогда, когда уж вырастет. Пусть учится, привыкает и выйдет из него настоящий рыбак.

Не стал перечить старик внуку, и Ваня стал ходить с отцом на рыбалку.

Приходят они с рыбалки, встречает их жена Василия печальная, с заплаканными глазами. Муж спрашивает ее:

— Что, жена, у тебя глаза заплаканы?

А она ему говорит:

— Как же я не буду плакать! Слыхала я в колхозе страшную весть, что на нас пошли лютые фашисты. Грабят они и разбейничают. Мужчин уводят в плен, над женщинами и девушками издеваются. Вот я не могу себя сдерживать, вот и плачу.

Как услышал Василий ее слова, не стал он есть, бросил он ложку на стол, посидел, подумал и сказал:

— Запишусь я в отряд!

Сколько ни уговаривала, сколько ни упрашивала его жена, Василий все-таки ушел в отряд.

Проводила жена своего мужа и думает:

— А что же он не дал нам совета, что же мы будем делать, как будем жить?

Пошла жена Василия в колхоз, рассказала в правлении, что Василий ушел в отряд добровольцем. Стала она просить какую-нибудь работу, чтобы работать на благо народа.

— А в колхозе ей и говорят:

У тебя сынишка подрос, можешь ты со своим сынишкой рыбачить. Рыболовные снасти у вас есть.

Так и порешили.

И вот стала теперь жена Василия ходить с сыном рыбачить утром и вечером.

Пошли они однажды вечером на рыбалку. Подходят к реке. Только хотели закидывать они сети, как увидели отряд озверелых фашистов.

— Что делать? Как быть?

— Заберут нас и уведут в плен!

Мать и говорит сыну:

— Спрячься-ка ты в кусты да понаблюдай за этими зверями, а я побегу что есть мочи до колхоза и постараюсь сообщить об этом в отряд.

Мать убежала. Ваня притаился в кустах и стал наблюдать за фашистами.

На дворе накрапывал мелкий дождик, темнело. Фашисты побоялись идти дальше и стали разбивать палатки, одни стали готовить ужин, другие повалились от усталости на землю и захрапели.

Ванюша в темноте стал к ним подкрадываться. Подполз он близко и слышит, что фашисты все до одного спят.

Подумал про себя Ваня:

— Не сумею ли я принести пользу для блага народа? Давай подползать он ближе к лютым фашистам. В темноте нашарил он пулемет, осторожно оттащил его в сторону, припрятал в кустах и опять пополз к врагам. Нашарил несколько винтовок, спустил их под бережок, пополз в третий раз. Слышит кто-то зашевелился и зашумел. Ваня подался от лютых фашистов в сторону и убежал.

Мать тем временем добежала до дому, расспросила дорогу и стала разыскивать красный отряд. Она изодрала все свои ноги, изорвала всю свою юбку, но боли

не понимала. Бежала, она бежала по лесу темному, по чащам непроходимым, и наконец, наткнулась она на красный отряд. Разыскала она командира красного отряда и рассказала все, что видела.

Собрал командир своих партизан и повел их таежными тропами на лютых фашистов.

Шел отряд долго ли, коротко ли, а навстречу им Ваня.

Мать обрадовалась и стала расспрашивать про лютых фашистов.

Ваня рассказал, что он сделал, как он припрятал пулемет и винтовки, и что лютые фашисты спят мертвецким сном.

Ваня хорошо запомнил дорогу и завел партизан с выгодной стороны.

Проснулись злодеи и стали люто защищаться. Но отступать было некуда. Схватка была короткой: многих побили, многих поранили, а некоторых взяли живьем.

Наступил рассвет. Видит рыбака — перед ней Василий стоит, красный партизан. Радостям не было конца! Вся семья рыбака поднялась на защиту родной земли. Все подходили и поздравляли Василия, жену его и Ваню.

Партизаны устроили митинг. Выступил на митинге и рыбак Василий:

— Сумели мы победить отряд лютых фашистов, победим мы и всех врагов, как нам приказал дорогой товарищ Сталин. Будем служить верой и правдой советской земле, уничтожим фашистов навсегда!

И стали партизаны бить и истреблять кровавых фашистов, стали очищать родную советскую землю от лютого врага. Вместе с отрядом сражался и рыбак Василий. Везде ему была удача, и остался он цел и невредим.

Окончилась война, очистили родную советскую землю от кровавых фашистов, стали восстанавливать города и села.

Прошла про рыбака Василия и его семью славушка добрая по всему земному шару.

Мудрая мать

В НЕКОТОРОМ государстве, а именно в том, в котором мы живем,— в нашей стране, на нашей земле, жила да была мудрая мать. Трудолюбива была она, приспешница, — такую поискать. Детей у нее было много: шесть дочерей да три сына. Детки один одного лучше, один другого краше, волос в волос, голос в голос. Мать с дочками холст ткет, сыновья в лес на охоту ходят, землю пашут, траву косят. Работали дружно, это так и нужно.

Вот один раз села мудрая мать холст ткать конопный да толстый-претолстый. Ткала она с дочками три года, и он стал льняной да такой тонкий-претонкий, как кленовый лист. Что его дальше ткет, то он тоньше делается, все лучше да крепче. Поглядят, все равно что играет челнок в руках, посвистывает. Проткала она его еще двадцать лет, и холст стал шелковый да такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сыновья тоже работают, — поглядеть любо-дорого. Амбары полны всякого добра, на лугах скотина пасется. Сала, яиц, молока, меду — всего вдоволь. Жить поживать да добро оберегать от вора-злодея, от любого лиходея.

Пошел старший сын оберегать границы, а сестрицы да братья ему гсворят:

— Иди, дорогой наш брат, нас много, будем также хорошо работать.

Пошел и второй, средний сын, во флот, охранять берега. Сестрицы и брат говорят:

— Иди, дорогой наш брат, а мы и одни управимся. Живут на радость друзьям, на зависть врагам.

Но вот война грянула, да такая, что и старики не упомнят. От лязга, грохота железного земля сотрясается, леса темные преклоняются. Летят по воздуху хищники смертоносные, рвутся бомбы взрывчатые, рушатся города каменные.

Не усидеть младшему сыну. Говорит он своей матери:

— Матушка, отпусти меня на войну, хочу за Родину постоять, врагов лютых отогнать, чтобы и впредь неповадно им было на нашу землю ходить смердить да мерзить.

— Ох, мое дитяtko, — говорит мать. — Ты еще так молод. А уж если так хочешь, вот тебе три загадки, отгадаешь, — быть по-твоему:

«Что самое дорогое?»

«Кто всех сильнее?»

«И кто милее всего?»

Думал сын день, думал два, а на третий день отвечает:

«Самое дорогое — Родина».

«Сильнее всех — Советская Армия».

«Милее всего — товарищ Сталин».

— Хорошо, — говорит мать, — а вот тебе еще загадки, подумай, скажи:

«Что всего краше?»

«Что всего лучше?»

«Что всего крепче?»

Думал сын день, думал два, а на третий день отвечает:

«Краше всего — наша земля».

«Лучше всего — советская власть».

«Крепче всего — наша партия».

— Хорошо, — говорит мать, — быть по-твоему. Вот тебе конь.

Подводят ему коня, а конь стальной, в длину метров пять, от копыта до копыта рукой не достать.

— Вот тебе сынок, мой материнский подарок. Владей — не изнашивай, врагов бей — не спрашивай.

Остригла мать его кудри, положила себе на грудь. Сына проводила в дальний путь.

Бьется сын с врагами, а мать ткет, ткет холст да по-смотрит на кудри. Вьются кудри, завиваются, сердце материнское радуется: раз кудри вьются, то и сынок жив.

Посмотрела раз на кудри, а они завяли, почернели. Как быть, как беду избыть?

Посылает письмо самому товарищу Сталину.

«Дорогой товарищ Сталин, подарила я сыну коня, не простого, а стального, разреши мне теперь самой посмотреть, как сын мой на своем коне бьется с врагом. Много у меня заготовлено для родных моих детей и других подарков».

Разрешает ей товарищ Сталин поехать делегаткой и свезти подарки. Быстро собралась мудрая мать, захватила с собой натканное полотно. Долго ли она ехала, это ей лучше самой знать, а мне сказку продолжать. Вот приехала она на бранное поле. Гул такой, что земля дрожит, солнце красное от дыму померкло. Видит, лежат убитые, фуражкой накрытые, кто вниз лицом, а кто землей присыпан. Ходит мудрая мать по полю, хочется ей опознать своего сына убитого. Одному повернет голову, другому. До кого ни дотронется, тот и оживет и

опять в бой идет. Долго мудрая мать ходила и видит: у ракитова куста конь железный стоит, а около коня — сын-герой кровавые раны рукой закрывает. Ухватила мать его русы кудри. Встал сын на ноги.

Улыбнулась мать.

— Эх ты, мой сердечный сын!

Обняла его, омыла слезами радостными кудри русые. А враги стеной идут, куда ни посмотрит — везде враги зубы свои скалят, на языке собачьем кричат. Заслонила мать своего сына от пуль вражьих, вынула шелковое полотно, заалелось оно цветом алым.

Воскликнула мать громким голосом:

— Вперед, мои дети, истребим врага лютого!

И сколько было бойцов, кто убитый, кто раненый, кто усталый — все поднялись и пошли за матерью-героиней.

Испугались враги, когда увидели, что мертвые и раненые поднялись.

— Советскую Армию, — говорят они, — не победить, бойцы ее бессмертны.

Побежали изверги, и усеялось поле их трупами черными, словно черным вороньем.

Собрались бойцы вокруг матери, а она им говорит:

— Победили мы супостатов-злодеев. Не устоять им было перед нашим алым знаменем: ткала я его не год и не два, а много лет. И с каждым днем оно было крепче.

И был праздник да такой, что никому и не снилось такого веселья. Пировали и малые и старые. И я на пиру была и вас приглашаю пирожком закусить, винцом запить.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Летучий корабль	7
Поди туда— не знаю куда, принеси то— не знаю что	13
Златокудр-богатырь	33
Матюша Пепельной	44
Мартын	61
Золотая гора	70
Крошечка-Хаврошечка	75
Никита Кожемяка	78
Микула Селянинович	81
Два брата	85
Мужик и царь	94
Батрак Алексей	96
Как мужик долг отдавал	100
Как батрак хозяина обманул	103
Батрак	109
Барин и плотник	115
Пастух	118
Как чистота красоту понесла на высоту	120
Иван и судья-взяточник	123
Золото	129
Богатый и бедный	131

	<i>Стр.</i>
Семилетка	134
Про Петра Великого	138
Тайный сказ про Атамана Золотого	141
Кузнец и чорт	146
О молотобойце и чорте	149
Про Великого Полоза	152
Медной горы хозяйка	160
Сказка о купце Семигоре, дочке его Настеньке и Иване Беглом	171
Чайка	176
Клад	178
Как водяной кулака разорил	181
Мечь	187
Голь и Нищета	193
Ледяной холм	198
Сталинский источник	206
Самое дорожное	212
Рыбак Василий и его семья	217
Мудрая мать	222

Составитель *А. М. Жигулев*

Редактор *Т. И. Рычек*

Техн. ред. *С. И. Раков*

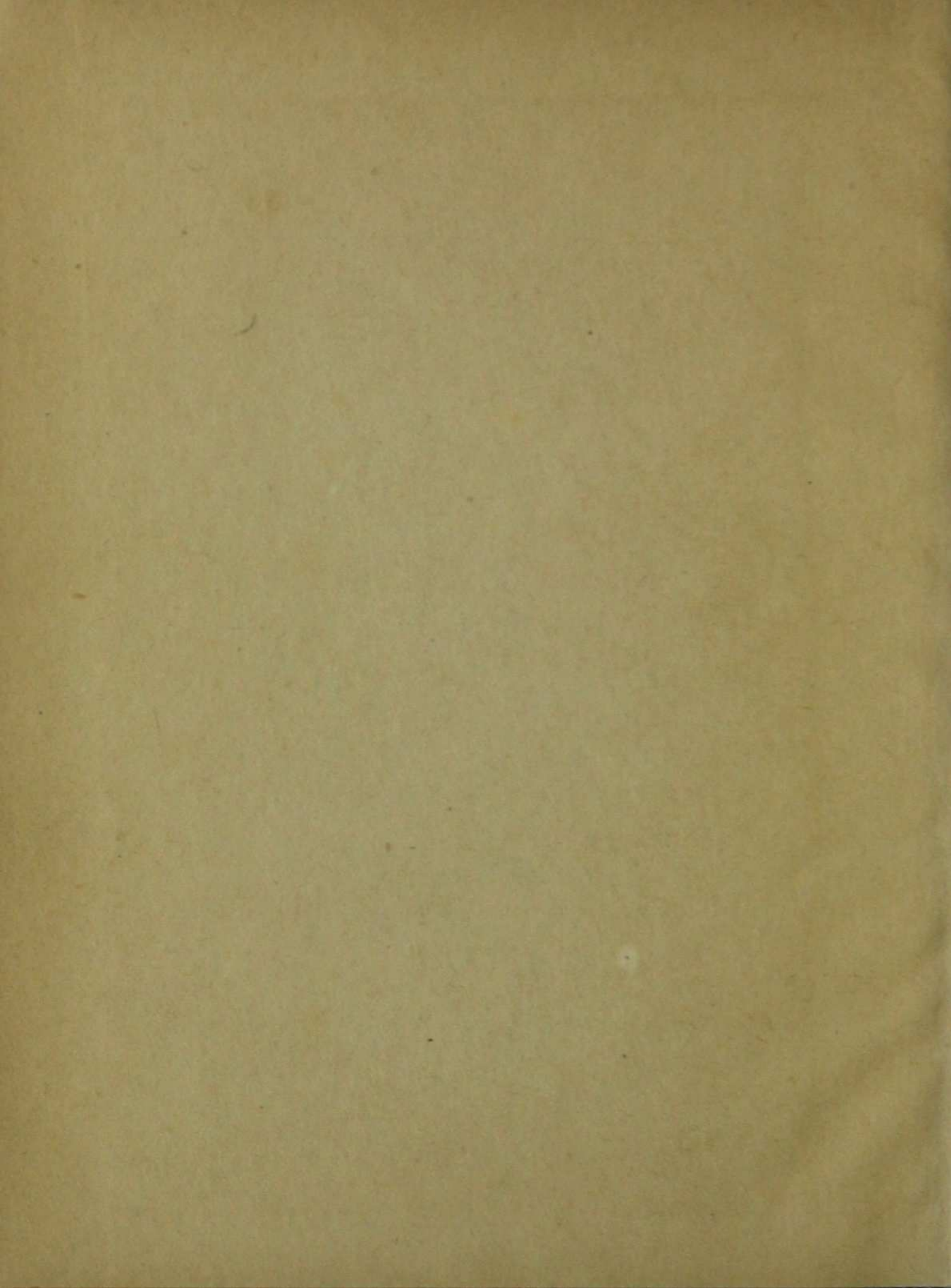
Оформление художника *Б. Г. Кликич*

Л71065. Сдано в набор 13/III-53 г. Подп. к печ. 11/V-53 г.
Бумага $70 \times 108^{1/32}$ — 3,56 бум. л. = 9,8 п. л.

В 1 п. л. 56 000 зн.

Тираж 90 000. Уч.-изд. л. 8,74. Уч. № 55/2067. Цена 2 р. 70 к.

Тип. Трудрезервиздата. Москва, Хохловский, 7. Зак. 514.

7

Цена 2 р. 70 к.

